

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

МАТВЕЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

**Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере
и особенности его лингвистического изучения**

(на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику)

10. 02.19. – теория языка

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель
д.ф.н., профессор Н.Д. Голев**

Барнаул 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Юрислингвистика как отрасль лингвистического знания на стыке языка и права.....	14
1.1. Предпосылки и значение возникновения юридической лингвистики.....	14
1.2. Юридическое функционирование языка как объект лингвистического исследования.....	22
1.2.1 Юридический аспект языка: язык как объект правового регулирования.....	23
1.2.2 Юридический аспект языка: правотворчество.....	32
1.2.3 Юридический аспект языка: реализация права.....	39
1.3. Языко-речевой конфликт в аспекте юрислингвистического исследования	56
1.3.1. Ограничения естественной коммуникации и языко-речевые конфликты.....	57
1.3.2. Виды конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику.....	66
Выводы.....	80
Глава 2. Конфликтный текст: вид и параметры исследования в юрислингвистическом аспекте (на материале экспертиз конфликтных текстов).....	82
2.1. Лингвистическая экспертиза как особый вид лингвистического исследования конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику.....	82
2.1.1. Общая модель лингвистического экспертного исследования.....	83
2.1.2. Гносеологические возможности лингвистической экспертизы....	106

2.1.3. Лексикографический аспект лингвистической экспертизы.....	119
2.2. Параметры исследования конфликтного текста, вовлеченного в юридическую практику.....	128
2.2.1. Номинации в конфликтном тексте.....	130
2.2.2. Событийная и оценочная информация	134
2.2.3. Лексический аспект конфликтного текста.....	146
2.2.4. Прагматический аспект конфликтного текста.....	153
Выводы.....	162
Заключение	164
Литература.....	167
Приложения.....	185
Приложение 1.....	187
Приложение 2.....	212
Приложение 3.....	215

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа вписана в контекст становления юридической лингвистики как специфической отрасли лингвистического знания и особого раздела социолингвистики и посвящена описанию особенностей юридического функционирования языка. В диссертационном сочинении разрабатываются теоретические основания лингвистического исследования конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику.

Любые формы социального взаимодействия, в том числе и естественная коммуникация, неизбежно рожают потребность юридизации. Конфликтные отношения, связанные с языко-речевыми явлениями, есть социальные отношения особого типа, подлежащие правовому регулированию.

Предопределяющий юридизацию языка его конфликтогенный потенциал обусловлен, с одной стороны, антиномичностью, континуальностью, стихийностью естественного языка, которые в любой момент коммуникации могут привести к конфликту непонимания [Гумбольдт 1985; Лосев 1982], с другой стороны, - существованием специальных средств «создания» конфликта, реализуемых в собственно конфликтном противостоянии [Голев 2003; Жельвис 2000; Третьякова 2003].

Модус долженствования, характерный для права в целом, нацелен на устранение любой амбивалентности, в частности амбивалентности языковой, – объективистский модус естественного языка стремится ко все большей вариативности. Проблема юридизации языка связана с поиском баланса языковых и правовых презумпций. Специфическая онтология юридизации языка формирует особый гносеологический подход, связанный с реализацией последовательного взгляда на язык

сквозь призму тех законов, которые определяют вовлечение конкретных явлений языка в юридическую практику. В результате складывается междисциплинарная отрасль знания, системно исследующая юридический аспект языка, – юрислингвистика.

Цель настоящего диссертационного исследования – выявление и лингвистическая характеристика особенностей юридизации конфликтных текстов.

Объектом исследования являются конфликтные тексты, **предметом** – юридический аспект их функционирования.

Актуальность обращения к проблемам лингвистического исследования конфликтных текстов определяется значимостью юридического функционирования языка и необходимостью его описания с лингвистических позиций. Актуальность описания юридического аспекта языка обусловлена несколькими факторами, которые сводятся к собственно лингвистическим и экстралингвистическим.

1. В отечественном языкознании отсутствуют системные разработки юридического аспекта языка, который в широком смысле является одним из сложных предметов социолингвистики, анализирующей социальные аспекты речевого взаимодействия, разные виды взаимоотношений между языком и обществом. Функционирование языка, определяемое нормой закона, до последнего времени не было предметом системных социолингвистических исследований.

Комплексному системному рассмотрению процесса юридизации языка способствует динамизация лингвистических и юридических исследований, посвященных анализу юридических аспектов языка (работы В.Н. Базылева, А.Н. Баранова, Ю.А. Бельчикова, Е.И. Галяшиной, Н.Д. Голева, М.В. Горбаневского, Т.В. Губаевой, В.И. Жельвиса, В.И. Карасика, Н.Б. Лебедевой, А.А. Леонтьева, Н.Б. Мечковской, Н.В. Сайковой, Ю.С. Сорокина, В.С. Третьяковой, Т.В.

Чернышовой, Б.Я. Шарифуллина и др.), и лингвистических аспектов права (работы А.С. Александрова, В.М. Баранова, И.В. Заяц, Е.А.Крюковой, Н.А. Любимова, А.Р. Ратинова и др.).

2. Научная парадигма системно-статического описания устройства языка сменилась парадигмой функционально-динамической, что обусловило рассмотрение всех традиционных языковых феноменов в новом аспекте. Современная лингвистика манифестировала идеи В. фон Гумбольдта, согласно которым изучение языка «не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, - цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985, с. 383]. Пограничная область лингвистики и юриспруденции предоставляет возможность изучать язык не в «самом себе и для себя», а в контексте смежных с ним феноменов. Это привело к глобализации объекта лингвистического интереса: изучение отдельных минимальных лингвистических единиц сменяется изучением дискурса. Функционирование конфликтных текстов, фиксирующих конфликтные отношения или способных привести к таковым, подлежит правовому регулированию, основания легитимности которого заложены в его соответствии языковым законам. В связи с этим юридическое функционирование конфликтных текстов ставит задачи комплексного анализа текста, а не какого-либо его отдельного параметра.

3. Антропоцентризм как принципиальная установка современной лингвистики предопределяет потребность не в «очищенных» от конкретных речевых ситуаций формулах и инструкциях, а в информации, учитывающей в максимальной степени феномен жизни человека – со всеми его психическими, социальными, этнокультурными характеристиками» [Иссерс 1999, с.14]. «Экстремальное» функционирование языка (Н.Д. Голев) представляет собой воплощение

различных человеческих устремлений, и юридизация такого функционирования невозможна в отвлечении от социальных, этнокультурных, психологических и пр. «наслоений».

4. В обществе сформировался социальный заказ на исследование юридического аспекта языка. Язык имманентен праву, и их стихийное сосуществование, долгое время не замечаемое, нуждается в изучении и переводе в регулируемый процесс. Это касается всех стадий существования права – от правотворчества до реализации права.

Особенно значим социальный заказ в сфере лингвистической экспертизы. Либерализация слова в российском обществе породила многочисленные конфликтные речевые ситуации, к которым оказались не готовы ни традиционная лингвистика, ни классическая юриспруденция. Наука отвечает на запросы общества увеличением числа прикладных задач, требующих специальных исследований. Становление лингвистической экспертизы показывает, что это новый вид прикладного лингвистического исследования, которое должно вестись по особым правилам и для особых целей.

Социальная значимость юридического функционирования языка обуславливает необходимость разработки теоретических основ и практических моделей юридизации языко-речевых явлений, в частности конфликтного текста.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть описание юридического аспекта языка в научной литературе и выявить основные направления его исследования;
- 2) выявить особенности функционирования русского языка в юридическом аспекте;
- 3) классифицировать конфликтные тексты, функционирующие в сфере юридической практики;
- 4) определить особенности юрислингвистического исследования

конфликтного текста;

- 5) выявить релевантную для юриспруденции модель лингвистического исследования конфликтного текста;
- 6) выделить параметры юрислингвистического исследования конфликтного текста;
- 7) выработать рекомендации по юрислингвистическому исследованию конфликтных текстов, гармонизирующие лингвистические и юридические презумпции.

В качестве **методов** для решения поставленных задач в работе использованы метод анализа научной литературы, индуктивный метод (от текстовых факторов, т.е. непосредственного наблюдения над объектом исследования, к выведению определенных закономерностей в языке), классификационный, сравнительный методы, метод моделирования, методика системно-иерархического описания стереотипных структур.

Экспланаторность как принципиальная установка современной лингвистики [Кубрякова 1995] обуславливает при исследовании юридического аспекта языка выходы в экстралингвистическую сферу.

Материалом исследования послужило 70 конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику. Комплексный подход к исследованию юридического функционирования языка обуславливает рассмотрение конфликтных текстов сквозь призму лингвистического экспертного исследования.

Выбор материала обусловлен несколькими причинами, первая из которых – малая изученность конфликтного текста, отсутствие исследований, реализующих взгляд на конфликтный текст сквозь призму законов, которые определяют функционирование подобных текстов в сфере юридической практики.

В последние годы в лингвистике наблюдается актуализация внимания к языко-речевому конфликту. Разные виды языко-речевых конфликтов исследуются социолингвистикой [Мечковская 2000; Карасик 2002; Крысин

1989; Речевое общение в условиях языковой неоднородности 2000 и др.], психолингвистикой [Горелов, Седов 2001; Жельвис 1990; Понятия чести и достоинства...2004 и др.]. Конфликтные тексты анализируются в когнитивном, прагматическом, лингвокультурологическом аспектах [Иссерс 1999, Муравьева 2002; Третьякова 2003 и др.]. Однако в юрислингвистическом аспекте конфликтный текст системно не изучался, имелись лишь отдельные наблюдения, представленные в [Юрислингвистика-1-5 1999, 2000, 2002, 2003, 2004 и др.].

Другой причиной, определившей выбор материала, явилась практическая потребность лингвистической экспертной деятельности. Стихийно осуществляемая лингвистическая экспертиза конфликтных текстов нуждается в разработке единых правил, общеметодологических принципов, гармонизирующих лингвистические и юридические детерминанты.

Кроме того, исследование конфликтных текстов сквозь призму лингвистической экспертизы наиболее наглядно отражает специфику юридизации языка, поскольку именно конфликтогенные свойства последнего детерминируют вовлечение его в сферу юридического функционирования.

В качестве источников материала были использованы:

1. Взгляд: Ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. 1 /2003/.- М.: Галерея, 2003.– 96 с.
2. Картотека Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам (www.expertizy.narod.ru)
3. Картотека Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета (www.lexis-asu.narod.ru)
4. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского.– М.: Медея, 2004.– 104 с.
5. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы

межрегионального научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002г. Часть1/ Под ред. Проф. М.В. Горбаневского.- М.: Галерея, 2002.– 96 с.

6. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 2 изд., испр. и доп. - М.: Галерея, 2002. – 336 с.
7. Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.– 263 с.
8. Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– 357с.

Отбор материала был произведен методом сплошной выборки.

Научную новизну исследования определяет системное рассмотрение юридического аспекта языка. По указанной проблематике имелись лишь отдельные наблюдения – настоящее исследование является первым системным опытом описания юридического функционирования языка.

В диссертационной работе осуществлен комплексный системный подход к исследованию юридического функционирования языка, позволяющий рассматривать юридизацию языка как онтологический процесс, специфика которого способствует формированию особых исследовательских презумпций.

В работе вводится принципиально новый тип материала – конфликтный текст, рассматриваемый сквозь призму лингвистического экспертного исследования.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в разработку проблем юридического функционирования языка. Диссертационное исследование способствует становлению специфического

раздела социолингвистики, системно анализирующего юридическое функционирование языка.

Комплексный подход к изучению юридического функционирования конфликтных текстов позволяет выявить принципы построения модели их лингвистического экспертного исследования.

Практическая значимость работы заключается в использовании указанной модели в лингвистической экспертной деятельности. Модель лингвистического исследования конфликтных текстов представляет собой такой уровень обобщения, который позволяет, на наш взгляд, ориентироваться на нее в практике проведения лингвистической экспертизы. Возможно применение разработанной модели для описания и классификации малоизученного материала (конфликтный текст и лингвистическое экспертное исследование).

Основные положения и выводы исследования могут использоваться в курсах по юридической лингвистике и лингвистической экспертизе в рамках специализаций «Лингвокриминалистика» и «Филологическое обеспечение профессиональной коммуникации (юридическая лингвистика)». Кроме того, материалы диссертации могут найти практическое применение при разработке рекомендаций по назначению и проведению лингвистической экспертизы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Специфика юридического функционирования языка предопределяется лингвистическими и юридическими детерминантами, требующими разработки принципов и синтетических моделей взаимодействия, гармонизирующих презумпции обеих сторон.
2. Юрислингвистика – область междисциплинарных исследований на стыке языка и права. Предметом изучения юрислингвистики является юридический аспект языка. Появление юрислингвистики как новой области междисциплинарных и прикладных исследований является

закономерным этапом развития лингвистики, юриспруденции и общества в целом, вытекающим из логики их эволюции.

3. Конфликтотенность как потенциальное свойство языка определяет специфику взаимодействия языка и права. С одной стороны, право регулирует использование языка, устанавливая нормы, способствующие предотвращению или легитимному разрешению конфликтов. С другой стороны, язык права вырабатывает особые юридизированные механизмы защиты от конфликта, что придает ему (языку права) значительную долю условности по отношению к языку естественному.
4. Экспертное лингвистическое исследование – особый вид лингвистического исследования текста, специфика которого обусловлена юридическим функционированием последнего. Модель экспертного исследования определяется теми структурными компонентами, которые содержатся в соответствующих статьях закона. Доказательственные возможности данной модели определяются выходами ее в экстралингвистическую сферу.
5. Особенности экспертного лингвистического исследования определяются объектом исследования и методологией гуманитарных наук. Для проведения лингвистического экспертного исследования необходим специальный инструментарий, предназначенный для решения экспертных задач, в частности словарь со специально разработанной системой лексикографических помет.

Апробация работы. Основные положения работы, обсуждавшиеся на заседаниях кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ и Лаборатории юрислингвистики и развития речи АлтГУ, нашли отражение в докладах на научно-практических семинарах и конференциях разного уровня: на Международной научной конференции «Языковая ситуация в России начала 21 века» (г. Кемерово, октябрь 2002г.), межрегиональном научно-практическом семинаре «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» (г.

Москва, декабрь 2002г.), Международной научно-практической конференции «Право и лингвистика (Симферополь – Ялта, сентябрь 2003г.), на межвузовском аспирантском семинаре лингвистических кафедр АлтГУ и БГПУ.

Теоретические положения работы получили апробирование в проведенных нами экспертных лингвистических исследованиях конфликтных текстов (приложение 1), а также при разработке проекта рекомендаций по назначению лингвистической экспертизы (приложение 2).

Основные результаты исследования отражены в 11 опубликованных работах общим объемом 4,7 п.л.

Структура диссертации. Текст диссертационного исследования состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, трех приложений.

Глава 1. Юрислингвистика как отрасль лингвистического знания на стыке языка и права

В главе анализируются проблемы, возникающие на стыке языка и права, выявляются тенденции в изучении юридического аспекта языка; рассматриваются ограничения естественной коммуникации, предупреждающие возникновение языко-речевых конфликтов; предлагается классификация конфликтных текстов, функционирующих в сфере юрислингвистической практики.

1.1 Предпосылки и значение возникновения юридической лингвистики

Юридический аспект языка был осознан как специфический предмет исследования и стал привлекать пристальное внимание отечественных лингвистов лишь в последние годы. Основоположником системного изучения юридического аспекта языка является Н.Д. Голев, идеи которого и развиваются в настоящей работе. Научные исследования на стыке языка и права приводят к формированию новой отрасли лингвистических знаний, которую Н.Д. Голев в своих исследованиях [Голев 1999а] определил термином «юрислингвистика» (юридическая лингвистика) – по аналогии, с одной стороны, с терминами: психолингвистика, этнолингвистика, онтолингвистика и подобными, - а с другой стороны с терминами: юриспруденция, юрисдикция, юрисконсульт. Определение в составе термина «юридическая лингвистика», как и других подобных терминов, относится не к самой дисциплине, а к ее объекту (ср., например, объяснение термина «политическая лингвистика» в [Паршин 2000]).

Возникновение юрислингвистики обуславливается несколькими факторами: внеязыковыми, общенаучными и собственно лингвистическими. «Движущими силами выделения новой отрасли знаний являются как

внешние, социальные, обстоятельства, так и обстоятельства внутренние, определяемые логикой развития обеих «перекрещивающихся» наук - лингвистики и юриспруденции – в их фундаментальном и прикладном бытии» [Голев 2003, с. 146].

В первую очередь отмечается острая необходимость исследования языко-правовых феноменов, вызванная экстралингвистическими обстоятельствами: в обществе давно существует социальный заказ на разработку лингвистических вопросов в юриспруденции, журналистике, некоторых сферах политики и других областях социальной практики (Александров А.С, Галяшина Е.И., Голев Н.Д., Горбаневский М.В., Губаева Т.В., Заяц И.В. и др.).

Становление юрислингвистики как новой области лингвистического знания обусловлено взаимодействием таких разнонаправленных феноменов социума, как язык и право. Конфликтогенность языка требует вмешательства права - язык же, будучи субстанцией текучей, аморфной, полной антиномий, не поддающейся строгой регламентации, является единственно возможным способом существования права, стремящегося к точности, однозначности, дискретности. Как и любая другая форма социальной практики, право существует в языке.

Общенаучные предпосылки возникновения юрислингвистики связаны с усилением интегративных процессов в науке и особой ролью лингвистики в этой интеграции. Познание человеком явлений окружающего мира всегда опиралось на определенные модели: сначала это была модель механизма (и доминирующая роль механики в науке), затем – организма (возвышается биология), сегодня – языка (Александров А.С., Балла О.). Современный уровень развития науки свидетельствует о том, что «единственное пространство, в котором возможна встреча и столкновение совершенно несоизмеримых познавательных феноменов, - это пространство языка. Мы видим, что история наук о языке демонстрирует какую-то фатальную повторяемость и сходство событий и процессов, происходящих в различных

областях познания: они втягиваются в поле языка» [Руденко, Прокопенко 1995, с. 128-129]. Ср. также: «...лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания» [Ажеж 2003, с. 279].

Положение лингвистики в современном научном мире в этой связи обусловлено двумя взаимонаправленными тенденциями: во-первых, лингвистика характеризуется расширением своих пределов, ее нельзя считать дисциплиной с четко установленными границами (см., например, [Алпатов 1995; Кубрякова 1995; Руденко, Прокопенко 1995; Кибрик 2002; Комлев 2003]); во-вторых, произошел общенаучный поворот в сторону языка - это значит, что лингвистика, по словам А.С. Александрова, «стала для современных гуманитариев (и не только для них) и тем же, чем была, например, биология для интеллектуалов в 19 веке. Лингвистика - наука наук. Через язык, в языке пытаются найти ответы на свои вопросы философы, социологи, историки, психологи» [Александров 2000, с.101]. Добавим к этому, что право также ищет ответы на многие свои вопросы в языке¹.

Юриспруденция активно включается в этот процесс и начинает познавать правовые феномены с помощью языка: появляются новые для отечественной юриспруденции идеи о том, что «в основе «всего юридического» лежат язык и речь»² [Александров 2003, с.3]; возникают новые отрасли междисциплинарных знаний – юрислингвистика (Голев Н.Д.),

¹ Ср. также: «Специалисты нелингвистических областей значительную часть времени в своей работе имеют дело с языком, не отдавая себе отчета в том, в какой степени они занимаются лингвистическими объектами. Как обстоит дело, например, в юриспруденции? Юрист, специалист по праву, не занимается поимкой преступников, не делает экспертиз, а работает с вербальными материалами (в том числе, например, и с результатами экспертиз). Любое право живет в языке и посредством языка. Его понимание и познание основываются на языковом понимании» [Комлев 2003, с. 147].

² Многие исследователи суть права видят в языке. Ср. высказывания Александрова А.С.: «...язык говорит правом. Язык первичен. Право вторично. Язык создал право начиная с первых табу», «... юридическое – это языковое, текстовое плюс властное», «Юрист – игрок на семантическом поле, которое образуется юридическим языком. Цель деятельности юриста – достижение своей выгоды, общественного блага юридическими- языковыми средствами. Насколько он владеет этими средствами, насколько он технически искусен – настолько он успешен в своей дискурсивной практике», «В закономерностях языка лежат основания права» [Александров 2000, 2001, 2003]. Американский правовед, профессор университета Флориды У. Проберт предлагает определить право как «юридическую речь и ее последствия», считая, что «самый центр общего права в суде - не нормы, но риторика» [5, с. 30].; Поль Рикер считает, что «конечная цель судебного процесса и суда как института – способствовать общественному миру благодаря торжеству языка над насилием» [6, с. 28].

судебная лингвистика (Александров А.С.), судебное речеведение (Галяшина Е.И., Потапова Р.К.), правовая лингвистика (Заяц И.В.), политическая лингвистика (Паршин П.Б.), активизировались исследования юридической техники, значительную часть которой составляют лингвистические аспекты (Баранов В.М.), «словесных технологий в правотворчестве и сфере осуществления правосудия» (Губаева Т.В), изучаются возможности использования достижений лингвистики в расследовании преступлений (Заяц И.В.), развивается фоноскопическая экспертиза (Галяшина Е.И.), лингвокриминалистика (Златоустова Л.В.), в стадии становления находится лингвистическая экспертиза (Голев Н.Д., Горбаневский М.В.), особое внимание стало уделяться языковой подготовке юристов, в том числе технике юридического письма (Губаева Т.В., Ивакина Н. Н., Шугрина Е.С.). Как отмечает Ю.В. Монич, «все динамические процессы в социальной жизни организованы таким образом, что самые значительные события в жизни человечества происходят (или, по крайней мере, зарождаются) в «пограничных» областях, на стыках интересов различных индивидов, групп, государств, идеологий и т.п. И эта тенденция отнюдь не ограничивается жизнью человеческого сообщества. Можно без особого преувеличения говорить о том, что *вся* знаковая жизнь природы в непрерывных процессах перекраивания границ между различными системами, и «текучесть» содержательной стороны знака напрямую связана с изменчивостью этих границ. В этом общем знаковом потоке находятся и процессы взаимодействия между различными научными дисциплинами. И здесь также, разумеется, важнейшую роль играют исследования междисциплинарного характера» [Монич 2001, с. 191].

Экстралингвистические предпосылки возникновения юрислингвистики усиливаются собственно лингвистическими. Юридический аспект языка в широком смысле является одним из сложных предметов социолингвистики как лингвистической дисциплины, анализирующей социальные аспекты речевого взаимодействия, разные виды взаимоотношений между языком и

обществом [Баранов 2001; Белл 1980; Брайт 1975; Лабов 1975; Мечковская 2000; Михальченко, Крючкова 2002; Карасик 2002 и др.]. Задача социолингвистики, как отмечают исследователи, состоит в том, чтобы «вскрыть системную корреляцию языковой структуры и структуры социальной и, возможно, даже обнаружить каузальные связи в том или ином направлении» [Брайт 1975, с. 34]. Юрислингвистика изучает корреляцию языка и юридической социальной подсистемы.

Юрислингвистика исследует юридизацию особых отношений социального типа – отношений конфликтных. Изучая их, социолингвистика не ставит целью обнаружить лингвистические корреляты юридическим нормам, регулирующим указанные отношения. Юридическая лингвистика представляет собой ту область социальной лингвистики, которая рассматривает язык сквозь призму закона. Таким образом, юридизация языка в широком смысле есть социолингвистическая проблема, однако заметим, что специфика этого процесса (юридизации) детерминирует тенденцию юрислингвистики как отрасли знания к самостоятельности. Приведет ли взгляд на язык со стороны права, системы законов к формированию новой науки – покажет будущее.

Для академической лингвистики очерченные процессы означают появление новых областей исследования, постановку нетрадиционных вопросов, обуславливают научную рефлексию по поводу осознания в качестве предмета исследования юридического аспекта языка. Экспансия лингвистики в юридическую сферу означает исследование неизученных функций языка, системный анализ процесса юридизации естественного языка и продуктов речевой деятельности – дискурсов, рождение новых видов лингвистических исследований (например, лингвистической экспертизы). Как пишет А.Е. Кибрик, «расширение лингвистики всякий раз связано с обращением к таким формам существования и функционирования языка, которые раньше не замечались или игнорировались» [Кибрик 2002, с. 21].

Становление юридической лингвистики связывается с решением прикладных задач, возникающих в связи с юридизацией естественного языка, однако ее дальнейшее развитие ставит перед фундаментальной наукой новые проблемы, требующие своего разрешения. Прикладная лингвистика по определению рассматривается как распространение знаний об устройстве системы языка и о его функционировании на нелингвистические научные дисциплины, а также на сферы практической деятельности человека (Баранов 2001).

Прикладные аспекты языкознания обычно рассматриваются как периферическая сфера научных исследований. Между тем лингвистика уже с самого своего возникновения была именно прикладной наукой, ее изначальное предназначение - толкование сакральных текстов, а затем - обучение языку, риторике и пр. Теоретический подход к языку появился много позже. Сейчас наблюдается обратное движение – от теоретического языкознания к прикладному. Сегодня наука отвечает на запросы общества увеличением числа прикладных задач, требующих специальных исследований. Современная прикладная лингвистика столь же многообразна, как и области практической деятельности человека. Среди основных направлений прикладной лингвистики можно назвать как устоявшиеся дисциплины (компьютерная лингвистика, лексикография, теория перевода, методика преподавания языка, терминоведение и терминография, исследования по машинному переводу, автоматической обработке информации, моделированию искусственного интеллекта), так и новейшие исследования, получившие развитие в последние десятилетия (корпусная лингвистика, политическая лингвистика, лингвистические аспекты нейролингвистического программирования, теория воздействия). Каждое из направлений прикладных исследований формирует особый взгляд на онтологию языка, позволяя расширить представления о нем: «<...> прикладная лингвистика является тем эмпирическим полигоном, где проходят испытания как частные гипотезы, так и глобальные теоретические

построения. <...> результаты, получаемые в результате подобных испытаний, представляют ценность не только для прикладной лингвистики, но и для лингвистики в целом. Из этого следует, что прикладной лингвистике нельзя отказать в праве на голос при решении общетеоретических вопросов лингвистики» [Звегинцев 1996, с.222].

Следует отметить, что за рубежом взаимонаправленные лингвистические и юридические исследования, в отличие от отечественной науки, стали уже традиционными: с середины 70-х годов за рубежом - прежде всего в США – начались исследования в направлении, которое Н.Д. Голев предложил назвать лингвоюристикой [Голев 1999а], сегодня существуют регулярные издания по данной проблематике («Rechtslinguistik – Studien zu Text und Kommunikation», «International Journal for the semiotics of the law», «Forensic linguistics. The international Journal of Speech, Language and the Law»)³.

В России на сегодняшний день исследования юридического аспекта языка и лингвистического аспекта права представлены в [Цена слова 2001, 2002], [Юрислингвистика 1999, 2000, 2002, 2003, 2004], [Проблемы юридической техники 2000], [Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование 2001].

Поскольку предметом изучения юрислингвистики является юридический аспект языка (т.е. функционирующие на стыке языка и права явления), то объективность его исследования определяет необходимость учета как языковой, так и юридической специфики, а следовательно, изучение юридического аспекта языка относится к числу задач заведомо междисциплинарных научных исследований. Границы, за пределы которых не выходят традиционные дисциплины при изучении отнесенных к их компетенции объектов, зачастую не позволяют получить целостное знание об изучаемом объекте. Следствием решения такого рода проблемы явились наблюдаемые в настоящее время широкие научные междисциплинарные

связи. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в наше время членение наук на частные отрасли компенсируется их взаимовлиянием и созданием промежуточных дисциплин, позволяющих изучать не изолированные феномены, а комплексы (циклы) каузально связанных явлений, относящихся к разным сферам жизни. Познание не может пренебречь фактором целостности» [Арутюнова 1988, с.315]. Ср. также: «Границы, установленные частными науками, постепенно сглаживаются, элементы теоретического и методологического аппаратов начинают проникать из одной системы в другую, и на смену узкопрофессиональным взглядам приходит междисциплинарный, интегральный подход, связывающий и взаимодополняющий различные научные парадигмы» [Крейдлин 2001, с. 207]. Междисциплинарность как специфическая черта исследований в области пересечения языка и права характерна и для зарубежной правовой лингвистики [Мушнина 2004].

Будучи заведомо междисциплинарной областью исследований, юридическая лингвистика пересекается с целым рядом лингвистических и юридических дисциплин. Базовыми науками здесь являются *лингвистика и юриспруденция*. Юрислингвистика, являясь отраслью лингвистического знания, изучает юридический аспект языка и тем самым входит в сферу юриспруденции.

Как мы уже отмечали, юридическая лингвистика является особым разделом социолингвистики. При исследовании конфликтных свойств языка, юридизации конфликтных текстов юрислингвистика взаимодействует, с одной стороны, с *судебным речеведением* как разделом прикладной лингвистики, посвященным изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных текстов (Е.И.Галяшина), *речевой конфликтологией* как наукой, исследующей особенности речевого поведения человека в конфликтном типе взаимодействия (С.Г. Ильенко, Н.В. Муравьева, О.А. Нестерова, В.С.

³ Подробный обзор зарубежных исследований на стыке языка и права представлен в [Юридические понятия

Третьякова и др.), *инвектологией* (В.И. Жельвис) и *лингвистической экологией* (А.П. Сквородников), *ортологией*, *лексикографией*, с другой стороны, - с *юридической конфликтологией*, *судебной экспертологией* (Зинин А.М., Майлис Н.П.), *криминалистикой*, *гражданским и уголовным правом*. Исследуя использование «незаконных возможностей» языка в политике, юридическая лингвистика соприкасается с *политической лингвистикой* (Паршин П.Б.). Изучая язык права, юрислингвистика взаимодействует с комплексом дисциплин юридического цикла: *теорией государства и права*, *законодательной стилистикой*, *судебной лингвистикой* (А.С. Александров). Таким образом, юрислингвистика интегрирует исследование разноплановых феноменов на стыке языка и права. Прикладные и смежные науки, к которым относится и юрислингвистика, открывают новое видение известных объектов, а новое видение рождает новое теоретическое знание.

1.2. Юридическое функционирование языка как объект лингвистического исследования

Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права так или иначе рассматривались в лингвистике и юриспруденции (например, лингвистические аспекты законотворческой техники, риторика в судебной речи и пр.), но такое рассмотрение не было целостным и системным. Несмотря на то, что «автономность юриспруденции обусловлена ее языком, влияющим и на способ мышления, и на образ действия пользователей этого языка» [Александров 2000, с. 101], исследований юридического аспекта языка и его специфики, порождаемой взаимодействием языковых и правовых норм, языковых законов и законов о языке, не велось. Юрислингвистика дает системное экспланаторное представление о юридическом аспекте языка, включающем разноплановые феномены на стыке языка и права. Мы

полагаем, что объединяющим началом для их изучения юрислингвистикой является онтологический процесс юридизации языка, который заключается в таком функционировании языка, при котором системобразующую роль играет закон или – шире – правовая регламентация социальной жизни. Конфликтогенные свойства языка определяют создание юридических механизмов предупреждения и разрешения конфликтов.

В сферу юридического функционирования язык приводит несколько обстоятельств, среди которых называются прежде всего юридическое регулирование использования языка, обеспечение функционирования государства и его институтов (язык как средство законодательной техники, язык как средство правоприменительной деятельности и пр.) [Голев 2004а].

Далее охарактеризуем каждую из сфер юридического функционирования языка, которые в совокупности составляют объект изучения юрислингвистики.

1.2.1. Юридический аспект языка: язык как объект правового регулирования

Язык обладает способностью быть источником власти (К. Ажеж, А.Н. Баранов, Р.М. Блакар, Д.Болинджер, Р.М. Вайнрих, П.Б. Паршин и др.) и создавать конфликты (Н.Д. Голев, Н.В. Муравьева, П. Рикер, В.С. Третьякова и др.) – именно эти свойства естественного языка определяют для права его существование в качестве объекта правового регулирования.

Безусловно, “из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы” [Соссюр 1977, с. 106-107], однако отношения власти, юридические презумпции приносят в язык свою специфику, обуславливая тем самым качественные изменения в самом языке.

Язык становится объектом правового регулирования в первую очередь в сфере действия закона о статусе языка, о возведении его в ранг

государственного. Такого рода закон закрепляет социальные сферы обязательного употребления того или иного языка. По словам П. Рикера, «принадлежность к определенному лингвистическому пространству – это первая форма, в которой мы являемся субъектами права» [Рикер 1996, с. 29]. Государство властно устанавливает язык официальной коммуникации – язык, на котором государство говорит со своими гражданами. Устанавливая язык власти, государство предупреждает конфликт выбора языка, поскольку, по словам Дж.Эдвардса, «языки в контакте легко делаются языками в конфликте» [цит. по: Алпатов 2000, с. 197]. Кроме того, с помощью языка государство навязывает отношения власти: «попадая в руки тех, кто ставит себе целью определять поведение других, язык становится орудием власти в самом прямом смысле слова» [Ажеж 2003, с. 248].

Как отмечает Н.Д. Голев, “языковые проблемы межгосударственной и федеральной политики сейчас относятся больше к языковому аспекту политики и права, чем юридическому аспекту языка, хотя, разумеется эти аспекты одного явления неразрывно связаны. Лингвистическая компетенция в решении этого вопроса в сложившейся политической практике пока вряд ли востребована, хотя в принципе апелляция к языковым законам... была бы вполне уместной” [Голев 1999, с. 30]. Легитимность принятия юридических решений, в которых язык становится объектом правового регулирования, должна быть обоснована лингвистически⁴.

Государственное регулирование языка включает в себя языковую политику, являющуюся следствием политики государственной, и как ее часть – языковое строительство (А.Н. Баранов, Н.Б. Мечковская и др.). Аргументируя необходимость государственного регулирования использования языка, А.Н. Баранов считает, что функционирование языка в

⁴ Лингвистическая поддержка принятия правовых решений в области государственного регулирования языка является прерогативой социолингвистики. Однако, как пишет В.М. Алпатов, «изменение политической ситуации в нашей стране резко изменило и языковую ситуацию. Остро встают проблемы, ранее казавшиеся несущественными или уже решенными. При этом часто оказывается, что отечественная социолингвистика, долгие годы по понятным причинам жившая в мире искусственных построений, находится в явной растерянности и не знает, как реагировать на происходящие изменения» [Алпатов 2000, с. 192].

обществе с развитой политической и социальной структурой требует постоянного регулирования, в противном случае спонтанные процессы изменения языковой системы, проявляющиеся в первую очередь в изменении лексического состава, в модификации норм произношения, приведут к сложностям в общественной коммуникации – к сбоям в работе средств массовой информации, к проблемам в функционировании институтов государства и публичной политики, к разрушению образования и т.д. Вмешательство государства в этом случае оказывается необходимым. Однако государство в лице своих исполнительных и законодательных органов, а также судебной власти, обеспечивая легитимность и правовые основания языкового регулирования, не может сформулировать его содержание. Собственно содержание регулирования, его принципы разрабатываются с непосредственным участием лингвистов [Баранов 2001].

Закрепляя статус языка как государственного, российский закон не оказывал влияния на изменение норм словоупотребления, лексической структуры языка и т.д. Однако принятие Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации проекта закона №63221-3 “О государственном языке Российской Федерации” иллюстрирует иное отношение к языку. К примеру, данный законопроект содержит нормы, устанавливающие, что “при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребляемых аналогов в русском языке” [Федеральный закон № 63221-3 «О государственном языке Российской Федерации»].

Анализируя нормы указанного закона, Ю. Н. Караулов считает, что законодатели неявным образом соединили в тексте законопроекта две разнородные, разнопорядковые задачи – государственную, регулируемую силой власти, и общественную, подчиняющуюся не закону силы, а законам общественной оценки. Они попытались установить юридические нормы

использования государственного языка (определив сферы его употребления, права граждан и ответственность за нарушение закона) и одновременно придать законодательную строгость культурно-речевым нормам, имея в виду соответствие речи правилам грамматики и словоупотребления, принятым в обществе этическим и эстетическим принципам общения и сообщения. Однако, по словам Ю.Н. Караулова, «культурно-речевые нормы регулировать законодательными актами не только не нужно, но и бесполезно. Это как погода, как климат: он может меняться, но эти изменения мало зависят от сознательных усилий людей» [Караулов 2003, www.gramota.ru].

Стремление «совершенствовать», «исправить», «улучшить» язык, сознательно воздействовать на него так или иначе присутствует на всем протяжении истории человечества (о возможностях сознательного воздействия общества на развитие языка см., например, в [Мечковская 2000]), и языковое строительство, представляющее комплекс мероприятий (разработка программ обучения языку, создание нормативных словарей и грамматик, разработка терминологических стандартов и т.д.), являющихся следствием языковой политики (своего рода ее лингвистической поддержкой), обслуживает такого рода устремления. Кодификация русского языка в этом смысле является действенным инструментом языковой политики и языкового строительства. Идеальным (в лингвистическом отношении) вариантом оказывается ретроспективная кодификация, при которой «словари и грамматики отражают естественно складывающийся и естественно (и достаточно медленно) меняющийся узус. Если это и можно назвать «регламентацией языка», то она напоминает мудрого и потому полновластного короля из «Маленького принца», который, дождавшись рассчитанного заранее момента солнечного заката, решительно повелевал, чтобы солнце зашло» [Мечковская 2000, с. 143].

Типичным примером мероприятия языкового строительства, разработанного без должного учета как экстралингвистических, так и

собственно языковых факторов, факторов юрислингвистических, является предложенный в 2002 году проект реформирования русской орфографии. Провал «проекта 23 изменений» в Свод правил 1956 года обусловлен тем, что его авторы игнорируют следующий тезис: «в толерантности к сложившимся нормам больше здоровой прагматики (то есть коммуникативной эффективности), этики и права, чем в попытках их изменений, даже если последние прикрываются словами о защите языка, рациональности предлагаемых изменений или политических выгод» [Голев 2003, с. 122].

Существует также множество иных примеров регулирования языка, произведенного без должного учета лингвистических факторов. Исследователи приводят примеры решения текущих политических задач при помощи изменения языковых норм: речь идет о кодификации русских написаний (Таллинн вместо Таллин и пр.), об изменении устоявшихся грамматических связей (в Федеративной республике Германия, в Украине и пр.) [Голев 1999, 2003; Сайкова 2004]. Причина нелегитимности такого рода регулирования языка, его общественного неприятия заключается в том, что «нормы, как и другие проявления языка и культуры, не могут становиться разменной монетой для осуществления каких-то прагматических целей, лежащих за пределами самого языка» [Голев 2003, с. 122]. Язык также становится объектом правового регулирования в сфере действия авторского права, права на имя и некоторых других сферах.

Законодательно закрепив выбор языка официального общения и определив основные направления языкового строительства, государство осуществляет следующий этап в регулировании общественной коммуникации, касающийся содержательных моментов, - государство запрещает такие речевые акты, которые могут привести к конфликту.

Конфликтогенность естественного языка обуславливает необходимость правового регулирования его (языка) использования. Ср. высказывание Н.Д. Голева о специфике области юридического функционирования языка: “Для решения проблемы уровня специфичности,

выделенности и самостоятельности юрислингвистики необходимо поставить вопрос о сущности юридического функционирования естественного языка как **объекта** юридической деятельности, в той его (языка) области, где и формируется данная специфика. Что это за область? Мы полагаем, что это в первую очередь область высокой степени конфликтности. Образно ее можно определить как функционирование языка в экстремальной сфере (по аналогии с метафорой “экстремальная журналистика” напрашивается и метафора “экстремальная лингвистика”). При этом следует принципиально подчеркнуть естественность такой “экстремальности”, так как она вырастает из глубинных свойств естественных языков. Конфликт - это не периферия функционирования языка” [Голев 2004, с. 48].

Выделение законодателем целого ряда правонарушений, непосредственно связанных с использованием языка, позволяет рассматривать язык как объект правового регулирования, и это один из самых сложных аспектов связи языка и права. Либерализация общественной жизни и провозглашение свободы слова породили массу конфликтов, связанных с использованием продуктов речевой деятельности. Феномен свободы слова, познание которого (в том числе юридическое) невозможно помимо «пространства языка», закреплен в качестве важнейших конституционных прав граждан, обеспечивающих возможность публично выражать свои мнения или убеждения. Свобода слова остается практически беспредельной в том случае, если говорящий находится в границах своего «я». Ср.: «Пока мы остаемся в сфере индивидуального, мы можем встретиться с моральными проблемами, но не с правовыми; с проблемой добра и зла, а значит, долга и его нарушения, но не с проблемой вреда, причиненного другому» [Рикер 1996, с.28]. Как только слово касается чужой ментальности, нравственности, чужого бытия, то свобода слова должна ограничиваться. Право начинается там, где мы попадаем в сферу чужого «я». Так, рассматривая проблему насилия в языке и культуре, О.А. Нестерова отмечает, что «речевое (языковое) насилие – это субъектно-

объектные отношения, которые не предполагают диалога и ориентированы на безусловное исполнение объектом воли субъекта. Если речевое насилие осуществлено и в восприятии объекта произошли изменения, в результате которых он либо вынужденно выполняет все предписания субъекта, либо испытывает чувство внутреннего дискомфорта, либо пытается сопротивляться внешнему воздействию - в любом случае объект воспринимает себя как жертву» [Нестерова 2003, с. 294].

Языко-правовая проблема свободы слова – это проблема поиска ее легитимных пределов, поскольку, как известно, практическая реализация любого права будет неполной без правовых гарантий против злоупотребления⁵ данным правом.

В законодательстве Российской Федерации можно выделить группу так называемых языковых правонарушений. (Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, А.Р. Ратинов). Поскольку такое правонарушение совершено с помощью языковых средств, то основным предметом юридического анализа становится лингвистический предмет - конфликтогенный дискурс.

Лингвистика до последнего времени игнорировала возможность совершения правонарушений с помощью языка. По словам Г. Штейнтала, «если речь хороша или плоха с точки зрения нравственности, то она является поступком и относится поэтому, как и всякий другой поступок, к компетенции судьи нравов» [Штейнталь 1960, с. 109]. Лингвисты вскользь говорили о том, что «язык способен и на «преступные» действия» [Арутюнова 1988, с.3], но до появления юрислингвистики системных исследований в этом направлении не велось. Исключение здесь составляют

⁵ Злоупотребление правом связано с интенсивностью использования своих прав, с нарушением меры разумного социального поведения, баланса своих и чужих прав, с употреблением права во зло, в ограничение прав и свобод другого. Как отмечает Венгеров А.Б., «в ситуации со злоупотреблением свободой массовой информации происходит недопустимое самостоятельное расширение субъектом свободы массовой информации путем включения в эту свободу действий, в том числе информационных, агитационных или пропагандистских, которые сами являются противоправными... Правомочие действовать соответствующим образом у субъекта имеется, но он это правомочие использует безгранично, включает в него такие содержательные моменты, которые нарушают меру возможного поведения другого участника общественных отношений» [Венгеров, 1996, с. 54].

исследования В.И. Жельвиса [Жельвис 1990, 2000], однако целенаправленно юридический аспект инвективы им не исследуется.

Юристы указывают, что оценка и квалификация языковых правонарушений должна осуществляться судом с привлечением лингвистов [Ратинов 2004]. Думается, это обстоятельство является одним из факторов, способствующих становлению новых отраслей лингвистического знания, – лингвистической конфликтологии (некоторые ее стороны представлены пока в единичных работах [Аспекты речевой конфликтологии 1996], [Муравьева Н.В. 2002]; [Третьякова В.С. 2002]; [Юрислогвистика-2,3,5 2000, 2002, 2004]) и юридической лингвистики.

Речевые конфликты стали постепенно входить в сферу юридической регламентации и через практическую необходимость (в первую очередь речь идет о необходимости разработки теории лингвистического экспертного исследования конфликтного текста) – в сферу лингвистических исследований. В науке о языке стали сначала робко и спорадически, а теперь все более настойчиво и регулярно появляться новые понятия, связанные с непривычными для классической лингвистики аспектами использования языка. Это такие понятия, как *инвективное функционирование языка* и его проявления – *обида, оскорбление, языковой конфликт*, а также понятия *языкового манипулирования* и *суггестии, речевой агрессии* и *лингвистической экологии* и пр.

Некоторые из этих явлений (например, языковые конфликты, приведшие к оскорблению, распространению порочащих сведений и пр.) уже регулируются правом, другие (такие, как языковое манипулирование, суггестивное использование языка в рекламных и избирательных кампаниях, языковое насилие разных видов и пр.) остаются пока вне сферы правового регулирования, по-видимому, не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что лингвисты не могут предложить надежных способов экспликации названных феноменов. Между тем деструктивное использование языка имеет крайне негативные последствия, среди которых

называют «разрушение основ культуры, разрушение целостности языковой личности, порождение ответного языкового (речевого) насилия. Языковое (речевое) насилие подготавливает, сопровождает и усиливает физическое насилие, формирует новую стандартизированную ментальность» [Нестерова 2003, с. 295].

Следует заметить, что наличие этой проблемы в лингвистике уже осознано, о чем свидетельствует активизация исследований языковой агрессии и языкового насилия (В.И. Жельвис, Нестерова О.А., А.П. Сквородников, Б.Я. Шарифуллин и др.), языкового манипулирования (О.Н.Быкова, Б.О. Осипов), языкового воздействия (А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, А.А. Котов и др.). Отмеченные явления составляют крайний (отрицательный) полюс культуры речи, и как своеобразное конструктивное противодействие этому полюсу в науке о языке появляются понятия лингвистической безопасности (М.В. Горбаневский), лингвоэкологии и эколлингвистики (А.П.Сквородников, Б.Я. Шарифуллин), языковой самообороны (А. Вежбицка); в этот ряд входит и юрислингвистика как сфера, обслуживающая экологическое (в широком смысле слова) право, постепенно закрепляющееся в российском правовом пространстве.

Многочисленные выходы правового регулирования в сферу языка свидетельствуют о зарождении в глубине общественного сознания понятия языкового права: «Потребность в таком праве и его частичное наличие свидетельствуют, с одной стороны, о том, что существуют такие языковые феномены, к которым общество не желает быть толерантным и как бы объявляет их вне закона (например, сквернословие), но, с другой стороны, сама выработка легитимных форм решения конфликтов с их участием является признанием объективности их конфликтного бытия в речезыковой практике и необходимости волевых усилий для обеспечения их “мирного сосуществования”» [Голев 2003, с. 120].

Ю.Н. Караулов пишет: «Нельзя просто запретить сквернословить или употреблять иностранные слова, но можно выработать у человека отношение

к этому. В конце концов, и сквернословие, и просторечие, и жаргоны, и диалекты – все это живая жизнь языка, в которой участвуем не только мы, его носители, но и сам Язык как живой организм – с его строем и составом, с его традициями и тенденциями, с его историей и его будущим, с накопленными в нем за его многовековую историю идеями, понятиями, оценками. Как самостоятельная система Язык обладает силой саморегуляции, самоочищения. Подобно тому как органический и неорганический мир Байкала обеспечивает высокую чистоту его воды, справляясь со всякими природными и вносимыми человеком загрязнениями, так и Язык, перерабатывая поступающий в него материал (например, иностранные слова), со временем отбрасывает ненужное, не отвечающее его природе, его духу, и наоборот, принимает, преобразуя в соответствии со своим характером, то, что оказалось полезным. Нам надо только «помочь» ему в этом...» [Караулов 2003, www.gramota.ru].

Глобальность проблематики воздействия на язык иллюстрируется следующим тезисом: «Если верно, что языки в значительной мере определяют форму мыслительных процессов, тогда, воздействуя на первые, мы опосредованно воздействуем и на вторые, а значит, и на соответствующую культуру» [Ажеж 2003, с. 193]. Юридическая легитимность такого воздействия имеет прямые корреляции с языковой легитимностью, основу которой создают закономерности языка.

1.2.2. Юридический аспект языка: правотворчество

Базовой проблемой юрислингвистики является соотношение естественного и юридического языка, эксплицированное в сфере правотворчества. По словам Н.Д. Голева, «вопрос о соотношении естественного языка как субстрата юридических текстов (генетический аспект детерминации юридического языка) имеет сложный характер,

обнаруживаемый не только в общетеоретическом плане. Он проявляет себя и в обычной юридической практике, хотя обыкновенно не замечается и не отмечается, что связано с неразвитостью представлений о диалектической природе взаимоотношений названных разновидностей языка, во многом определяемых особенностями устройства и функционирования естественного языка» [Голев 1999, с. 122].

Юридический язык, вынужденный вырабатывать механизмы преодоления глубинных конфликтогенных свойств естественного языка, порожденных континуальностью смыслов, аморфностью значений его единиц, претерпевает качественные изменения, которые позволяют говорить о значительной доле условности языка права по отношению к языку естественному. Язык права – это уже не тот язык, который образует естественную коммуникацию: создавая право, реализуя его, язык приобретает новые качества и сам становится иным. Отличия естественного и юридического языка, содержащие конфликтный потенциал, можно свести к таким оппозициям, как «1) «естественное (природное) – искусственное (рукотворное)»; 2) отражательное (по отношению к языку) – условное (по отношению к языку); 3) «стихийно-чувственное – рационально-логическое»; 4) «консервативно-статическое – творчески-динамическое»; 5) непрерывное – дискретное» [Голев 1999, с. 16].

Лингвистические аспекты юридической техники обеспечивают преобразование естественного языка в язык юридический, однако лингвистами этот механизм не исследован. Ср.: «Функционально, то есть как целостные тексты, которые употребляются в правовой сфере, имеют *особую организацию в связи с взаимодействием норм права и языка* (курсив мой - О.М.), юридические тексты почти не изучались» [Губаева 1984, с.9].

Язык имманентен праву, при этом существующие точки зрения на их сосуществование, взаимодействие можно свести к двум. Согласно традиционной точке зрения, выраженной в трудах Т.В. Губаевой, Н.Н. Ивакиной, Н.А. Калининой, Д.А. Керимова, А.С. Пиголкина, А.А. Ушакова и

др., язык является формой выражения права, его объективации, при этом юридический язык является подстилем официально-делового стиля. Основные требования к языку права сводятся к точности, однозначности, ясности и понятности⁶.

Иная точка зрения, изложенная в работах А.С. Александрова, В.М. Баранова, Н.Д. Голева, Е.А. Крюковой, Н.А. Любимова, сводится к тому, что в языке заложены основания права. Так, А.С. Александров, связывая онтологию и гносеологию права с языком, в своей работе [Александров 2003] предлагает радикально новый взгляд на право и его институты. Он рассматривает право как текст, в котором постоянно происходит становление значения – и в процессе создания нормы права, и в процессе ее применения. Любое правовое явление – будь то закон или судебный процесс – есть текстовое явление, явление речевой коммуникации. Придание праву не просто формы текста, но и сущности текста с его не только допустимой, но и неустранимой многозначностью, игрой, актуализацией разных значений при взгляде с разных точек зрения есть абсолютно новый взгляд на право, которое традиционно рассматривалось как нечто раз и навсегда данное, догматическое, не подлежащее интерпретации. Право (=текст) в доктрине А.С. Александрова представляет собой возможность диалога общества с властью, возможность конкурирующих между собой прочтений - право (=текст) подвижно, недогматично, творимо каждый раз заново, оно живет, обростает новыми смыслами, существует в диалоге. Критика традиционного инструменталистского взгляда на язык как средство существования права приводит к принципиально новой категории грамматики права, выражающей систему синтаксических отношений, производящих текст права, функционирующих независимо от его референциального значения.

⁶ Требования понятности при этом нельзя трактовать вульгарно. Как замечает И.Грязин, «понятность господствующего права не означает его общепонятности. Даже более, определенная общепонятность стала атрибутом права лишь где-то в период зарождения и установления буржуазного права. В феодальных обществах Европы содержание официального права было недоступным большинству населения-крестьянству, но оно было достаточно доступно тем, кому надлежало это право применять. Таким образом, даже форма права могла служить целям классового угнетения» [Грязин 199, с. 29]. Такой глубоко

Валентность текста=права, заложенная в его грамматике, позволяет актуализировать потенциальные смыслы текста во время языковых игр, коими являются все формы бытия права, в том числе и правотворчество, и судебный процесс.

С доктриной А.С. Александрова перекликаются взгляды Н.А. Любимова, рассматривающего язык не как средство, но как феномен, обеспечивающий осуществление процессов правовой коммуникации.

Е.А. Крюкова подвергает критическому анализу распространенные среди юристов и лингвистов взгляды, согласно которым язык и стиль законодательных актов являются видами официально-делового языка и стиля, и приходит к выводу о «самостоятельном характере языка и стиля законодательных актов, об использовании в них специфических языковых средств и лексики, не сводимых к официально-деловому назначению» [Крюкова 2003, с. 8-9].

Необходимость существования в юридической технике лингвистических аспектов обусловлена прежде всего тем, что «естественный (стихийный) русский язык, являющийся инструментом и субстратом юридических речевых произведений, вступает в конфликт с собственно юридическим языком, в значительной мере условным по отношению к естественному языку, и нуждается в приведении его к тем внутренним закономерностям (нормам, значимостям, стереотипам), которые сложились в его сфере» [Голев 2002а, с.7]. Ср. также объяснение специфики юридического языка, предлагаемое в Рекомендациях Федерального министерства юстиции Германии по единообразному оформлению законов и нормативных постановлений: «язык предписаний является составной частью **профессионального юридического языка**. Профессиональный язык отличается ясностью и однозначностью и одновременно формализацией и унификацией средств выражения. Подлинно профессиональный язык – это «язык профессионалов для профессионалов». Используемый дилетантами, он

отторгается от профессионального мышления: понятия и высказывания лишаются существенной части своего содержания и точности, утрачивая действительную внутреннюю связь с правовой систематикой» [Справочник по нормотворческой технике 2002, с. 24].

Изучение законодательных текстов позволяет выделить следующие особенности юридического языка, эксплицирующие его специфику.

Текст права, представляющий собой систему нормативных установлений, обладает свойством перформативности – это речевой акт законодателя, - равный действию, - которым он вносит изменение в существующий мир.

Как отмечается в научной литературе, юридический язык выполняет особые функции: «Доводя волю законодателя до сведения юридических и физических лиц, право через язык целенаправленно воздействует на сознание людей, побуждает их вести себя должным образом. И это главное. Значит, основная функция языка права – функция долженствования» [Ивакина 1997, с.2]. Надо полагать, что язык, приобретая статус языка права, вырабатывает специальные способы выражения для выполнения такой функции и становится некой обособленной системой, в которой действуют свои «правила игры».

В юридическом языке появляется особая нормативность, при которой «языковая форма диалектически взаимодействует с правовым содержанием» [Губаева 1984, с. 17].

Для юридического языка характерна «жесткая» семантизация употребляемых языковых средств. Смысловому континууму естественного языка противостоит жесткая семантическая дискретность языка юридического. Ср.: «Особенность профессиональной юридической лексики состоит в использовании понятий, которые по форме совпадают с обиходными выражениями, повсеместно распространенными, но в правовом контексте приобретают специфическое, отличное от бытового значение.

Юридический смысл формулировок, таких как *собственность, владение, обнаружить, животное, темное время суток, убийца*, отличается от их общепринятого значения» [Справочник по нормотворческой деятельности 2002, с. 24]. Существуют правила использования отдельных слов⁷ или конструкций. Жесткость семантизации юридического текста при написании поддерживается особыми правилами декодирования юридических текстов (ср., например, классическое правило толкования юридического текста: текст нормы должен толковаться так, чтобы ни одно его слово не оказалось бы лишним или лишенным смысла). Юридический язык вырабатывает механизм защиты от возможного конфликта, обусловленного свойствами естественного языка. И.Грязин, описывая механизм создания текста права, указывает, что «в силу закона всеобщей энтропии любая передача информации влечет за собой неизбежную потерю ее определенной части. С целью более адекватной коммуникации и повышения помехоустойчивости, информация кодируется с определенным излишком – ее носитель является более сложным, объемистым, чем это непосредственно предполагается объемом и сложностью самой информации» [Грязин 1983, с. 54].

В юридическом тексте повышается по сравнению с естественным языком коммуникативная роль пунктуации (ср. классическое «казнить нельзя помиловать»). Свойства естественного языка проявляют себя в языке юридическом значительно иначе. Так, естественно-языковая омонимия не обязательно влечет омонимию в юридическом языке (омонимия синтаксических конструкций, снимаемая юридическими презумпциями, особыми техниками декодирования, основанными на юридико-технических приемах). Ср.: «Языку законодательных актов присущи все лексические

⁷ К примеру, в немецкой юридической технике, считающейся эталоном правил написания законов, жесткой актуализируются нормы употребления модальных глаголов. Так, использование глагола *konnen* [мочь (выражающего некоторую возможность (или невозможность), зависящую от различных условий, например физической силы, способности, знания, разрешения, предположения) «подчиняется особым правилам, так как смысл его многозначен. В административно-правовых предписаниях глагол мочь выражает свободу усмотрения административного органа (В разрешении может быть отказано, если...). Но если ведомство ограничено в принятии решения либо речь идет о запретах или требованиях, то глагол мочь не употребляется. Вместо него следует выбрать нечто между *mussen/должны, sind/(haben) zu.../обязаны* или *durfen nicht/ не вправе* (в разрешении должно быть отказано, если...)» [Справочник ... 2002, с. 31-32].

свойства слов – полисемия, омонимия, синонимия, антонимия. Но частота и допустимость их употребления в языке законодательных актов неодинаковы, кроме того, свойства полисемии, омонимии, синонимии и антонимии в языке законодательных актов несут несколько иную, чем в других функциональных стилях речи, нагрузку – нагрузку смысловую (семантическую), а также позволяют экономно использовать языковые средства» [Крюкова 2003, с. 12].

Юридический язык имеет особые закономерности, его формируют иные, нежели естественный язык, факторы, которые, к примеру, позволяют властным распоряжением устанавливать или снимать терминологическую синонимию (ср., например, Постановление Минтруда РФ от 9 июля 2003 № 50 «Об установлении тождества наименований должностей «дезинструктор», «дезинфектор», «помощник эпидемиолога», «помощник паразитолога», «лаборант (по бактериологии), «лаборант (по паразитологии) наименованиям должностей «инструктор-дезинфектор», «медицинский дезинфектор», «помощник врача-эпидемиолога», «помощник врача-паразитолога», «лаборант»), создавать правило о несклоняемости слова, которое в естественном языке склоняется (Договор Министерств иностранных дел России и Германии от 19 декабря 1995 г. о склонении слова Германия), вводить новые нормы грамматических связей (вместо «на Украине» использовать «в Украине») и пр. Указанные примеры хорошо иллюстрируют подход юристов к языку и саму сущность юридического языка как «системы имен по установлению» [Голев 1999]. Ср.: «В юридической области, где обращаются не литературные или газетно-журнальные тексты, а канцелярские документы, отношение к слову несколько отличается от принятого среди гуманитариев. Слово в документе, если угодно, не демократично, оно привыкло подчиняться – мечта пуристов всех времен - административным распоряжениям. Вольных синонимов или перифраз к утвержденному административно слову нет» [Смирнов 2003, Текстология.ru]. Н.В. Сайкова отмечает, что «правильность как соответствие

литературной норме – необходимый, но недостаточный элемент юридической речи, ведь в правовой сфере функционирования языка также действуют свои особые закономерности, получают значимость явления, которые представляются нефункциональными при естественном функционировании языка» [Сайкова 2004, с. 75].

1.2.3. Юридический аспект языка: реализация права

Реализация права, как и его создание, в значительной мере есть процесс работы с текстами, и конфликтогенный потенциал языка проявляет себя в этом процессе в полной мере. Созданный законодателем текст права становится столкновением различных, зачастую противостоящих друг другу человеческих устремлений – толкование правовых текстов воплощает противоположные интересы. Непосредственное проецирование естественно-языковых норм и законов на юридический язык зачастую приводит к коммуникативному конфликту между адресатом и адресантом правовой нормы. Ср.: «Лингвистика смыкается с юриспруденцией в том, что в обеих науках важную роль играет коллизия между нормой и представлением о ней, между нормой и трансформирующим ее в сознании человека окружением» [Панов 2001, с.8].

Особое значение в преодолении конфликта между естественно-языковыми нормами и нормами юридического языка приобретают правила толкования юридических текстов как составной части лингвистических аспектов юридической техники (Баранов В.М.). Язык как средство и/или объект правоприменительной деятельности обладает, «как и другие феномены языко-правовой сферы, специфическими качествами, невыводимыми в полной мере из литературного субстрата, и этот «прирост» относится не к периферии названной зоны, а к ее сущности» [Голев 2004а, с. 34]. Использование языка в качестве средства законодательной техники является фактором, придающим языку качество юридизированности:

«юридический язык – это особая система, в ней обнаруживаются свои собственные значимости, формируемые оппозициями специальных понятий и детерминацией со стороны действующего законодательства. Причем очевидна зависимость толкования текста от всей системы понятий и законов, ее внутренних закономерностей. Декодирование этого кода требует особых герменевтических презумпций, особой культуры мышления, сформированной многими поколениями людей со специальным юридическим мышлением» [Голев 2003а, с. 38].

Лингвистические аспекты юридической техники есть выработанный юридическим языком юридизированный механизм ухода от конфликта. Юридические презумпции, «правила чтения» юридических тестов делают двусмысленную в естественном языке фразу однозначной в языке юридическом. Приведем в качестве примера текст подпункта 2 пункта 3 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации:

«Не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) на территории Российской Федерации следующие операции:

*реализация (в том числе передача, выполнение, оказание для собственных нужд) товаров (за исключением подакцизных, минерального сырья и полезных ископаемых, а также других товаров по перечню, утверждаемому общественными организациями инвалидов), работ, услуг (за исключением брокерских и иных посреднических услуг), **производимых и реализуемых:***

общественными организациями инвалидов...;

организациями, уставный капитал которых полностью состоит из вкладов указанных в абзаце втором настоящего подпункта общественных организаций инвалидов...;

учреждениями, единственными собственниками которых являются указанные в абзаце втором настоящего подпункта общественные организации инвалидов... и т.п.».

Вопрос о значении указанной фразы состоит в следующем: содержится ли в ней информация о реализации товаров как собственного производства (= производимых), так и приобретенных или о реализации только производимых товаров. Лингвистический аспект этого вопроса исследован в работе [Чернышова 2004], автор которой в результате использования фрагментов смыслового, интерпретационного, лингвостилистического анализа и стилистического эксперимента приходит к выводу о том, что подпункт 2 пункта 3 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации «содержит информацию о реализации товаров как собственного производства, так и покупных» [Чернышова 2004, с. 83].

Рассмотрение приведенной фразы Налогового кодекса в юрислингвистическом аспекте, предполагающем учет не только языковой, но и юридической специфики текста, позволяет прийти к иным выводам. Прежде всего укажем на жесткую семантизацию союзов, принятую в технике юридического письма и юридического чтения (= толкования): согласно правилам юридической техники при перечислении условий, из которых достаточно выполнение лишь одного, не допускается использование союза «и»; при перечислении условий, все из которых должны быть выполнены, не допускается использование союза «или». (ср.: «Союз *«или»* означает наличие альтернативы, т.е. используется либо один признак либо другой. Союз *«и»*, наоборот, означает одновременное наличие тех признаков, которые им соединены» [Шугрина 2000, с. 53]). Указанное правило регулярно воспроизводится в пособиях по юридической технике и жестко контролируется при проведении экспертизы законопроектов (см., например, [Справочник по нормотворческой деятельности 2002; Законодательная техника 2000] и др.). Следовательно, для указания на иные (не соединительные) смысловые отношения между членами сочинительного ряда «производимые и реализуемые» должен быть использован другой союз (разделительный «или» либо – и это уже третий вид возможных смысловых отношений – специфическая конструкция «и/или»). Системный анализ статей

Налогового кодекса Российской Федерации также подтверждает наш вывод о том, что подпункт 2 пункта 3 статьи 149 указанного кодекса содержит информацию о товарах, которые и произведены, и реализуются одними и теми же лицами. Например, в статье 153 Налогового кодекса различаются *произведенные и приобретенные* товары: «Налоговая база при реализации товаров (работ, услуг) определяется налогоплательщиком в соответствии с настоящей главой в зависимости от особенностей реализации **произведенных или приобретенных** на стороне товаров (работ, услуг)».

Ср. также, например, формулировки, используемые:

- в пункте 2 части 1 статьи 254 указанного кодекса:

«1. К материальным расходам, в частности, относятся следующие затраты налогоплательщика:

1) на приобретение сырья и (или) материалов, используемых в производстве...;

2) на приобретение материалов, используемых:

*для упаковки и иной подготовки **произведенных и (или) реализуемых** товаров (включая предпродажную подготовку)»;*

- в названии («Прочие расходы, связанные с **производством и (или) реализацией**») и пункте 28 части 1 статьи 264 указанного кодекса:

*«1. К прочим расходам, связанным с **производством и реализацией**, относятся следующие расходы налогоплательщика:*

*...28) расходы на рекламу **производимых (приобретенных) и (или) реализуемых** товаров (работ, услуг)...».*

Как свидетельствуют приведенные примеры, разные смысловые отношения получают разное формальное выражение. Кроме того, понимание воли законодателя, воплощенной в духе (да и букве тоже, как мы пытаемся доказать) закона, позволяет адекватно прочитывать указанную статью, устанавливающую особый налоговый режим (освобождение от налогов) для социально слабой категории лиц (инвалидов) и в то же время ограничивающую действие этого налогового режима реализацией только тех

товаров, которые и произведены, и реализуются организациями инвалидов. Таким образом, многозначность, присущая конструкциям естественного языка, снимается путем учета значимостей юридического языка и в целом правовых презумпций. Безупречный в собственно лингвистическом отношении анализ указанного фрагмента приводит к недостоверным выводам, если их рассматривать с юрислингвистической и собственно юридической точек зрения. Ср. высказывание Н.Д. Голева, касающееся специфики юридического языка, о том, «что общий смысл текста как целостной системы неизбежно влияет на каждый его элемент, что общий смысл любого текста... не выводятся из суммы смыслов его частей и что сам текст входит в более в более общий контекст и в более общие по отношению к нему системы. Это означает, что в любой системе у элементов формируются специфические значимости, формируемые общими отношениями всех элементов» [Голев 2004а, с. 46].

Возможна и другая ситуация, когда в естественном языке происходит нивелировка вариантов интерпретации каких-либо конструкций, а в юридическом языке в подобных конструкциях эти варианты актуализируются, провоцируя неоднозначное прочтение юридического текста. Такие тексты (тексты-неудачи) (см. об этом в параграфе 1.3.2), являясь результатом реализации конфликтогенного потенциала естественного языка, приводят к экстралингвистическому конфликту. Впрочем, спровоцирован этот конфликт прямым отождествлением естественного и юридического языка без учета тех преобразований естественного языка, которые диктуются юридическими значимостями и делают язык юридический особой системой, условной по отношению к своему субстрату (языку естественному). Однако заметим, что существуют и пределы этой условности, детерминированные тем, что «язык в любой форме своего существования не может не быть ограниченным законами и тенденциями живого естественного языка» [Голев 1999а, с.53]. Учет диалектики условности юридического языка и ее пределов есть

первоочередная задача юрислингвистики в сфере толкования юридических текстов.

Сфера судопроизводства как область правоприменения представляет собой дискурсивную деятельность, опосредующую соотношение конкретной предметной ситуации и нормы закона. Природа правосудия порождает специфику использования языка в этой сфере, исследованную лингвистами в большей степени в риторических аспектах (Т.В. Губаева, Н.Н.Ивакина, П.А.Катышев и др.). Юридическая лингвистика исследует процесс юридизации естественного языка при осуществлении правосудия.

Естественно-языковая коммуникация основана на многочисленных предпосылках, имплицитных договоренностях и т.д. Носители языка в условиях естественной коммуникации не обсуждают всякий раз базовые условия общения [Баранов 2001]. Юридическая коммуникация, напротив, предполагает необходимость выяснения в некоторых социальных и государственных институтах базовых условий общения – ср., например, процедуру установления участников судебного заседания, в гражданском процессе «надлежащего истца и надлежащего ответчика» и пр.⁸ Коммуникация в судебном заседании идет по особым законам, отличным от законов коммуникации естественной. Суд, избрав определенную стратегию при исследовании обстоятельств дела, выстраивает общение с участниками судебного заседания в соответствии с выбранной стратегией. Суд, «примеряя» к той или иной ситуации соответствующую норму (юридический фрейм как единицу познания), исследует только те обстоятельства дела, которые являются релевантными для данной категории правовых норм. Познание обстоятельств рассматриваемого дела происходит в виде полилога участников судебного разбирательства, при этом происходит процесс юридизации естественного языка. Ср.: «Естественный

⁸ Системы естественного и юридического языков столь разительно отличаются, что напрашивается сравнение их с разными национальными языковыми системами, про которые Р. Якобсон пишет: «Языки отличаются друг от друга тем, чего в них нельзя не сказать» [Якобсон Р., 1995, с. 253].

язык в своей природной ипостаси как бы органически вырастает в юридическую сферу, трансформируясь в юридические тексты (документы), которые сохраняют многие признаки естественной речи, лишённые внутренних юридических условностей и значимостей: субъективные пресуппозиции и модальности, нетерминологические слова в нечетких, размытых значениях, разговорные синтаксические конструкции, свободная композиция текста - все то, что свойственно речи людей, далеких от юриспруденции. Мы имеем в виду документы типа жалоб, заявлений, протоколов допроса, отражающих обыденную речь в ее естестве. Заметим при этом, что уже первичная обработка таких текстов существенно уводит их от естественных смыслов и форм в сторону юридических смыслов и форм, поскольку предполагает иные презумпции построения текста, иные модальности и – соответственно – иные способы воплощения <...> Основной пресуппозицией при такой юридизации естественных текстов является осознанная или неосознанная необходимость включения естественных текстов в парадигму юридического языка, формируемую в конечном итоге системой законов» [Голев 2000, с.23]. Естественная речь участников судебного разбирательства юридизируется как в устном варианте (путем направляемой судом коммуникацией), так и в письменном. Письменный вариант высказываний участников судебного разбирательства юридизируется секретарем судебного разбирательства, слово говорящего опосредуется словом пишущего - секретаря судебного заседания, знающего, какие обстоятельства рассматриваемого дела являются важными для разрешения соответствующей ситуации.

Лингвистами почти не изучены вопросы, возникающие в процессе фиксации хода судебного разбирательства, к примеру, такие вопросы, как соотношение письменной и устной речи, вхождение естественной письменной речи в тексты официально-делового стиля речи, не разработаны приемы и способы письменной передачи устной речи и пр. Между тем существуют жанры речи, также не изученные в силу различных причин

(одной из главных является, по-видимому, их особое положение в системе классических жанров), которые являются точкой пересечения указанных вопросов, - мы имеем в виду прежде всего протокол судебного заседания.

История развития судопроизводства свидетельствует о постепенном повышении роли речевой коммуникации в процессе установления истины: инквизиционный процесс, в котором «царицей доказательств» считалась пытка, сменился состязательным процессом, в котором физическое испытание (состязание) эволюционирует до испытания по сути риторического. Говоря о роли речевой коммуникации в судебном процессе, ученые отмечают, что сегодня «процесс – это правовая переработка насилия посредством перенесения насилия в пространство слова и речи – ведь в суде борьба происходит в словесной форме. Обсуждение оставляет место словесному конфликту, подчиняющемуся, однако, признанным законом процедурным правилам. Конечная цель судебного процесса и суда – способствовать общественному миру благодаря торжеству языка над насилием» [Рикер 1996, с.32-33].

Процесс судебного разбирательства можно представить в виде определенной последовательности речевых действий, имеющих специфические особенности для каждого участника судебного процесса. Судья и присяжный заседатель, адвокат и прокурор, подсудимый и потерпевший, истец и ответчик, представитель и свидетель – каждый из них *играет* определенную процессуальным законом *роль* и произносит *обусловленное этой ролью слово*. Реконструкция событий в суде происходит с помощью различных источников информации, которые в большинстве своем представлены в вербальной форме (это всевозможные документы и устные показания). В процессе судебного разбирательства, являющегося одним из видов языковой игры, посредством слова творится возможная реальность, и только суд, будучи главным интерпретатором предложенных

вариантов, наделяет один из них статусом реальной действительности.⁹ Во время судебного процесса «явления действительности приобретают языковую форму. «Реальность» проговаривается, «именуется» (если угодно, «познается»), наделяется смыслом. <...> факты реальной действительности вначале превращаются в знаки, а потом включаются в систему аргументации, связанную с идеологией и риторикой. Двойной процесс, составляющий такого рода трансформацию, по своей природе един. Это *деконструкция* реальности в судоговорении. Деконструкция значит не отражение, а препарирование действительности в языке; направленное преобразование» [Александров 2001, с.466].

Наделение одного из предложенных участниками судебного разбирательства вариантов действительности статусом реального вовсе не означает, что этот вариант соответствует истине, реальному положению дел. Но преобразованная языком, «препарированная в языке» действительность юридизируется решением суда и претендует на роль единственно возможного варианта. Ср.: «Язык есть эффективное средство внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента, и поэтому язык выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов. Особое значение эти обстоятельства приобретают в конфликтных ситуациях при неполной и недостоверной информации. В условиях конфликта *тексты, которыми обмениваются участники, зачастую оказывают большее влияние на формирование у них моделей ситуации, чем фактическое положение дел* (курсив наш - О.М). Происходит парадоксальная трансформация онтологии мира. Модели мира и знаний участников ситуации становятся не менее, а может быть, даже более вещественны, чем внешние, объективно определяемые обстоятельства» [Сергеев 1987, с.7]. По мнению А.С. Александрова, в суде, где происходит конструирование того, что считать

⁹ О правосудии как одной из древнейших игр человечества см. в [Хейзинге Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992]. О языковой природе права см. подробнее в [Александров, 2000], [Александров, 2001], [Баранов, Александров 2002].

реальностью, главным орудием является язык. Коммуникация, происходящая в зале судебного заседания, конструирующая реальность и интерпретирующая текст закона, позволяет легитимизировать насилие в обществе. Судебные доказательства при этом рассматриваются как речевые события, а сам процесс – как система дискурсивных практик его участников. Ретроспективное познание в судебном процессе происходит в языковой форме, мир категоризуется в языке - создается конвенциональная судебная истина об истории преступления и легитимности наказания [Александров 2003].

Ход судебного разбирательства фиксируется в протоколе судебного заседания. И здесь возникает конфликт иного рода, связанный с адекватностью отражения хода судебного процесса.

Протокол, будучи жанром официально-деловой речи, ориентирован на официального адресата – суд и участников судебного разбирательства. Специфика текста судебного протокола состоит в том, что в нем стандартная часть с повторяющейся, постоянной информацией, выдержанной в официально-деловом стиле речи со строгим соблюдением норм, соседствует с «переменной» частью - зафиксированными в письменном виде устными высказываниями участников судебного заседания, иногда весьма далекими от языковой нормы. Тем не менее устная речь не входит в протокол судебного заседания в своем первоначальном виде. Приведем в качестве примера трансформации устной речи при фиксации ее в протоколе судебного заседания следующий текст¹⁰:

¹⁰ Текст печатается по: [Баркалова О., Сидорова Л. 1989]. Слева дословно записанная речь, справа – ее фиксация в протоколе судебного заседания.

Фрагмент № 1

Истец - Муж меня бросил в 1978 году. Связался с какой-то бабой и был таков. А то, что сыну было 10 лет, что мальчишку надо было поставить на ноги - это ему было безразлично. Я думала, что он за водкой хоть про алименты не забудет. Сами понимаете, сколько мальчишке всего покупать надо. А у меня зарплата - 110. Да куда там! Алименты пришлось взыскать по суду. Тогда он в бега подался. Год его искали, алиментов, конечно, никаких. Нашли, он за Уралом был. Посадили. Год отсидел, вышел и опять в бега. Еще пару лет пробежал, опять словили. Дали новый срок. А как вышел он - так сын уже взрослый. Это дело прошлое, но подонок он и есть подонок. Сволочь последняя.

Судья - Прошу Вас выбирать выражения.

Истец (всхлипывая) - Я бы не выражалась, я бы... для него выбрала.

Судья - Я объявляю вам замечание. И говорите, пожалуйста, по существу.

Истец - Ну, конечно, у нас гласность, а я даже на суде не могу правду сказать.

Судья - Правду Вы сказать можете и должны, но только относящуюся к делу - к спору о наследстве.

Истец - А чего там о наследстве говорить? Когда он узнал, что сын заболел - рак печени - стал наведываться. Я-то удивлялась: отцовские чувства проснулись. Один раз даже предложил, когда сын совсем плох был, пару дней с ним посидеть, чтоб я могла в деревню к матери съездить. Ну, я-то сдуру и согласилась. Когда вернулась - вот с того самого дня - он больше ни разу и не зашел. А когда сын через месяц умер, пришел - сразу после 9-го дня это было - и начал совать мне в нос завещание, что, мол, сын все ему записал. Я даже сразу и не посмотрела на дату - вижу только : подпись какая-то странная, а потом сообразила, что завещание составлялось тогда, когда я к матери в деревню ездила, но Коленке-то тогда уже наркотики кололи.

Судья - А что именно, Вы не знаете?

Истец - Правидол, кажись.

Судья - Промедол

Истец - Вот-вот. Ну, я и решила в суд подать. Завещание - то получается липовое.

После расторжения брака с ответчиком он уклонялся от выплаты алиментов, за что дважды был привлечен к уголовной ответственности.

Суд, совещаясь на месте, объявляет замечание истце за нарушение порядка в судебном заседании.

В период болезни сына при неизвестных мне обстоятельствах в период моего отсутствия дома было удостоверено завещание на имя ответчика. Прошу суд признать это завещание недействительным ввиду того, что сыну делались внутримышечные инъекции промедола, что в силу требований закона лишает совершенную сделку юридического значения.

Фрагмент № 2

/ В одном из районных судов слушалось дело о признании

завещания частично недействительным. Некий Якименко перед смертью завещал все свое имущество племяннику и своей соседке. Племянник подал иск, настаивал на признании завещания частично недействительным и просил суд лишить права наследования соседку дяди, утверждая, что он один за ним ухаживал./

Судья - *Какие отношения были у Вас с наследодателем?*

Истец - *С дядей, что ли? Неформальные.*

Судья – *Поясните, пожалуйста.*

Истец - *Ну, чего. Болел он последние года полтора - два.*

Я к нему ходил, еду носил, покупал там всякое такое.

Судья - *Как часто Вы его навещали?*

Истец - *Да почти каждый день.*

Судья - *В каком состоянии был Ваш дядя последние месяцы?*

Истец - *Он-то? Ходил по комнате, медленно правда, телевизор смотрел, газеты читал.*

Судья - *Он говорил с Вами о завещании?*

Истец - *А как же, говорил. Говорил, что я у него единственный близкий человек. Последний, значит, и он мне все отпишет.*

Судья - *А Вы знали, что он еще раньше составил завещание на Вас и свою соседку?*

Истец - *Да если бы я это знал, я бы нотариуса позвал новое написать. А то как же это так получается?*

Чужому человеку половину отдать? Да это ведь нечестно. Вот и прошу суд лишить ее права на наследство.

Фрагмент № 3

Судья - *С какого времени Вы проживали в одной квартире с умершим Якименко?*

Ответчица – *Да как мой дом снесли, так мне эту комнату и дали. Уже 8 лет будет.*

Судья - *Какие отношения у Вас были с наследодателем?*

Ответчица – *Да какие? Соседские. Он же такой больной был, почти двигаться не мог. Жалко ведь. А потом он один совсем, родных нет. Ну, как не помочь?*

Судья - *А в чем состояла ваша помощь?*

Ответчица – *Да какая там помощь? Что себе делала, то и ему: готовлю себе и ему даю, жалко разве? Он к тому же и ел мало, как цыпленок. Ну, хлеб, масло себе покупаю, что же, я ему разве не дам? Подмету, пыль вытру, комната у него небольшая - 9 метров. Сам он не*

Истец
просит удовлетворить
свои требования в
части лишения ответчицы
права наследования.

Ответчица **периодически**
помогала наследодателю по
хозяйству.

мог это делать, нагибаться не мог.

Судья - *Вы знали о существовании завещания?*

Ответчица – *Да откуда? Разве можно с больным человеком на такие темы говорить?*

Судья – *Часто ли Вы видели дома у Якименко его племянника?*

Ответчица - *Я его всего один раз видела - около года назад. Он приехал, взял какие-то книги и уехал. Я на похоронах его даже не узнала.*

Судья – *Спасибо.*

Фрагмент № 4

Судья – *Можете ли Вы сказать, когда видели завещание?*

Свидетель – *Года два - три тому назад.*

Судья - *А точнее?*

Свидетель – *Боюсь напутать.*

Адвокат - *А при каких обстоятельствах Вы его видели?*

Свидетель – *Кажется, мы праздновали Новый год. Я помню, была зима.*

Адвокат - *А где Вы встречали Новый год в этом году?*

Свидетель – *Дома, с семьей.*

Адвокат - *Вы точно это помните?*

Свидетель – *Что же я сумасшедший? Конечно. Мне до этого несколько лет не удавалось провести Новый год дома.*

Адвокат - *А что так? Обязательные гости?*

Свидетель - *Да нет, я же летчик. Первым делом, первым делом самолеты.*

Адвокат - *Ну, хорошо, а в прошлом году Вы где были?*

Свидетель - *В Анкаре.*

Адвокат - *А в позапрошлом?*

Свидетель – *Тогда я еще на внутренних линиях был. В Норильске неделю сидел. Метеорологи погоду не давали.*

Адвокат - *А до этого?*

Свидетель - *В больнице.*

Адвокат - *А еще раньше?*

Свидетель – *Это какой же год? 92-й получается?*

Адвокат – *Да.*

Свидетель – *Тогда я еще в армии служил. Значит, в части.*

Адвокат – *Так как же Вы могли видеть завещание на Новом году?*

Свидетель - *Я и не говорил, что на Новом году.*

Адвокат - *Нет, говорили*

Свидетель – *Да нет же, не говорил.*

Судья – *Прекратите перепираться. Свидетель, уточните, когда*

Завещание я видел во время празднования дня рождения.

Вы видели завещание.

Свидетель – *Кажется, в прошлом году.*

Судья- *При каких обстоятельствах?*

Свидетель – *Это был какой-то семейный праздник. Наверное, день рождения. Да, точно. день рождения.*

Судья – *Значит, Вы видели завещание в прошлом году, на дне рождения наследодателя.*

Свидетель - *Да.*

Адвокат - *Но это было зимой?*

Свидетель –*Ну, я же сказал, что был снег.*

Адвокат - *А Вы не помните, на какой бумаге было написано завещание: белой или голубой?*

Свидетель – *Не помню.*

Адвокат - *А какими чернилами: синими или черными?*

Свидетель – *По-моему, черными.*

Адвокат – *Может, отпечатано на машинке ?*

Свидетель – *Вряд ли .Старик не умел печатать.*

Адвокат - *Вы говорите о завещании, каким оно должно быть или каким Вы его видели?*

Свидетель – *Разумеется, то , что видел.*

Адвокат - *Так как оно было: на машинке или от руки?*

Свидетель – *Не помню.*

Адвокат (к суду) - *Разрешите задать вопрос ответчику.*

Судья – *Пожалуйста. Ответчик, встаньте.*

Адвокат – *Когда день рождения Вашего отца?*

Ответчик - *11 августа.*

Адвокат (к свидетелю) – *Что Вы теперь скажете по поводу снега?*

Свидетель – *Какого снега?*

Адвокат - *Который был, когда Вы видели завещание.*

Свидетель – *Ну, может быть, я перепутал.*

Адвокат – *Так что же Вы нам можете сообщить конкретно по поводу завещания, кроме его содержания, которое, кстати говоря, могло Вам стать известным даже вчера?*

Свидетель – *Вы что, хотите сказать, что я лгу?*

Адвокат - *Это уже будет решать суд.*

Приведенный текст есть пример повлекшей конфликт юридикации естественной речи. Изменения, происходящие с естественной речью при вхождении ее в протокол судебного заседания, позволяют поставить целый

ряд отнюдь не простых вопросов: В каком виде должен входить естественный язык в юридический документ? Каковы взаимоотношения естественных и юридических текстов? Где проходит граница между переводом устной речи в письменную и искажением смысла при передаче чужой речи? Каковы механизмы такого искажения смысла? и пр.

Юрислингвистическая обработка естественной речи обусловлена функциональным назначением протокола судебного заседания, служащего документом, фиксирующим ход судебного процесса. Под естественной речью понимается спонтанная непрофессиональная речь в ситуации судебного разбирательства, т.е. речь людей, профессионально не связанных с отправлением правосудия (истцы, ответчики, подсудимые, потерпевшие, свидетели и пр.), но участвующих в судебном разбирательстве. Речь судей в судебном процессе не является спонтанной, поскольку детерминирована группой юридических норм и выбранной в соответствии с этой группой стратегией и тактикой ведения судебного разбирательства. Отметим, что «естественность» устной речи в судебном заседании особая: речь участников судебного разбирательства, произносимая в официальной деловой обстановке, ориентируется на суд, следовательно, в естественную речь волей-неволей привносятся чужеродные для естественного языка вкрапления юридического языка. Ориентируясь на официальное общение, осознавая суггестивные возможности языка, участники судебного заседания зачастую в суде начинают говорить «более правильно», с соблюдением языковых норм и пр. Процесс судебного разбирательства происходит в виде диалога между судом и участниками судебного разбирательства. В условиях конфликтного общения, напряженной психологической обстановки вопросно-ответная форма общения может накладывать свой отпечаток на естественную речь¹¹. Речь идет о вербальной ригидности, когда

¹¹ Ср.: «... применение специальных лингвистических знаний для правильного формулирования вопросов в ходе допроса, понимания ответов и оценки их значения как доказательства крайне важно. Так, не точная формулировка вопроса может невольно или преднамеренно спровоцировать тот или иной ответ. Известно, что форма ответа во многом обусловлена лингвистической формой вопроса, но то же справедливо и по отношению к содержанию. Без специалиста-лингвиста иногда трудно, а подчас невозможно определить

под влиянием вопроса человек продолжает мыслить и говорить в том направлении, которое задано вопросом, или о персеверации речи, когда допрашиваемые невольно повторяют слова и конструкции только что использованные в формулировке вопроса [Губаева 1995, с. 227].

Естественная речь при вхождении в протокол судебного заседания претерпевает кардинальные изменения, обусловленные несколькими факторами. Во-первых, темп письма, каким бы быстрым он ни был, отстает от темпа устной речи, это значит, что какая-то часть высказываний (чаще всего несущественная с юридической точки зрения) просто опускается. Ср., например, объем дословно записанной устной речи и записи в протоколе судебного заседания. Во-вторых, происходит «перевод»¹² устной речи в речь письменную – перевод, обусловленный спецификой устной речи (повторами, конструкциями наложения, добавления, нарушением норм литературного языка и другими особенностями, порождаемыми спонтанностью устной речи). При таком переводе происходят неизбежные потери информации. Ср., например, утрату модальности сомнения, неуверенности при записи показаний свидетеля в протокол судебного заседания (фрагмент №4). В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, естественная речь подвергается юридизации, т.е. приводится к виду, приемлемому для решения юридических задач. Например, объяснение истца о том, что она решила *«решила в суд подать. Завещание - то получается липовое»* в протоколе получает следующее отражение: *«Прошу суд признать это завещание недействительным ввиду того, что сыну делались внутримышечные*

понимает ли обвиняемый предъявленное ему обвинение (например, в силу плохого знания языка, на котором ведется судопроизводство или специфики юридической терминологии), имеются ли лингвистические или социокультурные неоднозначности в ответах подозреваемого или в вопросах участников судебного заседания Лингвистическая интерпретация значения или смысла передаваемого сообщения посредством речевых высказываний в судебном процессе требуется для разрешения лексической, прагматической, социокультурной или диалектной неоднозначности устного или письменного текста [Галяшина 2003г, с. 99].

¹² Отличия устной и письменной речи столь велики, что, как отмечают Граудина Л.К. и Е.Н. Ширяев, «подлинные разговорные тексты при переводе их на кодифицированную основу требуют не редактирования, а именно перевода» [Культура русской речи, 1999, с.56].

инъекции промедола, что в силу требований закона лишает совершенную сделку юридического значения» (фрагмент 1 приведенного текста). Перевод естественной речи в юридизированную настолько меняет ее, что делает иной, нетождественной первоначальной. Приведем другой пример, который иллюстрирует процесс юридизации речи путем направляемой судом коммуникации. Первоначально естественная речь подсудимого¹³, записанная дословно, в судебный протокол вошла в следующем виде: *«На дискотеке ко мне подошел участковый Бондаренко и спросил, что я тут делаю **пьяный**»*. Затем суд, уточняя юридически значимые обстоятельства дела, задает соответствующие вопросы по поводу данных показаний подсудимого, на которые получает ответы: *«Да, 1.03. 97. я был в **нетрезвом состоянии**. Я выпил один стакан водки со своим приятелем, фамилию которого назвать не могу, так как не знаю ее»*. Ту же самую ситуацию, сознавая юридическую значимость обстоятельств дела и давая им наименования, предусмотренные юридическими реалиями, описывает потерпевший, обладающий правовыми знаниями: *«1.03.97. я по роду своих служебных обязанностей присутствовал на дискотеке в клубе в целях охраны общественного порядка и увидел, что в клуб вошел Евстифеев в **состоянии алкогольного опьянения**. Я решил поговорить с ним и составить на него административный протокол за появление в нетрезвом состоянии»*. По мере уточнения судом обстоятельств дела высказывания юридизируются, начинают соответствовать формулировкам в статьях закона: «пьяный» - «в нетрезвом состоянии» – «в состоянии алкогольного опьянения».

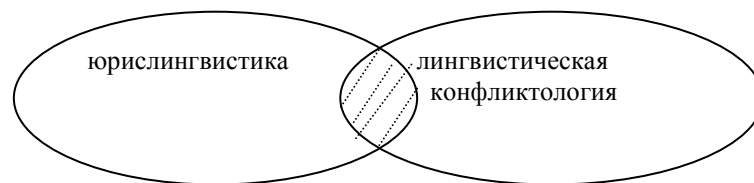
Таким образом, реализация права есть сфера юридизации языка, проявляющейся в особых приемах толкования юридических текстов, в языковом конструировании реальности в судопроизводстве – в правовой деятельности как деятельности онтологически языковой.

¹³ Фрагмент из протокола судебного заседания по уголовному делу // архив Центрального районного суда г. Барнаула.

1.3. Языко-речевой конфликт в аспекте юрислингвистического исследования

Феномен конфликта изучается в лингвистических аспектах двумя зарождающимися дисциплинами – лингвистической конфликтологией (Дымарский М.Я, Жельвис В.И. , Ильенко С.Г., Муравьева Н.В., Третьякова В.С., Шубина Н.Л. и др.) и юридической лингвистикой (Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Булгакова Н.Е., Голев Н.Д., Горбаневский М.В., Лебедева Н.Б., Романов А.А., Сковородников А.П., Сорокин Ю.С., Чернышова Т.В. и др.).

Соотношение лингвистической конфликтологии и юрислингвистики схематично можно изобразить следующим образом:

Общая сфера юрислингвистики и лингвистической конфликтологии – исследование конфликта, имеющее юрислингвистическое и лингвоюридическое значение, в частности анализ языковых показателей конфликта, релевантных для юридической практики, поиски предупреждения и досудебного разрешения конфликта и др.

Одним из главных факторов, приводящих язык в сферу юридического функционирования, является конфликтогенный потенциал языка. Ситуация языко-речевого конфликта имеет особые онтологические свойства, которые образуют юридический аспект языка и обуславливают изучение языкового конфликта в юрислингвистике.

Наряду с возможностью порождения коммуникативного конфликта экстралингвистическими причинами, существуют собственно языковые условия, определяемые глубинными свойствами естественного языка, провоцирующие появление конфликтных ситуаций. Как отмечают исследователи, «как язык, так и речь имеют такие конфликтогенные

свойства, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие» [Третьякова 2000, с. 156]. По словам Н.Д. Голева, «любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания, недопонимания, «не так понимания», двусмысленного понимания. Каждый речевой акт и каждое речевое произведение при определенных условиях может привести к необходимости юридического разбирательства. Можно сказать, что язык существует среди многого прочего и для того, чтобы создавать конфликты. В этой связи, например, правомерно говорить об инвективной функции языка; любой язык содержит набор лексических и фразеологических инвективных средств, интонационных схем, схем речевого поведения, обслуживающих зону инвективности» [Голев 2003а, с. 35]. Одновременно в языке есть механизм защиты от конфликтов (об этом подробнее в п. 1.3.1).

Типичность воспроизведения конфликтной и гармонизирующей модели поведения позволяет говорить о существовании особых фреймов – фрейма «конфликт», представляющего стереотипную конфликтную ситуацию и типовые параметры конфликтного речевого поведения коммуникантов, и фрейма «защита от конфликта», воспроизводящего модель ухода от конфликта, разрешения конфликта, бесконфликтного общения [Третьякова 2002].

1.3.1. Ограничения естественной коммуникации и языко-речевые конфликты

Социальное взаимодействие, в том числе и естественная коммуникация, представляет собой *диалектику свободы и ограничения* [Ажеж 2003]. Возникновение языко-речевых конфликтов связано с нарушением тех или иных ограничений, которыми изобилует коммуникация.

В первую очередь, естественные ограничения исходят из системы самого языка, его нормативных средств. Как отмечают исследователи, «субъект высказывания действует в некоем пространстве, полном стесняющих ограничений... Конечно, каждый «свободен» в своих представлениях. Однако языкам свойственно *конвенциональное насилие*, и индивид не может сделать так, чтобы слова имели иной смысл (иные смыслы), помимо того (тех), которым(и) слова обладают, или чтобы они имели иную фонологическую структуру» [Ажеж 2003, с. 229]. Любой уровень языка предоставляет предоставляющему говорящему лишь тот выбор, границы которого определяются областью невозможного [Ажеж 2003].

По словам Л.Н. Мурзина, А.С. Штерн, «язык свободен в той степени, в какой он вариативен (если под свободой языка понимать выбор семиотических средств, которыми можно воспользоваться при построении текста)... Но какой бы большой ни была вариативность языковых единиц, их выбор ограничен уже тем, что они взаимосвязаны. Выбрав одну единицу, мы вынуждены «выбрать» и ту единицу, которая привязана к ней... Следовательно, сама система языка, взаимозависимость его единиц накладывает на свободу языка весьма значительные ограничения. Кроме того, сильнейшим ограничителем свободы языка служит норма, которая действует там, где система языка уже не предъявляет своих прав на употребление языковых единиц. Снятие тех и других ограничений означало бы расширение свободы языка..., но такая свобода подобна свободе от любых других норм общества, например, морально-этических, и потому весьма решительно сужается обществом путем разного рода запретов и рекомендаций» [Мурзин, Штерн 1991, с.39]. Языковые нормы, формирующиеся в узусе, являются стихийным способом, выработанным языковым коллективом для предотвращения конфликтов.

Принципиально важным в этом плане нам представляется замечание Л.Н. Мурзина, который различает индивидуальную языковую свободу и свободу социальную: «Конечно, игнорирование системы и нормы

уже само по себе приводит к свободе языка (ср. детскую речь), но это свобода в индивидуальной речи, а не в социальном бытии языка. *Язык становится* не только индивидуально, но и *социально свободным лишь при условии полного владения системой и нормой* (курсив наш - О.М.)» [Мурзин, Штерн 1991, с. 40]. Таким образом, естественные системные языковые и конвенциональные нормативные ограничения свободы языка в юрислингвистическом и юридическом аспектах являются неременным условием свободы слова. По словам Н.Г. Комлева, «норма и свобода в языке не противостоят друг другу, а сосуществуют, составляя вместе языковую действительность» [Комлев 2003, с. 119]. Ср. также высказывание Ю.Н. Караулова о «свободе» употребления обсценной лексики: «Грубая, обсценная лексика на печатной странице только на первый взгляд символизирует прорыв к свободе – свободе слова, свободе личности, свободе от морали. Обратная сторона ее использования – это такое же ограничение, как и всякое другое, как запрет, например, на иностранные слова; автор становится пленником грубого слова и таким же пленником делает своего читателя» [Караулов 2003, [www. gramota.ru](http://www.gramota.ru)].

Кроме языковых ограничений, в естественной коммуникации действуют различные конвенции, лингвопрагматические установки, которые управляют речевым поведением (максимы Г. Грайса, принципы Р.Лакоффа, например, и пр.) и могут служить некими лингвистическими принципами пределов свободы слова, сформулированными в самом общем виде. Так, Г. Грайс назвал в качестве основного принципа человеческой коммуникации принцип кооперации и сформулировал четыре правила, вытекающие из этого принципа. Однако естественная коммуникация далека от точного соответствия ее идеализированной модели: «общеизвестно, что в беседе люди стремятся воздействовать на собеседника, навязать ему свое мнение, скрыть нежелательные для себя факты, увернуться от ответа на некоторые неприятные вопросы, даже задеть, обидеть собеседника. И язык располагает достаточным для этого набором средств, диалого-

композиционных, синтаксических, собственно грамматических» [Николаева 2003, с. 269].

Нарушения конвенциональных правил порождают языковые конфликты или коммуникативные неудачи. Ср.: *«"Эффект" нарушения неписаных правил есть один из самых сильных речевых эффектов, чьи последствия всегда отрицательны...»* [Клюев 2002, с. 60]. Речевая стратегия дискредитации, реализуемая в конфликтных текстах, ставших предметом судебного разбирательства в связи с языковыми правонарушениями, основана на нарушениях правил, регулирующих речевое поведение. Ср.: *«Нарушения постулатов общения бывают вызваны так называемыми коммуникативными манипуляциями, т.е. ходами, цель которых – поставить партнера по общению в неудобное положение»* [Карасик 2002, с. 114]. Приведем пример экспликации в конфликтном тексте стратегии дискредитации путем анализа нарушений правил речевого общения: *«Употребление новообразования прикарманье и авторская характеристика рубрики Орган национально-патриотического следствия характерны для ернического стиля, «сама позволительность которого является нарушением коммуникативных норм (постулата вежливости) и говорит о пренебрежительном отношении автора к персонажу (выраженному к тому же публично), а в определенной степени – и к читателю. Нарушение правил речевого общения обнаруживается также в несоответствующем статусу именовании (господин – о коммунисте)»* [экспертиза Ташлыковой М.Б., www.lexis-asu.narod.ru].

Особое значение приобретает соблюдение конвенций при употреблении оценочных высказываний: *«"Кооперативный принцип", действующий в оценочной коммуникации, в значительной мере основан на социально фиксированных презумпциях. Если они не соблюдаются, то оценка (чаще, чем другие виды коммуникации) ведет к коммуникативным провалам»* [Вольф 1985, с. 170].

Как отмечает В. И. Карасик, «нарушения коммуникативных постулатов в естественной речи несут дополнительную нагрузку, связанную с уточнением статусов отправителя и получателя речи» [Карасик 2002, с.115]. Языковое правонарушение, требующее юридического разрешения, как правило, происходит публично, а это значит, что страдает социальный статус лица (ср. формулировки закона о защите чести, достоинства и деловой репутации, в которых говорится о *распространении* порочащих сведений, норму об оскорблении, в которой предусмотрено более жесткое наказание за оскорбление, нанесенное *публично* и др.). В лингвистической литературе выделяется два типа поведенческих актов, ставящих под удар позитивную самооценку (в юридических терминах - достоинство): 1) отрицательная оценка поступков или мнений человека (выражение неодобрения, критики, презрения, насмешки; жалобы, обвинения и оскорбления, а также возражение, несогласие и вызов); 2) игнорирование достоинства человека (выражение бесконтрольных эмоций, использование табуированных тем, сообщение отрицательной информации о человеке и положительной информации о самом себе, создание чрезмерно эмоциональной атмосферы, явное невнимание к человеку, неправильное обращение к человеку) [Карасик 2002, с. 77]. Исследуя категорию вежливости как оценку статуса человека, В.И. Карасик пишет, что степень жесткости / свободы формул вежливости зависит от ситуации общения: чем официальнее ситуация общения, чем она публичнее, тем более акцентируется статус участников и, как следствие, более жесткими становятся формулы общения, включая формулы вежливости [Карасик 2002]. В связи с этим заметим, что в сферу юридической практики (и лингвистической экспертизы) вовлекаются такие языковые правонарушения, регулярным признаком которых является их публичность (чаще всего это сфера СМИ, публичных выступлений разного рода и пр.) и связанность с определенным социальным статусом (большую часть конфликтных текстов составляет политика, различного рода ситуации официального общения). Например, употребление фразы «*Вы понимаете,*

что Вы ведете себя как человек - просто дрянь», адресованной должностному лицу (следователю) в официальной ситуации (ситуации допроса) [Лебедева, Юрислингвистика-5], актуализирует признак социального статуса человека, поскольку общение происходит на социальной дистанции, кроме того, нарушаются коммуникативные постулаты.

Морально-этические коммуникативные ограничения, с одной стороны, соотносятся с лингвистическими конвенциями, с другой, - имеют выход в правовую сферу.

Среди общих моральных принципов, управляющих речевым поведением, можно назвать запрет лжи, хвастовства, сплетен, угроз, проклятий, клятвопреступлений, запрет повреждений словом, наносимых обществу и самому себе. Подобного рода моральные принципы существуют в каждой культуре и выражены, например, в национальных поговорках, пословицах, афоризмах, крылатых словах и т.д. Ср.: *«Язык не стрела, а пуще стрелы ранит»*, *«Соврешь – не помрешь, да впредь не поверят»*, *«Раз соврал - навек лгуном стал»*, *«Кто врет, тому бы ежа в рот»*, *«С враньем весь свет обойдешь, да назад не воротишься»*, *«Проврался что прокрался: люди долго помнят»*, *«Вранье не споро: попутает скоро»*, *«Ложь не имеет ног, но обладает скандальными крыльями»*, *«Горлом изба не рубится»*, *«Клевета что уголь: не обожжет, но замазает»*, *«Людей порочить – самому на свете не жить»*, *«Птичке - простор, клеветнику - позор»*, *«Мутная вода течет не из чистого озера»*, *«Хвастливо слово гнило»*, *«Не ножа бойся, а языка»*, *«Человеческое слово стрелы острее»*, *«Острое словечко колет сердечко»*, *«Недоброе слово больше огня жжет»*, *«Слово может спасти человека, может и убить»*, *«Слово – тот же нож без ножен: будь с ним очень осторожен»* (нганасаны); *«Как олень волка боится, так и люди болтливого человека боятся»* (ненцы), *«Сказанное слово не бывает неслышанным»*, *«В многословии много ошибок»*, *«Человеческое слово что секира»*, *«Ах, злые языки страшнее пистолета»* (цитата из комедии Грибоедова А.С. «Горе от

ума»), «*Не судите, да не судимы будете*» (Евангелие от Матф., 7, 1-2) и пр. Как отмечает Т.В. Матвеева, «способом **утверждения и защиты** речекультурных стереотипов как реализованной нормы общения чаще всего выступают неформальные санкции и общественное мнение в целом, т.е. регламентация здесь не имеет жесткого характера. Тем не менее, общество достаточно активно осмысляет предпочтение тем или иным индивидом знаков культуры или знаков «антикультуры»: к примеру, данные проблемы служат предметом постоянного обсуждения как в прессе, так и речевом быту современной России» [Матвеева 2000, с. 47]. С другой стороны, как отмечает В.И. Карасик, «различие между моральными и юридическими актами не является абсолютным. Наиболее важные моральные отношения в обществе кодифицируются юридически: власть и особые категории людей, относящихся к власти, жизнь и здоровье, имущество, общественный порядок, безопасность государства. С точки зрения общественного устройства юридические статусные отношения являются показателем оформленности группы.<...> Оскорбление словом или действием вышестоящего лица относится к числу серьезных нарушений общественного порядка» [Карасик 2002, с.149].

Язык потенциально конфликтен, но большинство «лингвистических» конфликтов язык «решает» внутренними средствами, прежде всего своей естественной «нормативной базой», которая регулирует речевое поведение носителей языка, обеспечивая взаимопонимание между ними. В первую очередь это конфликты, возникающие при социальном функционировании языка, например, те из них, которые связаны с разной интерпретацией речевых произведений их автором и адресатом. Некоторая их часть выходит за рамки внутренних регулятивных возможностей языка и их разрешение требует правового регулирования. Как отмечает Н.Д. Голев, «ряд языко-речевых конфликтов, не предотвращаемых естественными способами, выработанными обыденной этикой и языковым ортологическим механизмом (в том числе поддержанным кодификаторами-лингвистами),

выходят на социальный уровень конфликтности, которая регулируется официальным правом» [Голев 2003, с.120]. Итак, социальная коммуникация сопровождается некоторыми ограничениями, которые установлены **законом**. Речь идет о необходимости уважать права других лиц, охранять государственную безопасность, общественный порядок, здоровье и нравственность населения¹⁴. Рождественский Ю.В. считает, что, помимо моральных принципов, управляющих речевым поведением, «вся система речевых отношений в целом регулируется государственным правом» [Рождественский 1997, с. 493].

Новый путь разрешения языковых конфликтов – это путь их юридизации¹⁵. Соотнесение естественно-языкового регулирования языко-речевых конфликтов с юридическим существенным образом расширяет границы такой лингвистической сферы, как ортология, углубляет представление о языко-речевых нормах, выявляя в них принципиально новые грани (Голев Н.Д.). Ср. также: «Выделение коммуникативного и этического компонентов культуры речи, усилившееся с развитием функционализма и антропоцентризма в лингвистике, выработка понятия владения речью, восходящего к понятию коммуникативной компетенции, обещаю переменны, способствуют тому, чтобы устойчивая громада уровневой ортологии перестала, наконец, быть единственным способом ортологической систематики. Вторым способом может и должна стать систематика на

¹⁴ Правовое ограничение свободы слова достаточно широко: закрепление недопустимости злоупотребления свободой массовой информации (ст.4 Закона о СМИ), запрещение диффамации (выражается в запрете клеветы и оскорбления под угрозой уголовного наказания (ст. 129 и ст. 130 УК РФ), в запрете распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (ст.150-152 ГК РФ)); запрещение злоупотребления свободой слова в целях подрыва общественного и государственного устройства (выражается в запрете публичных призывов к изменению конституционного строя РФ (ст. 280 УК РФ), в запрете возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282 УК РФ)) и т.п. Что касается других нарушений, которые могут быть совершены посредством языка (языковое манипулирование в рекламных и избирательных кампаниях, использование суггестивных возможностей языка в псевдомедицинской практике и пр.), то право до сих пор не криминализировало их, поскольку не имеет инструментария для обнаружения подобных деяний.

¹⁵ По-видимому, ограничения естественной коммуникации существуют в том или ином виде, в любой национальной правовой системе (не говоря уже о системе морально-этической и пр.). Например, в США за последнее столетие решениями Верховного суда речевая деятельность ограничена в случаях: 1) непристойной речи; 2) поношения или клеветы; 3) употребления слов, провоцирующих насильственные действия; 4) речи, представляющую непосредственную опасность (см. об этом подробнее в [Жельвис 2004а]).

речедеятельностной основе. Сферы же культурно-речевой регламентации отвечают двум названным выше компонентам культуры речи: коммуникативному и этическому» [Матвеева 2000, с. 47]. Например, перевод языковых признаков слова (в прикладном аспекте – словарных помет) типа «бранное», «пренебрежительное» в юридические типа «оскорбительное», «порочащее» предъявляет принципиальные требования к квалификации лингвистической сущности первых.

Каждый из видов коммуникативных ограничений дополняет друг друга. В целом система ограничений отражена на рис. 1.

Вместе с изменениями в российском обществе в конце 80-х годов стала меняться и система ограничений. Если ранее в условиях жесткой цензуры и сильной морально-этической, идеологической мотивации коммуникативных ограничений соответствующие правовые нормы были практически не востребовааны, то к настоящему времени ситуация меняется на противоположную.

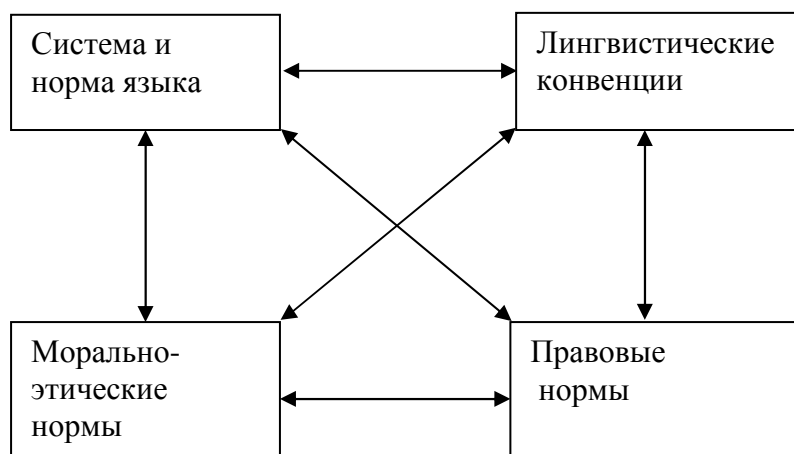

Рис. 1. Система ограничений естественной коммуникации

Как отмечает Л.П. Крысин, процесс освобождения языка от прежних идеологических канонов и штампов сопровождается вовлечением в сферу публичной речевой коммуникации таких языковых средств, которые литературная норма квалифицирует как чуждые культурной традиции:

помимо жаргона, это, например, грубо-просторечная и обсценная лексика. Налицо ослабление со стороны общества санкций в отношении использования подобных языковых средств: «Изменения в социальной жизни русского общества, происходящие в самом конце 20 в., сказываются, в частности, в социальной и коммуникативной актуализации некоторых функциональных разновидностей речи и речевых жанров – например, разных форм публичной речи, в том числе таких, которые характерны для неиерархизированных социальных общностей (митинга, рынка), таких речевых жанров, как спонтанный публичный диалог (ср. телевизионное ток-шоу), *инвектива*, *слухи* (курсив мой - О.М.) и нек. др» [Крысин 2003, с. 535]. Экспансия сниженной лексики, появление особых жанров и использование речевых тактик, которые были под запретом (слухи, молва, инвектива и пр.) свидетельствует, на наш взгляд, о господстве в последние десятилетия в сфере публичной коммуникации дискурсивной практики конфликта (=дискредитации). Конфликтные тексты, содержащие признаки языковых правонарушений, представляют эту практику достаточно наглядно.

Следует также отметить, что ослабление этической, лингвистической конвенциональной мотивации предотвращения конфликтов определяет усиление юридических методов регулирования конфликтных речевых ситуаций.

1.3.2. Виды конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику

Любой коммуникативный конфликт (от коммуникативной неудачи до собственно конфликтного противостояния) имеет типовые способы репрезентации. Конфликт, рожденный противопоставлением экстралингвистических интересов (но имеющий, разумеется, языковое воплощение), а равно и коммуникативная неудача, явившаяся результатом реализации собственно языкового конфликтного потенциала, имеют особые средства экспликации. Исследователи называют их языковыми маркерами

дисгармонии и конфликта в коммуникативном акте [Третьякова 2003], очагами коммуникативного напряжения [Вепрева 2003], проблемными зонами коммуникативного акта [Красных 2003], «коммуникативным саботажем» [Николаева 2003] и т.д. Выделяются также такие типовые способы репрезентации конфликта, как конфликтные речевые стратегии и тактики [Иссерс 1999], конфликтные коммуникативные сценарии [Третьякова 2002].

Существует несколько классификаций потенциально конфликтных текстов, например, см. в [Репина 2001], [Сыпченко 2000] и др. Несмотря на то, что исследователи отмечают «явную тенденцию к генерализации конфликтов, имеющих то или иное отношение именно к лингвистической экспертизе» [Смирнов, textology.ru], на наш взгляд, конфликтные тексты, ставшие объектом лингвистической экспертизы (за исключением автороведческой и фоноскопической¹⁶), с юрислингвистической точки зрения можно разделить на три группы¹⁷ (см. рис. 2).

Рис. 2. Виды конфликтных текстов

Во-первых, это тексты, конфликтогенный потенциал которых обусловлен глубинными свойствами самого языка. Результатом неосуществления намерения адресанта в этом случае является непонимание адресатом сообщения. К этой группе чаще всего относятся различного рода юридические тексты (законы, договоры и т.п.), которые допускают возможность двойного толкования (например, такие тексты были предметом

¹⁶ В ведении автороведческой и фоноскопической экспертиз находится другой тип конфликта, не рассматриваемый в данной работе.

¹⁷ Предложенная нами классификация конфликтных текстов может быть соотнесена с классификацией конфликтных ситуаций, представленной в [Третьякова 2003]. В.С. Третьякова выделяет потенциально конфликтные ситуации, ситуации конфликтного риска и собственно конфликтные ситуации.

исследования в экспертизах 6, 7, 8 в [Юрислингвистика-3], заключения 1, 2 из приложения 5 в [Цена слова 2002]). В силу неточности, неясности, неоднозначности формулировок в таких текстах от лингвиста-эксперта требуется дать заключение по поводу значения тех или иных слов и выражений. Назовем их условно **текстами-неудачами**. Коммуникативный конфликт в этом случае порождается потенциальной множественностью интерпретаций текста, другими словами, множественность интерпретации – фактор возникновения конфликта (об этом подробнее см., например, в [Голев 2004]).

Приведем в качестве примера такого текста п.4 ст. 14 Федерального закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»:

«Гражданам, указанным в пунктах 1 и 2 части первой статьи 13 настоящего Закона, гарантируются:

... 4) оплата занимаемой площади в домах государственного и муниципальных фондов, а также в приватизированных жилых помещениях (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), в том числе и членам их семей, проживающим с ними, в размере 50 процентов квартирной платы, исчисленной по ставкам, установленным для рабочих и служащих, а также предоставление скидки в размере 50 процентов с установленной платы за пользование телефоном, радио, коллективными антеннами (кроме спутниковых) и за их установку, за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией, а проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, - предоставление скидки в размере 50 процентов со стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, включая транспортные расходы».

Конфликтную ситуацию спровоцировала возможность неоднозначного прочтения указанной фразы, обусловленная, как указано в лингвистическом заключении, *«сложностью всей фразы в целом и ее*

перегруженностью в синтаксическом отношении». Лингвистический анализ указанной фразы, представленный в экспертном исследовании [экспертиза Бринева К.И., картотека Лаборатории юрислингвистики и развития речи], устраняет неоднозначность прочтения: «С точки зрения норм русского языка присоединительный союз «также», имеющий значение «вместе с тем, одновременно», в смысловом плане связывает вторую часть пункта четвертого с исходным главным предложением текста закона: «Гражданам, указанным в пунктах 1 и 2 части первой статьи 13 настоящего Закона, гарантируются», оборот «в том числе и членам их семей» является уточняющим и относится лишь к первой части нормы. В этом плане, считаем, что лингвистических оснований говорить о том, что оборот «а также предоставление скидки» может быть отнесен к первой части нормы, нет. Буквальный смысл текста при этом таков:

Гражданам, указанным в пунктах 1 и 2 части первой статьи 13 настоящего Закона, гарантируются:

- 1. Оплата занимаемой общей площади..... в размере 50% (такая оплата гарантируется и членам семей граждан данной категории).*
- 2. Предоставление скидки ... (только категории граждан, указанных в пунктах 1 и 2 части первой статьи 13 настоящего Закона)».*

В качестве признаков текстов-неудач отметим следующие:

- многозначность синтаксических конструкций;
- лексическая полисемия, не снятая контекстом;
- ненамеренность создания многозначности;
- сфера функционирования – правотворчество (создание текстов) и реализация права (толкование текстов).

Большинство интерпретационных конфликтов, связанных с текстами-неудачами, обусловлено их «естественным» прочтением, без применения техники юридического толкования (в этом случае речь идет преимущественно о законодательных текстах). Другая причина появления текстов-неудач связана с отсутствием навыков техники юридического письма

(мы имеем в виду другие виды юридических текстов – договоры, иски, жалобы и пр.).

Другой вид конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику, - это собственно конфликтные тексты, представляющие собой регистрацию конфликтного дискурса (=речевого конфликта). В нашей классификации назовем их **текстами - злоупотреблениями**. В таких текстах осуществление намерения говорящего ведет к интерпретации адресатом сообщения в координатах законов о так называемых языковых правонарушениях. Тексты - злоупотребления подвергаются юрислингвистическому исследованию с целью установления наличия/отсутствия в них признаков состава правонарушений, предусмотренных гражданским и уголовным законодательством. К этой группе относятся преимущественно тексты средств массовой информации (см. экспертизы 1-5 в [Юрислингвистика-3], 1-7, 9-12, 16-20, 24-31 в [Цена слова 2002]). Множественность интерпретации текста-злоупотребления чаще всего становится следствием речевого конфликта,¹⁸ когда ответчик в рамках стратегии защиты пытается интерпретировать свой речевой акт таким образом, чтобы вывести из зоны юрисдикции.

Под речевым конфликтом понимается «неадекватное взаимодействие в коммуникации субъекта речи и адресата, связанное с реализацией языковых знаков в речи и восприятием их не на основе принципа сотрудничества, а на основе противоборства» [Третьякова 2001, с.53].

Как отмечает В.С. Третьякова, конфликт в своем развитии проходит несколько этапов: «неречевые факторы потребности, интересы, мотивы, взгляды, определяющие социальный и психологический тип личности, - обуславливают установки индивида на взаимодействие с другими членами коллектива. Установки влияют на формирование целей общения, которые, в свою очередь, определяют выбор субъектом речевых стратегий. Речевые

¹⁸ Ср., например, конфликт, возникший в июне 2004 года между журналисткой И.Ароян и Ф.Киркоровым, когда произнесенная Ф. Киркоровым фраза расценивается И. Ароян как оскорбление, а им самим как рифма к слову *звезда*.

стратегии, являясь речевой реализацией цели, жестко соотносятся с установками (речевые стратегии подчинения и дискредитации соотносятся с установкой на конфликт, конфронтацию; речевые стратегии близости, отказа от выбора соотносятся с установкой на контакт, сотрудничество). Все эти компоненты конфликтного общения – неречевые факторы, установки, цели, речевые стратегии – регулируют выбор тактик речевого поведения, конфликтный репертуар которых очень богат: от прямого оскорбления до самого изощренного способа унижения чести и достоинства собеседника (недомолвки, намеки, двусмысленности, речевые импликатуры и др.)» [Третьякова 2000, с. 155].

В качестве примера текста-злоупотребления приведем статью «Куда девались тополя?», опубликованную в газете «Листок» от 15 мая 2003 года:

«(1) Недавно ездил в Бийск и обратил внимание: почему-то исчезли тополя, росшие по обочине Чуйского тракта на выезде из Маймы. (2) На их месте – безобразные буераки, заполненные водой, и небольшие болотца, подтопившие края этих самых полей. Что же случилось с тополями?»

(2) По слухам, причиной послужил один республиканский политик, некто Л. Доширак. (4) Проезжая как-то в составе свиты (в нее входил и некий и.о., полномочия которого позволяли издать соответствующее распоряжение), сей славный муж обмолвился: я, мол, крестьянин, люблю простор, люблю, когда поля далеко виднеются.

(5) После чего, судя по всему, одним инициативным придурком и была произведена процедура вылизывания высокопоставленной задницы до самых гланд.

(6) Для справки: тополя вдоль дороги выполняли две функции. Первая из них - это снегозадержание. А вторая - еще более важная - тополь является мощным естественным насосом, он поглощает из грунта и испаряет через листья большое количество влаги. (7) Старожилы Горно-Алтайска еще помнят те непролазные топи, которые находились на месте городского парка, и ряда других, нынче вполне сухих мест. Осушили их как

раз тополя. (8) Так что нынешний глава повторил ошибку, которую пытался совершить один из предыдущих руководителей Майминского района.

(9) А майминцев можно, судя по всему, поздравить. С новыми болотцами и, возможно, с новым руководителем. С большим, розовым, ласковым языком».

Текст юридизирован экспертным заключением Дорониной Н.И. [приложение 3, текст 4].

В тексте содержатся два вида высказываний:

- 1) информационные (содержащие сведения о событии) – в предложениях 1,6, 7.
- 2) оценочные (представляющие собой суждения, выражающие чью-нибудь точку зрения, отношение к чему - кому-либо) – в 2, 3, 4, 5, 8, 9.

Поскольку большая часть текста представляет собой мнение автора, то вопрос заключается в корректности его выражения. Оценочные высказывания являются негативными: *нынешний глава повторил ошибку*, выражены в неприличной форме: *один инициативный придурок, произведена процедура вылизывания высокопоставленной задницы до самых гланд, руководитель с большим, розовым, ласковым языком*. Кроме того, негативная оценка усиливается иронией: *Проезжая как-то в составе свиты..., сей славный муж обмолвился...* Негативное ироничное значение приобретают в данном тексте слова, которые вне контекста дискредитации его не имеют: *некий и.о.*

Прямое указание на содержащийся в тексте состав правонарушения дает вводное словосочетание *по слухам*, поскольку в соответствии с Федеральным законом «О средствах массовой информации» журналист обязан проверять распространяемую информацию.

В тексте не содержится имен и фамилий конкретных лиц, однако по имеющимся в нем номинациям (один республиканский политик, некий и.о.,

полномочия которого позволили издать соответствующее распоряжение, нынешний глава ...Майминского района, Л. Доширак) возможно их идентифицировать. В экспертном лингвистическом исследовании, которым юридизирована серия публикаций в газете «Листок» [экспертиза Дорониной Н.И., [www. lexis-asu.narod.ru](http://www.lexis-asu.narod.ru)], доказывается, что именем Л.Доширак назван глава Республики Алтай М. Лапшин (прозвище образовано путем актуализации внутренней формы слова – Лапшин - на основе ассоциативного сближения фамилии с названием торговой марки продукта (лапша «Доширак»)). Как следует из экспертного заключения приведенного текста, «прагматическую направленность статьи можно определить как дискредитацию и оскорбление упомянутых в статье лиц» [Приложение 3, текст 4].

Текст-злоупотребление:

- реализует конфликтные речевые стратегии и тактики;
- характеризуется конфликтной интенцией;
- содержит оценочную и инвективную лексику;
- сфера функционирования - СМИ, сфера публичного общения, обыденное общение.

Конституирующим признаком текста-злоупотребления является нарушение каких-либо языковых, морально-этических, конвенциональных лингвистических ограничений, приводящее к необходимости правового регулирования конфликта. Кроме того, существует юридическая характеристика текста-злоупотребления - он содержит признаки состава того или иного языкового правонарушения. Тексты - злоупотребления могут различаться в зависимости от того, воплощением какого вида языкового правонарушения они являются, имплицитно или эксплицитно представляют конфликт.

Текст-злоупотребление в процессе юридического функционирования также создает конфликт интерпретаций, суть которого сводится к тому, что одна из сторон конфликтной коммуникации (адресат, инвектум, истец)

обвиняет другую (адресанта, инвектора, ответчика) в совершении языкового правонарушения, а та, в свою очередь, пытается уйти из зоны риска, предлагая иную интерпретацию конфликтного дискурса. Возможность разной интерпретации в этом случае обусловлена ориентацией текста более чем на одного адресата (об этом см. в [Чернышова 2003]).

Конфликтный текст (текст СМИ, политический дискурс) ориентирован, как минимум, на два типа адресатов. Основным адресатом является массовый (читатель СМИ, электорат) – тот адресат, на которого, согласно замыслу автора, должен воздействовать текст, ради которого совершается речевой поступок. Другим адресатом является индивидуальный, т.е. конкретное лицо (или группа лиц), которого автор конфликтного текста представляет как противоположную сторону.

Языковые средства, создающие конфликт, одновременно выполняют две функции и реализуют две речевые стратегии. С одной стороны, они служат реализации функции воздействия, в рамках стратегии кооперации консолидируют “своих”. С другой стороны, создавая конфликт, языковые средства выполняют инвективную функцию, дискредитируют “чужих” (см. рис. 3).

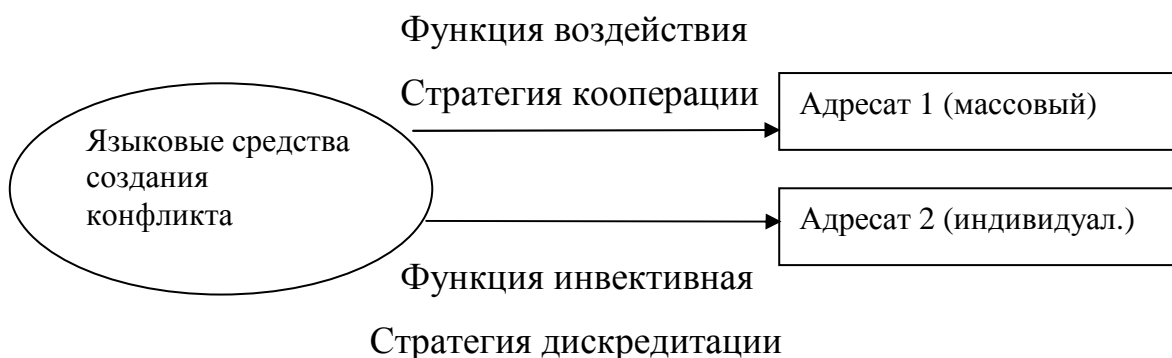

Рис. 3. Ориентация конфликтного текста на адресата

Так, использование инвективы и оценки как наиболее конфликтогенных языковых средств чаще всего интерпретируется как выражение эмоций, объясняется необходимостью эмоционального

воздействия на читателя и пр. Как указывает В.И. Жельвис, инвектива выполняет катартическую функцию, при этом различается два вида агрессивного вербального катарсиса в зависимости от мотива возникновения: 1) непровольная, неконтролируемая реакция; 2) сознательное преднамерение унизить оппонента с целью продемонстрировать свое доминирующее положение, стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки [Жельвис 1990]. Вслед за Е.И. Шейгал мы полагаем, что катарсис как высвобождение отрицательных эмоций, облегчение психологического стресса достигается вербальной агрессией преимущественно в случае, если объект агрессии находится в поле зрения адресата и участвует в коммуникации [Шейгал 1999, с. 219]. Когда конфликт связан с печатным текстом, то вряд ли можно говорить о правомерности катартической интерпретации употребления инвективной лексики (по крайней мере речь идет о первом виде вербального катарсиса); ее функция состоит в нанесении оскорбления конкретному адресату и в «заигрывании» с неким «своим» адресатом.

Также дело обстоит и с оценкой: вряд ли по отношению к печатному тексту возможно говорить только об экспрессивном выражении чувств. По словам Н.А. Лукьяновой, «оценочность, представляемая как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне. Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию – одобрение, похвалу, ласку, восторг, восхищение и т.п., отрицательная – через отрицательную эмоцию - неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение, пренебрежение, презрение и т.п. Оценка как бы “впитывает” в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: “приятное”- “хорошо”, “неприятное”- “плохо”» [Лукьянова 1986, с. 45].

Юридическое функционирование конфликтного текста предопределяет универсальную в этом случае формулу разрешения интерпретационного

конфликта: *«Власть разрешает конфликт интерпретаций. Власть закрепляет за текстом один из смыслов в качестве истинного»* [Александров 2000, с. 105].

Лингвистическое исследование текстов-злоупотреблений наиболее ярко иллюстрирует специфику юридического аспекта языка (об этом см. в п.п. 2.1-2.2 настоящей работы). Иногда в результате лингвистического исследования текст, который интерпретировался как злоупотребление, может быть квалифицирован как текст-неудача. Конфликт в этом случае чаще всего обусловлен использованием не соответствующего ситуации стилистического регистра (см., например, заключение по тексту *«Мы делили апельсин...»* [Юрислингвистика-3, 2002]).

Промежуточное положение занимают **тексты – манипуляторы**. К ним мы относим различного рода агитационные и рекламные тексты, в которых наиболее значимо суггестивное использование языка. Конфликтогенный потенциал таких текстов основан на нарочитом использовании таких свойств естественного языка, которые провоцируют игру смыслами, порождают воздействие на подсознание, некритичное восприятие речевого сообщения и т.п. Как отмечает О.Н. Быкова, *«для языкового манипулирования характерна замена убеждения внушением, которое достигается благодаря созданию эмоционального подтекста высказывания. Так, например, искусный подбор слов позволяет актуализировать в сообщении те или иные оттенки их значений, в результате чего слова несут в тексте двойную смысловую нагрузку и незаметно искажают реальную действительность в представлениях адресата. Иллюзия самостоятельности сделанных реципиентом выводов создается в результате особой организации текста: наиболее важная информация в нем имплицитно, суждения преподносятся в завуалированном виде, а высказывания перегружены оценочной лексикой»* [Быкова 1999б, с.99]. Тексты–манипуляторы нацелены на двусмысленность, и, хотя языковое манипулирование не криминализировано, они зачастую тяготеют к злоупотреблениям. Ср. идеи

М.Г. Старолетова, Н.М. Старолетовой о рекламных текстах как о принципиально конфликтогенных, нарушающих социальные конвенции и находящихся на грани нарушения норм закона: «1. В рекламных текстах фиксируются отклонения от рекламных модификаций «принципов сотрудничества» - максим общения П. Грайса: содержательно-формальная структура часто выводится за пределы той или иной максимы вследствие того, что в тексты вносятся неадекватные принципам сотрудничества смыслы. 2. Данные отклонения приводят рекламную продукцию к «пограничному состоянию» по отношению к требованиям этики, т.е. к немаркированному, «мягкому» нарушению этических норм. 3. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает развитие «пограничного состояния» рекламных сообщений в отношении соблюдения некоторых статей Федерального закона «О рекламе» [Старолетов, Старолетова 2004, с. 164].

В качестве примера текста-манипулятора, спровоцировавшего своей двусмысленностью обращение в суд и потребовавшего лингвистического анализа, приведем текст, использованный в агитационном видеоролике в период выборной кампании 2004 года в Алтайский краевой Совет народных депутатов. Предметом судебного разбирательства стал следующий текст, содержащий, на наш взгляд, намеренно созданную множественность возможных интерпретаций:

Вместе с Президентом.

Выбирай ЕДИНУЮ РОССИЮ

Выборы в краевой Совет народных депутатов

Одним из вариантов понимания указанного текста может быть восприятие его как единой синтаксической структуры, представленной несколькими коммуникативно самостоятельными фразами. Расчленение высказывания на отдельные фразы служит для актуализации определенного смысла, выделения наиболее важного, значимого. При таком подходе содержание анализируемого текста воспринимается как призыв голосовать

на выборах в краевой Совет народных депутатов, как и Президент, за «Единую Россию». Данный смысл актуализируется устным высказыванием, которое сводится к призыву голосовать вместе с Президентом за «Единую Россию»: *«Вместе с Президентом выбирай Единую Россию»*¹⁹.

Другой вариант интерпретации данного текста – это восприятие его как состоящего из отдельных предложений, не связанных друг с другом синтаксически. Смысловая связь этих предложений, хотя и имеется, также остается непроясненной: образуется так называемая смысловая лакуна, при которой адресат текста (в данном случае – избиратель), стремящийся к осмыслению воспринимаемого текста как связного, оказывается вынужденным восполнять его суждениями, соответствующими невысказанной (поскольку она якобы очевидна) точке зрения адресата (возможные варианты восприятия: *«Выбирай Президента и выбирай “Единую Россию”»*, *«Мы вместе с Президентом, поэтому голосовать нужно за нас – “Единую Россию”»* и пр.). Ср. фрагмент экспертного заключения группы по информационным спорам при Избирательной комиссии Алтайского края по тому же тексту: «Сам текст не совсем верно истолкован заявителем. В данных материалах не содержится призыва вместе с Президентом выбирать «Единую Россию» на выборах в краевой Совет. Фраза «Вместе с Президентом» заканчивается точкой. Это может быть адекватно истолковано как партийная позиция, партийный девиз. Некоторую двусмысленность создает то, что не каждый избиратель может заметить на экране эту точку, однако с формальной стороны претензии к данным

¹⁹ Ср. анализ, представленный в [Обреченные на немоту? 2003] опубликованной в «Ъ» от 30.06.2003 года статьи *«“Единая Россия” наломала стереотипов»* с подзаголовком *«Вместе с Президентом»*: *«В журналистском тексте заголовок с подзаголовком выполняют прогностическую функцию: они формулируют тему в каком-либо ракурсе, а также зачастую выявляют авторское отношение к описываемым событиям и таким образом подсказывают читателям, как им следует оценивать эти события. В данном репортаже заголовок и подзаголовок имеют такое строение, что воспринимаются как одна фраза, поэтому читатель воспринимает лозунг партийной встречи, вынесенный в подзаголовок, в контексте негативнооценочного трансформированного фразеологизма. В результате весь заголовочный комплекс складывается во фразу, обозначающую образным способом некую неудачную ситуацию, в которой участниками-неудачниками являются партия «Единая Россия и президент. Это так называемая ролевая семантика предложения, которую интуитивно воспринимают все носители русского языка» [Кара-Мурза 2003, с. 129-130].*

материалам не имеют под собой серьезных оснований» [материалы по информационному спору «Вместе с Президентом», приложение 1].

Тексты-манипуляторы:

- характеризуются намеренно созданной двусмысленностью;
- представляют информацию путем намеков, нужных ассоциаций и пр.);
- содержат синтаксические структуры с нетипичным для них денотативным значением (вопросы в значении утверждения, побудительные конструкции в значении оценки («За такое стрелять надо!» = «это очень плохо» и пр.));
- сфера функционирования – агитация, реклама.

Примеры экспертиз текстов-манипуляторов: заключения по агитационному тексту «Вместе с Президентом. Выбирай ЕДИНУЮ РОССИЮ», вопросника «Правда ли, что...», экспертизы 1,2,3, из приложения в [Цена слова 2002], заключение 3 из приложения 5 в [Цена слова 2002]. О специфике лингвистической экспертизы рекламных текстов в [Бровкина 2002], [Кара –Мурза 2002], [Пирогова 2001, 2002].

Выводы

В результате проведенного анализа проблем, возникающих на стыке языка и права, мы пришли к следующим выводам:

1. Последовательное рассмотрение языка в юрислингвистическом аспекте позволяет выделить специфику сферы взаимодействия языка и права, составляющую юридический аспект языка, являющийся предметом изучения юрислингвистики. Потенциальная конфликтность языка и ее превентивная юридизация составляют основу такой специфики.
2. Процесс становления юридической лингвистики как особого раздела социолингвистики является закономерным этапом развития языкознания, юриспруденции - социума в целом. Зарождаясь как прикладная дисциплина, юридическая лингвистика ставит фундаментальные лингвистические проблемы.
3. Высокая степень конфликтности, характеризующая сферу взаимодействия языка и права, предопределяет юридизацию возможных конфликтных ситуаций на всех стадиях существования права.
 - 3.1. Язык становится объектом правового регулирования в сфере языковой политики и сфере действия законов о языковых правонарушениях. Основы юридической легитимности воздействия на язык заложены в легитимности языковой, обеспечиваемой соответствием правых решений собственно языковым законам.
 - 3.2. Взаимодействие норм языка и права при правотворческой деятельности приводит к таким качественным изменениям естественного языка, которые позволяют говорить о значительной доле условности юридического языка по отношению к языку естественному. Преобразование языка обусловлено выработкой юридизированных механизмов защиты от возможных конфликтных ситуаций, могущих возникнуть при непонимании юридического текста. Однако само это преобразование зачастую

провоцирует конфликт непонимания, поскольку на юридический язык экстраполируются значения и свойства естественного языка.

3.3. Лингвистическое толкование юридических текстов как аспект юридической техники представляет собой специально выработанный механизм предотвращения потенциального конфликта, который может возникнуть при непонимании юридического текста. Конвенции, действующие в указанной сфере толкования, позволяют адекватно интерпретировать юридические тексты.

4. Реализация конфликтного потенциала языка предупреждается различными естественно-языковыми, конвенциональными лингвистическими, моральными и правовыми ограничениями. Некоторая часть языко-речевых конфликтов, не предотвращенных естественными способами, юридизируется.

5. Тексты, юридическое бытие которых предопределяется их конфликтностью, могут возникать на каждом этапе существования права. Проведенное исследование позволяет классифицировать конфликтные тексты, вовлеченные в сферу юридической практики, как тексты-неудачи, тексты-злоупотребления, тексты-манипуляторы.

Глава 2. Конфликтный текст: вид и параметры исследования в юрислингвистическом аспекте (на материале экспертиз конфликтных текстов)

В главе на материале конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику апробируется идея специфичности сферы взаимодействия языка и права, системообразующую роль в которой играет закон. Рассматривается особый вид лингвистического исследования конфликтного текста, вовлеченного в юридическую практику, предлагается модель лингвистической экспертизы. Выделены параметры юрислингвистического исследования конфликтного текста.

2.1. Лингвистическая экспертиза как особый вид лингвистического исследования конфликтного текста, вовлеченного в юридическую практику

Юридическое функционирование конфликтного текста предопределяет особый вид его лингвистического исследования. Лингвистическая²⁰ экспертиза конфликтных текстов представляет собой процессуальную форму получения (или уточнения) юридически релевантных знаний – доказательств. Поскольку текст – явление языковое, то его юридическая оценка в этом случае не может не опираться на квалифицированную оценку соответствующих специалистов²¹.

²⁰Название экспертизы не является общепринятым, поскольку данный вид экспертизы находится в стадии становления и в списке канонических экспертиз de jure не закреплен. Другие варианты ее названий – текстологическая, филологическая, этико-лингвистическая, психоллингвистическая и т.п. Мы оставляем в стороне вопрос о названии экспертизы (об этом см.[Галяшина 2003а])

²¹ Потребность юридической практики в экспертах-лингвистах застала врасплох как юриспруденцию, так и лингвистику. В настоящее время лингвисты-эксперты не имеют специальной подготовки для проведения лингвистической экспертизы, включающей знания процессуальных особенностей проведения экспертизы, ее легитимных лингвистических принципов и методов. В России на сегодняшний день известны лишь две крупные организации, регулярно занимающиеся практикой лингвистических экспертиз, пытающиеся преодолеть ее стихийный этап, осуществляющие научную рефлексию по поводу новой области применения лингвистических знаний, - это Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным

Как указывается в научной литературе, «экспертиза речевых феноменов в текстах, вовлекаемых в сферу юриспруденции, стала насущной потребностью права и высветила новую парадигму нерешенных проблем общего и прикладного языкознания» [Галяшина, 2003, с.22].

Специфика лингвистического экспертного исследования заключается в особенностях его онтологических и функциональных аспектов. Онтология этого вида исследования – экспертизы – определяется его функциональной предназначенностью, а именно использованием его результатов в юридической сфере. Это, с одной стороны предполагает наличие некоего алгоритма, схемы, модели исследования текста, а с другой стороны, в силу того, что возможно бесконечное количество языковых вариантов создания конфликтной ситуации и, следовательно, множество путей выявления и анализа созданного конфликтного смысла, экспертиза представляет собой каждый раз новое креативное исследование. Ср. также: «Нет сомнения в том, что экспертиза должна представлять собой лингвистическое исследование, сочетающее и использование некоторых схем, и в то же время содержащее потенциал развития (выхода за рамки схемы), и стремления к соответствию с линией самой науки о языке. При этом данное стремление должно осуществляться в рамках прагматической направленности экспертизы, диктуемой конкретно-юридическими факторами» [Голев 2003, с. 72].

Опишем в соответствии с поставленными задачами релевантную для юридической практики модель исследования конфликтного текста.

2.1.1. Общая модель лингвистического экспертного исследования

К лингвистической экспертизе как особому жанру лингвистического исследования предъявляются требования содержательного и формального характера. К содержательным требованиям относятся легитимные принципы

и методы проведения экспертизы, система координат интерпретации языко-речевых феноменов, вовлеченных в сферу юридической практики, в том числе система интерпретации речевого конфликта (языкового правонарушения). Формальные требования к экспертному исследованию, содержащиеся в нормах процессуального права, обозначены очень жестко, и их несоблюдение лишает лингвистическое исследование доказательственного значения.

Как и в любом другом прикладном исследовании, важнейшим свойством методов юрислингвистического исследования конфликтных текстов является оптимизация, понимаемая как «такое описание (модель) проблемной области, при котором эта область сохраняет в результирующем представлении только те существенные свойства, которые необходимы для данной практической задачи. Иными словами, если для теоретического исследования предполагается полное описание проблемной области со всеми ее сложностями и т.п., то прикладное оптимизированное описание должно быть удовлетворительным только для данной конкретной задачи» [Баранов 2001, с. 10].

Лингвистическая экспертиза представляет собой исследование для обслуживания юридических потребностей конфликтного текста, поскольку «в самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам «Corpus delicti», все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушения по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки» [Ратинов 1997, с.116]. В этом заключается самое общее отличие как лингвистической экспертизы от других видов экспертиз, так и собственно языковых правонарушений от других видов правонарушений. Юристы признают, что в «правовом поле найти критерии допустимости и правомерности, равно как и недопустимости и неправомерности тех или

иных форм передачи информации, оказывается абсолютно невозможным. Уяснение этих вопросов предполагает выход за пределы собственно правовой проблематики и обращения к лингвистическим, психологическим и другим научным понятиям и критериям» [Ратинов 1997, с.114]. Для анализа текста необходимы специальные познания, поэтому суд по делам такого рода назначает проведение лингвистической экспертизы.

Лингвистическое экспертное исследование только тогда выполнит свою функцию, когда его итогом станут юридически значимые выводы. Экспертное исследование, будучи способом доказывания, должно быть нацелено на обслуживание юридической деятельности, толкование текста в системе координат юридического языка. При таком подходе экспертиза не претендует на полное исчерпывающее исследование текста, это не входит в ее задачи – оптимальным для экспертного исследования является такое описание текста, при котором в результирующем представлении зафиксированы только те существенные характеристики, которые могут иметь юридические последствия.

Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст, следовательно, назначаемое по конфликтному тексту экспертное исследование должно дать такие ответы, с помощью которых будет дана квалификация конкретного правонарушения.

Поскольку экспертиза как процессуальное действие проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, то экспертное лингвистическое исследование ведется по особой модели, структура которой отражает юридически значимые обстоятельства, зафиксированные той или иной статьей закона. Для понимания специфики лингвистического экспертного исследования необходимо обратиться к той внеязыковой (правовой) системе, которая является причиной создания экспертизы, организующим, определяющим ее содержание фактором.

Текст, являющийся объектом экспертного исследования, подвергается анализу в определенных параметрах, заданных той моделью, которая специфична для данного вида лингвистических исследований и которая обусловлена его юридическим функционированием.

Для того чтобы то или иное деяние можно было считать правонарушением, в теории права принято, чтобы оно обладало совокупностью необходимых признаков, образующих состав правонарушения. Система указанных признаков необходима и достаточна для привлечения правонарушителя к юридической ответственности. Отсутствие в совершенном деянии хотя бы одного признака состава правонарушения исключает возможность признания этого деяния правонарушением и привлечения к уголовной ответственности лица, его совершившего. Состав правонарушения – необходимая характеристика любого правонарушения. Обязательными элементами состава правонарушения являются объект правонарушения, объективная сторона правонарушения, субъект правонарушения, субъективная сторона правонарушения. Объектом правонарушения являются те или иные общественные отношения, регулируемые правом. Объективная сторона правонарушения показывает его выражение вовне. Содержание объективной стороны составляют: противоправное деяние, его общественно вредные или опасные последствия и наличие причинной связи между деянием и наступившими последствиями. Субъектом правонарушения является вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста, или юридическое лицо, обладающее деликтоспособностью. Субъективная сторона правонарушения – вина, т.е. психическое отношение правонарушителя к содеянному. Различают две формы вины: умысел (прямой или косвенный) и неосторожность (легкомыслие или небрежность) [Юридическая энциклопедия 1997].

Мы не ставили своей задачей описать способ юридической квалификации языковых правонарушений – представленный очерк позволяет

перейти к описанию собственно лингвистических проблем, связанных с моделью экспертного исследования конфликтного текста. Поскольку объект лингвистической экспертизы – языко-речевой конфликт (в частности – конфликтогенный текст), оказавшийся в сфере действия права, - имеет двойственную природу: это феномен языка и соответственно объект лингвистического рассмотрения и феномен права и юридического рассмотрения, кроме того, экспертиза востребована именно потому, что конфликтогенный текст оказался в сфере юридической практики, нельзя понять специфику экспертного исследования, не учитывая юридических факторов его появления.

Итак, лингвистическая экспертиза должна отвечать на вопросы, так или иначе касающиеся субъекта и объекта правонарушения, его субъективной и объективной стороны. В соответствии с юридической схемой исследования любых (в том числе и языковых) правонарушений в зависимости от их видов определяется экспертное задание, с тем чтобы с помощью заключения специалиста установить, имеются ли в конкретном деянии признаки состава правонарушения.

Конфликтные тексты, попадающие в сферу юридической практики и, соответственно, лингвистической экспертизы, - это прежде всего тексты средств массовой информации. Современная публицистика, как отмечают исследователи, ориентирована не столько на информирование, сколько на воздействие (см. об этом, например, в [Чернышова 2003]). Следовательно, это тексты социального действия, это тексты, представляющие собой поступок, значит, они должны иметь все признаки поступка, в том числе цель, намерение, мотив и причину его совершения.

Текст является вербальным действием, вербальным поступком, который должен оцениваться в системе всех признаков этого поступка, то есть субъекта действия, объекта, на который оно нацелено, субъективной стороны (умышленно или неумышленно действие совершено) и, наконец, объективной стороны – то, какие средства были использованы для

осуществления вербального поступка, при каких обстоятельствах он был совершен и пр. Только в системе всех этих признаков можно понять и оценить юридическое значение вербального акта в каждом конкретном случае (об этом подробнее в [Честь, достоинство и репутация 1998]). Ср.: «Поскольку коммуникативный акт – вид действия, при его анализе используются те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т. п. Субъект речевого акта – говорящий или пишущий - производит высказывание, как правило, рассчитанное на восприятие его адресатом. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели...» [Кобозева 2003, с. 102]. Конфликтный текст, вовлеченный в сферу юридической практики, представленный на экспертизу, на наш взгляд, должен анализироваться как дискурс, понимаемый как «особая форма **использования** языка» [Кубрякова 2004, с. 526], как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1998, с. 137], как речевое действие, которое всегда «актуально, субъективно и утилитарно» [Янко 2003, с. 579]. Анализ конфликтного текста должен представлять собой анализ конфликтного события, другими словами, лингвистическое исследование должно проходить в широком экстралингвистическом контексте. По словам Е.С. Кубряковой, «дискурс создает текст, который, таким образом, оказывается регистрацией (record) коммуникативного акта, осуществленного в устной или же письменной форме» [Кубрякова 2004, с. 526]. Анализируя текст, извлекая из него дискурсные характеристики, эксперт представляет, таким образом, ситуацию речевого конфликта. Лишь при таком подходе, по нашему мнению, можно прийти в результате экспертного исследования языкового правонарушения к адекватным выводам. Ср. также идею Б.Я. Шарифуллина о необходимости нормативной легализации понятия «языковая агрессия» и «языковое насилие», следствием чего будет анализ конфликтного *речевого события*, а не *текста*. При таком подходе эксперт «сумеет «восстановить» и

аргументативно представить всю «цепочку» данного речевого события: интенции автора анализируемого текста и его коммуникативную стратегию, выбор им определенных речевых тактик, их реализацию в «прочитываемых» инвективных жанрах, языковое воплощение данных жанров в соответствующих инвективных единицах языка» [Шарифуллин 2004, с. 126].

Поскольку существует некая модель текста – поступка, обладающего определенными характеристиками, значимыми для юридической практики, то должны быть и некоторые лингвистические закономерности, позволяющие описать, проанализировать такого рода вербальный поступок. Ср.: «Использование собственно лингвистических технологий при анализе такого сложного явления, как конфликтный текст, на наш взгляд, было бы неполным. Необходимо при анализе языковых и речевых сущностей учитывать более широкий социально-психологический контекст. Это невозможно без обращения к когнитивным категориями...Сценарий – это тот инструментарий, который поможет осуществить коммуникативный подход к анализу конфликтного текста, учесть пропозициональные знания автора конфликтного текста, выявить его намерения и замысел, т.е. те структуры, которые стоят за текстом. Сценарная методика позволяет определить не только энергетику наблюдаемого текста, но и спрогнозировать степень «вредоносности» текста – предполагаемые негативные последствия его воздействия на адресата» [Гридина, Третьякова 2002, с. 55-56].

Как отмечает М. Минский, «разум обычно интерпретирует данные восприятия в терминах ранее приобретенных и предназначенных для описания структур – фреймов. Фрейм – это один из способов представления стереотипной ситуации» [Минский 1988, с.289]. Поскольку вышеназванные статьи законов регулируют определенную сферу человеческих отношений («стереотипные ситуации» речевого поведения), то и анализироваться, интерпретироваться, описываться эта сфера должна по определенной схеме, учитывающей важнейшие юридические и лингвистические характеристики.

В качестве такой схемы, в качестве единицы познания стереотипной ситуации мы и предлагаем использовать фрейм.

Любая из статей о языковых правонарушениях может рассматриваться с точки зрения фреймов как особой структуры представления знаний. Ср.: «Различаясь по типу и характеру противоречивости, конфликтные формы общения могут развиваться в строгом соответствии с их *типовой* (т.е. заданной и определенной конкретным иллокутивным потенциалом) *фреймовой конфигурацией*, в которой имеется соответствующий инвентарь показателей (как языковых, так и социальных) (курсив наш – О.М.) ролевого репертуара участников, их установок (как личностных, так и коммуникативных) и набор их речевых (как согласованных, так и противодействующих) действий, соответствующих конкретному типу фреймовой конфигурации» [Романов 2000, с.83]. Каждый из этих фреймов входит в качестве составной части в суперфрейм злоупотребления свободой слова.

При квалификации конкретного правонарушения в суде происходит мысленное набрасывание на рассматриваемую ситуацию своеобразной «сетки» - фрейма, сквозь призму которого расценивается то или иное обстоятельство дела как релевантное или нерелевантное. Если какое-либо обстоятельство не вписывается в заданный фрейм, то оно либо выпускается из виду, и тогда есть опасность судебной ошибки, опасность неправильного вынесения решения; либо, наоборот, заставляет насторожиться и активировать в памяти другой фрейм и соответствующую ему статью кодекса.

Лингвистический анализ конфликтного текста, предположительно содержащего состав языкового правонарушения, ведется путем определяемого экспертным заданием исследования компонентов, входящих во фрейм языкового правонарушения.

В список компонентов, которые входят во фрейм языкового правонарушения и могут быть охарактеризованы как юридически, так и лингвистически, на наш взгляд, следует включить следующие:

1. Внешнеситуационный компонент (внеязыковая ситуация, действительность). Речь идет о ситуации, когда происходит злоупотребление свободой слова, что порождает необходимость в регулировании этой ситуации правом.²² Один из участников конфликта считает, что другой своей речевой деятельностью и ее продуктами нарушает его права, при этом, как полагает В.И. Карасик, протест может быть направлен в сторону факта или в сторону интерпретации факта: «Протест по факту не связан с актуализацией статусных различий между адресатом и агенсом. Протест по интерпретации факта ставит под вопрос право агенса выносить соответствующую оценку. Протест по интерпретации реализуется как контробвинение в намеренном оскорблении и унижении» [Карасик 2002, с. 161]. Внешнеситуационный компонент принципиально важен для квалификации языкового правонарушения. К примеру, публичность оскорбления, оскорбление в ситуации официального общения актуализирует для лингвиста отношения социального статуса и влияет на выводы лингвистического исследования, с правовой точки зрения это влечет более строгую ответственность. Языковые правонарушения возникают прежде всего в ситуации публичного общения: большинство конфликтных текстов являются текстами СМИ, представляют собой регистрацию публичных,

²² Так, например, в праве под распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию граждан, понимается «опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телепрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким лицам или хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением» [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»]. Для лингвистов в данном случае, как показывает практика, принципиально важно различать письменную или устную речь в качестве объекта экспертизы. Уже есть примеры того, что когда к звучащей речи применяется методика анализа письменной речи, то выводы экспертизы недостоверны, что находит отражение в противоположном заключению эксперта решении суда.

агитационных и т.п. дискурсов (см. экспертизы № 1-31 в [Цена слова 2002]) либо ситуации служебного общения (см., например, экспертизу Н.Б.Лебедевой, К.И.Бринева в [Юрислингвистика-5, 2004]).

2. **Участники ситуации.** В “создании” события участвуют как минимум два субъекта, один из которых нарушает права другого. В лингвистике имена этих субъектов могут быть различны: адресат (массовый и индивидуальный) и адресант, пишущий и читающий, инвектум и инвектор и пр., но при обращении за судебной защитой они начинают именоваться истец и ответчик, при этом в действие включается третий субъект – государство, регулирующее отношения первых двух ²³. Участниками конфликтной ситуации становятся в каком-то смысле эксперт, и свидетели, и следователь и др. лица, которые так или иначе могут повлиять на ее исход.
3. **Конфликтный текст**, явившийся и орудием правонарушения, и регистрацией конфликтного дискурса, и материальным носителем состава правонарушения. Именно наличие текста порождает конфликт и определяет закономерное развитие ситуации: обращение одного из участников конфликта к независимому арбитру – суду. Виды конфликтных текстов, которые чаще всего подвергаются лингвистическому экспертному анализу описаны в п. 1.3.2 настоящей работы.
4. **Внутриситуационный компонент** – текстовое событие, вокруг которого строится фрейм и которое понимается предельно широко и может

²³ Об участниках ситуации фрейма «распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию», входящего в суперфрейм «злоупотребление свободой слова» в качестве одного из составляющих, можно сказать следующее. Поскольку честь, достоинство и деловая репутация являются личными неимущественными правами, направленными на индивидуализацию личности, то истцы по данной категории дел должны обязательно идентифицироваться с конкретными физическими или юридическими лицами. В связи с этим одним из возможных вопросов, которые суд может поставить перед экспертом - лингвистом, является вопрос о том, возможно ли идентифицировать лицо, о котором идет речь в конфликтогенном тексте (Ср.: в книге «Цена слова» указывается, что для анализа текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо ответить как минимум на три вопроса, одним из которых является вопрос о том, содержит ли текст информацию о лице [Цена слова, с. 125] . На наш взгляд, этот вопрос нуждается в уточнении: речь должна идти не просто о лице, а о *конкретном* лице, поскольку закон не допускает обращение за защитой чести, достоинства и деловой репутации неопределенного круга лиц).

обладать целым рядом характеристик – как лингвистических, так и юридических. Следует заметить, что внешнеситуационный и внутриситуационный компоненты не тождественны. Ср.: «Журналист описывает не событие как таковое и не сценарий как таковой, а их *психический образ*... Событие выступает в сознании журналиста в виде образа события. Образ события описывается при помощи текста, причем конечная задача этого текста – создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или слушателя)» [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997, с.52].

Согласно статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Для юридической квалификации текста в качестве содержащего признаки состава языкового правонарушения необходимым условием является разграничение в тексте сведений и мнений, и это разграничение оказывается непростой задачей. Отметим, что практика проведения лингвистического экспертного исследования показывает, что «ни категория наклонения в противопоставленности «реального» изъявительного «нереальным» повелительному и условному, ни категория времени с противопоставленными формами прошедшего-настоящего и будущего, ни коррелятивные формы предложения по коммуникативной задаче не могут гарантированно свидетельствовать о наличии или отсутствии утверждения (порочащего характера) в конфликтном тексте» [Иваненко 2004, с. 391].

Лингвистические категории события и оценки (см., например, работы [Арутюнова 1988, Демьянков 1983, Понятие чести... 1997]) трансформируются в принципиально важные для юриспруденции категории факта и мнения, от различения которых зависит квалификация тех или иных высказываний как соответствующих / не соответствующих

действительности. Практика лингвистической экспертизы свидетельствует о том, что сложились определенные подходы к разграничению сведений и мнений (в другой терминологии – информации и суждений, оценочной и событийной информации) в конфликтном тексте.

Первые результаты исследования по указанному вопросу представлены в [Понятие чести...1997]. Авторы указанной работы, исследуя юридические понятия законов о языковых правонарушениях, соотносят их с лингвистическими понятиями. Констатируя отсутствие четких юридических формулировок в нормах о языковых правонарушениях, авторы предлагают различать в текстах суждения о событиях, истинность которых может быть установлена в результате верификации, и оценочные суждения, для которых важно установить инвективность или неинвективность формы их выражения.

В практике лингвистической экспертизы принято различать *информацию* (сведения) и *мнения* (суждения) [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004]. Под *информацией* понимается совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация подразделяется на:

а) *нейтральную* - информация (сведения) о ситуации, событии (явлении, о лице, поступках лица), которые в стандартной картине мира не описываются в ценностных категориях;

б) *положительную* - информация (сведения) о ситуации, событии (явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества (или на основании социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования) считаются хорошими, похвальными, благоприятными для данного общества;

в) *отрицательную* - информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица – юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали

(«неписаного закона») или с правовой точки зрения (по отношению к лингвисту-эксперту – в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции).

Названный компонент особенно важен при рассмотрении дел по защите чести, достоинства и деловой репутации, дел о клевете. Доказать истинность того или иного высказывания можно путем верификации, сопоставления утверждений конфликтогенного дискурса с действительностью. И хотя установление соответствия /несоответствия действительности не входит в компетенцию лингвиста, релевантный для судебного разрешения конфликта вопрос о референции *образа* события, описываемого автором конфликтного текста, есть вопрос лингвистический, поскольку каждая из конфликтующих сторон, как правило, настаивает на собственной (и единственно верной при этом) интерпретации того или иного высказывания. Приведем в качестве примера вопрос, поставленный на разрешение эксперта: *«Какая предметная (денотативная) ситуация обозначена языковыми единицами, входящими в состав следующего текста, и допускает ли он многозначное толкование:*

Но Сергей решил отобрать ребенка любой ценой. Тамара, доверявшая ему во всем, вдруг увидела перед собой настоящее чудовище. То ли его подменили, то ли она просто была слепа... На следующий день он ворвался к ней в квартиру, попытался вырвать Георгия из рук. Она отбивалась и кричала, подбежав к окну:

- Если не уйдешь, я разобью окно и позову на помощь прохожих!

... Сергей отступился. Но ненадолго. Вскоре по рязанскому телевидению в прайм-тайм пошли сюжеты: знаменитый американский стилист Гаркавый против дикой русской женщины и органов опеки, не желающих прислушиваться к отцовскому горю. «Вечерняя Рязань» опубликовала серию статей на ту же тему (в одной из них как бы ненароком указан домашний адрес Тамары). В ее подъезде появились

листовки примерно такого содержания: «Может ли такая демоническая женщина воспитывать ребенка?..» Газеты наперебой судачили о том, что Гаркавый не просто стилист: он мэтр парикмахерского искусства, работавший с суперзвездами вроде Элтона Джона.

К скандалу подключились управления образования, здравоохранения, прокуратура и прочие заинтересованные учреждения. Сергей заверял всех, что ребенку угрожает опасность».

В своем ответе эксперт Т.В. Губаева указывает: «В текстовом фрагменте, который начинается со слов *Но Сергей решил* и завершается словами *ребенку угрожает опасность* с помощью языковых средств публицистического стиля обозначена денотативная ситуация, характеризующаяся ключевым словом скандал: не разбираясь в средствах, Сергей прибегает к насилию, чтобы увезти ребенка в Америку. Он врывается в квартиру, в драке хочет отнять Георгия у Тамары (она отбивалась и кричала), потом организует телевизионные сюжеты, пытаясь привлечь на свою сторону влиятельных людей города. Данный фрагмент имеет однозначное толкование, в нем содержится негативная информация о С. Гаркавом, изложенная в форме утверждения о фактах, имевших место в прошлом» [приложение 3, текст 10].

5. Иллокутивный компонент, соотносящий высказывание с речевым намерением его автора. Автор конфликтного текста, как правило, не эксплицирует свои намерения или пытается скрыть их, поскольку экспликация в этом случае равнозначна «иллокутивному самоубийству» [Вендлер 1985]. По словам Т.Е. Янко, «только имплицитное присутствие иллокутивной цели делает высказывание речевым действием» [Янко 2003, с. 574]. Интенция автора конфликтного текста соотносится с пониманием его адресатом (конкретным, массовым, экспертом, судом и т.д.) (об этом см. [Галяшина 2003а], [Голев 2004б]). Кроме того, интенция - одна из важнейших характеристик языкового правонарушения, позволяющая отграничить намеренное создание

конфликтогенного текста от случайного. Отбор информации и способы ее подачи в конфликтном тексте задаются соответствующей интенцией: «Дискредитация осуществляется вербальными клише, с помощью которых оценивается компетентность/ некомпетентность, честность/ нечестность, негативный моральный облик, сходство с другими негативными персонажами, обвинение в дружбе с негативно оцениваемыми людьми или с людьми, находящимися под подозрениями. Апологизация реализуется путем ссылок на высокие моральные качества и авторитеты высоких общественных и государственных инстанций (суд, мэрия, съезд, гильдия актеров или адвокатов и т.п.), компетентность, миролюбие и желание всем мира и благоденствия, сходство с позитивными персонажами, известными окружающим, сообщение о дружбе с позитивно оцениваемыми людьми» [Романов 2000, с. 88]. К примеру, в Алтайском крае суд наряду с не соответствующими действительности фактами признал порочащим деловую репутацию истцов присвоение им – бывшим коммунистам - звания «герои капиталистического труда», основываясь далеко не на значениях слов, а на намерениях авторов политической листовки опорочить деловую репутацию истцов и ассоциативных связях слова «капиталистический», эксплицирующих бытовавшее в обществе мнение об отрицательном характере капиталистического труда (см. об этом подробнее в [Голев 1999б]).

Применительно к конфликтогенному тексту при выявлении интенции возможно использование методики, предложенной А.А. Романовым в работе [Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика 2000]. Анализируя речевой материал конфликтных форм коммуникации (публичных политических выступлений и дебатов, «бранных» диалогов и «ругательных», изобличительных публикаций и речей), А.А. Романов доказывает, что конфликтность личностной установки говорящего (т.е. установки не просто на конфликт с какой-то

отдельной личностью в общении, но и конфликтного речевого поведения вообще) проявляется в эксплицитных (явных, очевидных) интенциях, направленных на оценку (или речевой акт «оценивание») событий, людей и их поступков. В связи с этим предлагается действие положительных и отрицательных оценок расценивать в сугубо коммуникативно-функциональном (лингвопрагматическом) плане, а именно: «негативные или очень положительные (например, применительно к непопулярным действиям политика) оценки доводятся до слушающих с целью изменить к худшему их отношение к объекту оценки. И наоборот, положительные оценки своих собственных действий или действий своих сторонников используются для улучшения отношения членов сообщества (слушающих, воспринимающих, читающих и т.п.) к собственной личности» [Романов 2000, с.84-85]. Романов А.А. на материалах политических дискуссий доказывает, что субъекты речи (участники ситуации) реализуют свою активную позицию в виде оценочных речевых действий, характеризующих другого участника ситуации с негативной, а себя и своих сторонников - исключительно с положительной стороны. Тем самым субъекты речи демонстрируют коммуникативную интенцию на дискредитацию сторонников противоположного лагеря и апологизацию своих сторонников [там же, с.88].

6. Перлокутивный компонент, соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата. Показателем воздействия конфликтогенного текста на адресата служит факт обращения за судебной защитой. Необходимость объективного экспертного анализа конфликтогенных текстов обуславливает постановку вопроса о методике их исследования, в том числе исследования текста как перлокутивного акта. Традиционно используемые в лингвистике методы исследования текста применительно к конфликтогенному тексту, на наш взгляд, не всегда приводят к достоверным результатам.

Принятая логика суда и экспертизы исходит из презумпций классической (структурной, системной) лингвистики, а именно результат воздействия конфликтогенного текста оценивается не по самому воздействию, а по его возможности. Презумпции лингвиста-эксперта направляют его на поиски ответа на вопрос: может ли то или иное языковое средство оскорблять, порочить честь, достоинство и деловую репутацию, и это соответствует юридическим презумпциям (подробнее об этом в [Голев 2002]). По существу, в таком случае экспертизе подвергается (речевое) средство, но не (речевое) действие, каковым является речевой акт, который в современной лингвистике рассматривается как полноценная деятельность со всеми ее компонентами – мотивом (намерением, интенцией), целью, способами и средствами осуществления, результатом. Однако употребление тех или иных слов (средств) не всегда достигает результата, иначе говоря, наличие в тексте негативных высказываний в отношении какого-либо лица не всегда приводит к унижению чести, достоинства и деловой репутации. Как отмечает В.И. Жельвис, следует различать американские понятия «offensiveness» и «offendedness»: “Offensiveness можно перевести как «оскорбительность» в смысле содержания в слове отрицательного или вызывающего отвращение значения. Чем оскорбительнее слово, тем сильнее оно табуируется, запрещается к употреблению. Таким образом, «оскорбительность» есть свойство самого слова, изначально присущий ему оскорбительный смысл. Русский мат в компании воспитанных людей оскорбителен сам по себе, кто бы его ни произносил или слушал. Offendedness же есть реакция слушающего на оскорбление в его адрес, ощущение обиды или оскорбленности. Как видим, разница тут значительная, потому что объективная оскорбительность слова еще не обязательно вызывает субъективную оскорбленность...» [Жельвис 2000, с. 228]. Речевое действие подпадает под юрисдикцию закона о защите чести, достоинства и деловой репутации лишь потому, что оказывает воздействие. Честь определяется в праве как сопровождающееся положительной оценкой

отражение качеств лица (физического или юридического) в *общественном сознании* (курсив наш - Н.Г., О.М.). Исходя из этого определения, исследователи приходят к выводу о том, что «унижение чести предполагает, что истец ощущает (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе. Это сознательная дискредитация человека в общественном мнении» [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ 1997, с. 12]. Однако судебная практика такова, что оценивает изменения в общественном сознании сам истец. Экспертиза, как мы уже отмечали, оценивает средство воздействия на общественное сознание, а результат воздействия оказывается вне всяких оценок. Ср.: «Как указывает Комментарий к УК РФ, «наличие унижения и его степень, глубину оценивает в первую очередь сам потерпевший»: объективных, тем более операциональных критериев для доказательства того, что «унижение чести» имело место, в законе и текстах права вообще нет» [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ 1997, с. 12]. Разработка экспериментальной методики оценки результатов воздействия конфликтогенных текстов позволит исследовать наличие изменений в «отражении качеств лица в общественном сознании». Автор конфликтогенного текста практически всегда, стараясь уйти от ответственности, предлагает, опираясь опять-таки на средство (текст, слово), выгодную ему интерпретацию текста, ссылаясь на то, что его не так поняли, что он не то имел в виду и пр. Иногда ситуация становится неразрешимой, когда адресат конфликтного текста ощущает его воздействие, но доказать его практически невозможно, поскольку конфликтогенный текст построен на импликации, невербализованных намеках, сравнениях, коннотативных значениях и пр., т.е. на тех способах передачи смысла, которые не подлежат непосредственному формальному определению. Проблема такого рода, когда инвектива (или другой показатель языкового правонарушения) не эксплицируется, но инвективное (или иное противозаконное) воздействие конфликтогенного дискурса

интуитивно ощущается носителями языка, не решена лингвистикой на современном этапе ее развития.

Адресат конфликтогенного текста, как правило, имеет возможность «выбора»: интерпретировать высказывания как порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, либо как вполне приемлемые с этой точки зрения. Мы можем констатировать тот факт, что на сегодняшний день отсутствует единая методика анализа конфликтогенного текста, позволяющая делать достоверные выводы о том, что текст порочит честь, достоинство и деловую репутацию определенного лица либо, наоборот, не делает этого. Для объективного исследования конфликтогенного текста необходимо применение определенного алгоритма экспертных действий, включающего в сложных случаях проведение эксперимента, нацеленного на исследование речевого действия как перлокутивного акта. Для исследования перлокутивного компонента необходимо проникновение в глубинные прагматические сферы речевой деятельности, необходимо создание специальной экспериментальной методики, позволяющей оценить воздействие того или иного конфликтогенного текста на адресата.

7. Модальный компонент, соотносящий речевой акт в целом и каждый его элемент с имеющимися в нем оценками. При анализе любого конфликтогенного текста важно различать имеющуюся в нем фактологическую и оценочную информацию (в другой терминологии – событие/оценка, сведения/мнения, информация/оценка, утверждение о фактах/оценочное суждение), поскольку мнения (=оценки) могут свободно распространяться в обществе при условии, что они корректно выражены.

Мнением, согласно определениям, принятым в практике исследования конфликтного текста в юрислингвистических аспектах, считается суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-чему-нибудь». Мнение может быть выражено:

а) в форме *предположения* (распознается в тексте по наличию особых маркеров, выражающих неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну их возможных версий и пр.);

б) в форме *утверждения* (высказывание, в котором утверждается что-то и отображается связь предмета и его признаков) [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004].

Ср. различие индивидуальной оценки, оценки «общего мнения» и «истинной в реальном мире» оценки в концепции Е.М. Вольф: «Оценка может быть высказана от одного определенного лица (индивидуальная оценка), или от “общего мнения”, т.е. совокупности лиц, образующих некий социум с общими стереотипами, а также представлена как не имеющая субъекта и истинная в “реальном мире”; ср.: *По-моему, Вася умница* – индивидуальная оценка; *Вася считается (слывет) умницей*- оценка «общего мнения»; *Вася-умница*- оценка, представленная как истинная в реальном мире. В последнем случае в основе оценки лежит концептуальный мир говорящего» [Вольф 1985, с. 69]. Ср. также: «Человек, выносящий оценочное суждение, если это суждение имеет моральную или юридическую природу, опирается на определенные нормы человеческого поведения. Осуждение, обвинение выносятся как бы от имени общества, которое выступает в качестве суперагенса по отношению к отправителю и получателю речи. Обвинение, построенное на сугубо личных пристрастиях, а не на социальных нормах, носит абсурдный характер» [Карасик 2002, с. 161].

Как отмечает Е.М. Вольф, «естественный язык различает по смыслу и по форме оценочные структуры с эксплицитной модальной рамкой и оценочные структуры, где модальная рамка не обозначена. Ср.: *Он считается хорошим пловцом* и *Он хороший пловец*» [там же, с.98]. Следствием такого различия могут быть как этические, так и юридические результаты: «В первом примере оценка представлена как исходящая от «общего мнения», во втором – как истинная в «реальном мире». Это различие существенно и функциональном плане. Присутствие

аксиологического предиката предполагает существование других мнений и возможность возражений.<...> Высказывания без глагола мнения представляет оценку как положение вещей в «реальном мире» и предполагает скорее реакцию на дескриптивное содержание» [там же, с. 98]. Ср. также: «Ситуация оценочного суждения включает перлокутивную характеристику оценки, т.е. ответный шаг адресата, который подвергся критике или обвинению. Такой ответный шаг может быть выражен вербально и невербально. Если критика носит характер укора, замечания, сделанного по-дружески, то ответная реплика выражает согласие адресата с замечанием, извинение, стремление разрядить напряжение шуткой. Если адресату предъявлено серьезное обвинение, то ответная реакция часто выражает несогласие с оценочным суждением, стремление «спасти лицо», и это может быть сделано как в рациональной, так и аффективной форме». [Карасик 2002, с. 159].

5. Индикаторы конфликта - языковые единицы различных уровней, выполняющие конфликтообразующую функцию в тексте, регистрирующем языковое правонарушение.

Для фреймов языкового правонарушения 'оскорбление' или 'унижение чести и достоинства' указанный компонент предстает, на наш взгляд, как **лексико-семантическое поле злоупотребления свободой слова**, ядро которого составляют слова с ярко выраженной инвективной семантикой, а на периферии находятся слова, не имеющие инвективного значения, но приобретающие его в определенном контексте.

К инвективному пласту лексики относят «слова и выражения, заключающие в своей семантике экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [Понятие чести ... 1997, с. 28]. Сюда включают:

- 1) ругательную нелитературную лексику, чаще всего взятую из жаргонов и диалектов;
- 2) обценную лексику (мат);
- 3) грубопросторечную лексику, входящую в состав литературного языка;
- 4) литературные, но ненормативные (т.е. те, употребление которых нарушает нормы общественной морали) слова и выражения следующих разрядов:
 - а) слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность (бандит, жулик, мошенник);
 - б) слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления (двурушник, расист, враг народа);
 - в) названия профессий, употребляемые в переносном значении (палач, мясник);
 - г) глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой (украсть, хапнуть) [Понятия чести... 1997].

Для фреймов других правонарушений (например, связанных с агитацией, возбуждением национальной вражды, призывами к насилию и пр.) особо значимыми индикаторами будут различные побудительные конструкции.

Итак, нами выделены 8 компонентов фрейма языковое правонарушение: внешнеситуационный, участники ситуации, конфликтогенный текст, внутриситуационный, иллокутивный, перлокутивный, модальный, индикаторы конфликта. Юридическая схема исследования правонарушения по элементам состава правонарушения – объект – объективная сторона – субъект – субъективная сторона – коррелирует с лингвистической схемой исследования конфликтогенного текста. Объективную сторону вербального поступка характеризуют внешнеситуационный, внутриситуационный компоненты, конфликтогенный текст, модальный, перлокутивный компоненты, субъективную сторону – иллокутивный, модальный компоненты. Субъект и объект правонарушения описываются с помощью таких компонентов фрейма, как участники ситуации, перлокутивный и внешнеситуационный компоненты.

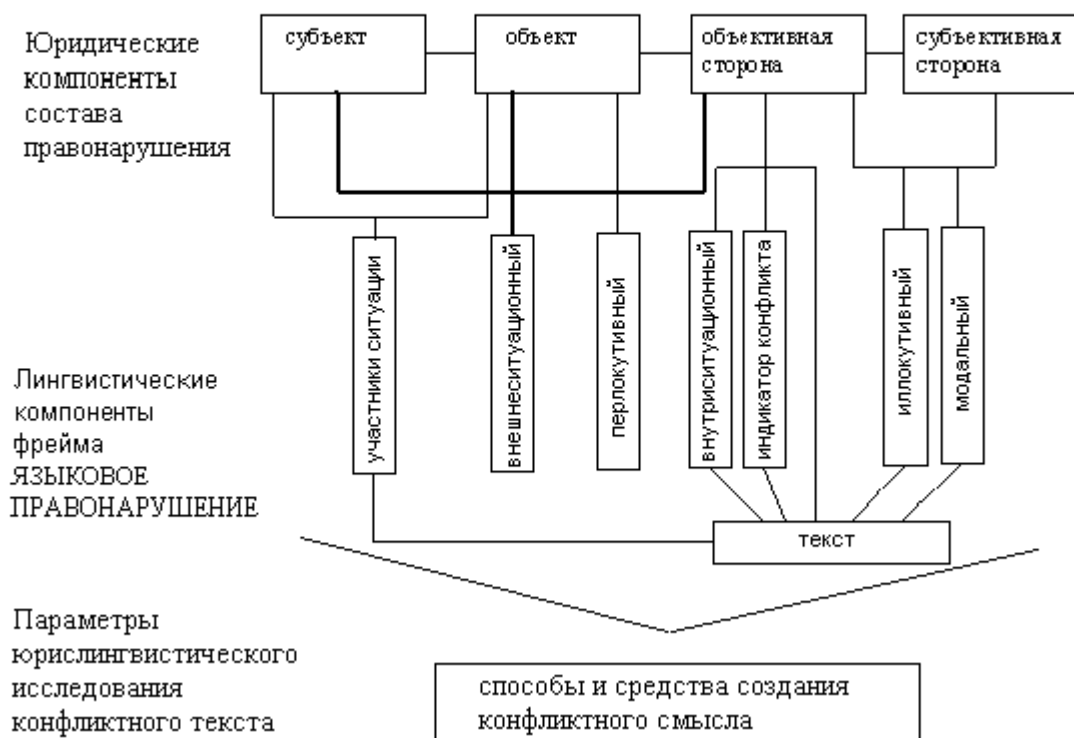

Рис. 5. Модель лингвистического экспертного исследования

Модель лингвистического экспертного исследования текста, предположительно содержащего признаки состава языкового правонарушения, представляет собой схему исследования компонентов фрейма языкового правонарушения, коррелирующих с юридическими компонентами состава правонарушения (см. рис. 5). Изоморфизм модели лингвистического экспертного исследования и фрейма языкового правонарушения обусловлен металингвистическим характером экспертизы: экспертиза – это текст о тексте, отраженный текст в юридизированной системе координат. Движущей силой модели является ее нацеленность на судебное решение, обеспечивающая доказательственный материал для юридической квалификации. Таким образом, предложенная модель лингвистического исследования, позволяет, на наш взгляд, обслуживать

потребности юридической практики, обеспечивая синтез лингвистического и юридического анализа конфликтного текста, дает основания для выявления типологических характеристик конфликтных текстов (приложение 3). Параметры юрислингвистического анализа указанных компонентов модели, представляющие собой конкретные способы и средства создания конфликтного смысла, описаны на материале юридизированных конфликтных текстов в п. 2.2. настоящей главы.

2.1.2. Гносеологические аспекты лингвистической экспертизы

Назначение и проведение лингвистического экспертного исследования конфликтного текста предполагает знание гносеологических возможностей такого вида экспертизы. Теоретическая разработка этой проблемы находится в стадии становления. Современное состояние юрислингвистической экспертной деятельности позволяет констатировать факт, что знания о гносеологических возможностях лингвистической экспертизы отсутствуют и в судебной практике, и среди лингвистов. Законодатель, обозначив целый ряд языковых правонарушений, не продумал механизм реализации законов о такого рода правонарушениях. В чем специфика юрислингвистического исследования конфликтного текста? Какие задачи решает лингвистическая экспертиза? Что есть сегодня языковое правонарушение? Правонарушение с помощью языка или против языка? Как совместить юрислингвистическое понятие языкового правонарушения и соответствующие нормы закона? Как лингвистические знания проецируются на систему юридического доказывания? Как совмещаются юридическая терминология о языковых правонарушениях и терминология лингвистическая? Какова должна быть система релевантных для юриспруденции лингвистических координат экспертного исследования? Ответы на эти вопросы предполагают описание гносеологического аспекта лингвистического экспертного исследования.

Особенности лингвистического экспертного исследования по сравнению с другими экспертизами заключаются, во-первых, в особенностях объекта, подвергаемого экспертизе, - текста, смысл которого создается совокупностью единиц разных языковых уровней и требует экспликации; во-вторых, - в методологии гуманитарных наук, в частности, в основном методе анализа текста – интерпретации.

Объектом лингвистического экспертного исследования служит конфликтный текст, регистрирующий конфликтный дискурс. В научной литературе лингвистическая экспертиза предстает как герменевтическое исследование текста (Ю.А. Бельчиков), текстологическое исследование (Л.Е. Кириллова), вторичный текст (М.П. Котюрова). На наш взгляд, лингвистическая экспертиза функционирует как метаязыковой текст, текст о тексте, текст, созданный на основе другого в рамках заданной системы координат, предопределенной соответствующими статьями закона.

Естественным образом встает вопрос о применяемых методах экспертного исследования. Как отмечает Н.Д. Голев, проникновение в глубинные слои речевого конфликта, привлечение новых методов, стремление к объективности и полноте и исследования речевого конфликта приводят к одной из главных коллизий лингвистической экспертизы, связанной с выбором критериев истинности экспертного исследования, с осложнением экспертного исследования, далеко не однозначно оцениваемым юридической стороной. Решения проблемы в такой ситуации видится не в упрощении нового вида лингвистических исследований, а в нахождении точек соприкосновения лингвистики и юриспруденции - с поиском баланса интересов лингвистики и юриспруденции связано прогрессивное развитие лингвистической экспертизы [Голев 1999].

Лингвистический анализ конфликтного текста проводится путем его интерпретации, понимаемой как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий. Интерпретация является одновременно *процессом, результатом* и

установкой, все эти аспекты образуют единство: интерпретация представляется как процесс, обладающий своими результатами, однако для его осуществления необходима презумпция интерпретируемости объекта. *Интерпретируемость* объекта - характеристика, возможная только в рамках заранее обусловленной системы интерпретации - набора допустимых видов и форм результата» [Демьянков 1996, с. 31].

Ограничения интерпретационной деятельности лингвиста при анализе конфликтного текста, вовлеченного в юридическую практику, накладываются видом исследования, к которому предъявляются особые формальные и содержательные требования, а также юридически релевантными признаками языкового правонарушения. Кроме того, гносеологическая установка экспертного исследования, как и любого другого прикладного исследования, по словам А.Н. Баранова, такова, что «в качестве основной ценности выдвигает не познание того, «как все обстоит на самом деле», а решение конкретной задачи, в частном случае – удовлетворение требований «заказчика», преследующего свои собственные цели, часто очень далекие от канонов собственно лингвистических исследований. Это, впрочем, не означает, что результаты прикладных исследований не представляют никакой ценности для теории языка: напротив, прикладные модели оказывают значительное влияние на лингвистическую теорию, способствуя обновлению концептуального аппарата современного языкознания» [Баранов А.Н., с.10].

Основной проблемой экспертного лингвистического исследования является отсутствие лингвистической системы координат, в которой может интерпретироваться конфликтный текст с релевантными для юридической практики выводами. Пока практика лингвистической экспертизы вырабатывает эти координаты опытным путем. Понятия права (порочащие сведения, оскорбление, неприличная форма и т.п.) не имеют легитимных лингвистических коррелятов. Одни из таких понятий в лингвистике функционируют как обыденные понятия, другие представляют собой

терминологические омонимы. Приведем размышления В.И. Карасика о понятии оскорбления: «Под оскорблением мы понимаем любое определение несостоятельности человека. В юридическом смысле оскорбление – это общая отрицательная оценка в неприличной форме. Для юристов важно разграничить оскорбление и клевету, т.е. обвинение в определенном пороке и вменение в вину определенных фактов («Он –вор» и «Он украл у меня часы»). Клевета считается более тяжким преступлением, чем оскорбление. В неюридическом смысле оскорбить значит причинить несправедливое огорчение и унижить достоинство человека. Субъект оскорбления испытывает активное неуважение к человеку, качества которого оцениваются отрицательно. Это чувство неуважения может иметь объективные и субъективные основания, но для объекта оскорбления оскорбляющий выступает как злой и несправедливый поноситель, высокомерный, бестактный, мелочный, грубый человек» [Карасик 2002, с.259]. Операциональные критерии лингвистического определения оскорбления отсутствуют. В отличие от оскорбления в юридическом понимании, «обыденное» оскорбление «может быть нанесено и при помощи изысканных выражений литературного языка, как в саркастическом, так и в обычном общении» [Карасик 2002, с. 236]. Ср. также замечание В.Н. Базылева о различии норм относительно клеветы и оскорбления в праве и лингвистике: «право опредмечивает норму на событийном уровне, а язык – на текстовом (пропозиция - факт)» [Базылев 2000, с. 161]. Как показывает экспертная практика, и юридическое понятие оскорбления не приобрело еще жесткий юридизированный статус, оно не переведено на собственно юридический язык и не детерминировано юридическими критериями. Б.Я Шарифуллин, высказывая идею о необходимости ввести понятия «языковая агрессия» и «языковое насилие» в правовое, а не только лингвистическое пространство, считает, что «этим самым довольно-таки неопределенное понятие «оскорбление», имеющее вроде бы статус правового термина, а на самом деле настолько расплывчатое, что манипулирование им в интересах

конкурирующих в судебных процессах сторон очень часто приводит к юридическому «коллапсу», получило бы, как представляется, более определенное **терминологическое** обоснование. Мне кажется также, что установить факт языковой агрессии **лингвистически** будет более убедительно и доказательно, чем пытаться «полифонически» оперировать словом оскорбление в интересах той или иной стороны» [Шарифуллин 2004, с. 127]. Яркой иллюстрацией отсутствия юридической и лингвистической (=юрислингвистической) системы координат интерпретации конфликтного текста, в котором, по мнению адресата, содержится оскорбление, является, на наш взгляд, получивший широкий общественный резонанс судебный процесс между Ф. Киркоровым и И. Ароян. Предметом судебного разбирательства стали следующие высказывания, прозвучавшие на пресс-конференции Ф.Киркорова:

(1) Ф.Киркоров: *Меня раздражают ваша розовая кофточка, ваши сиськи и ваш микрофон.*

(2) Ф.Киркоров: *А? Да мне... да мне по х***, как вы напишите... Так же, как и вы ... Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!*

(3) И. Ароян: *А вы научитесь себя вести. Звезда.*

(4) Ф.Киркоров: *Да... П***а!*

Агрессивные фразы получили в экспертных исследованиях различную (от оскорбления до языковой игры) интерпретацию. С юридическим понятием оскорбления, которое существует на сегодняшний день, могла быть соотнесена только фраза №4, при этом интерпретация ее как языковой игры также имеет право на существование. Фразы 1 и 2, хотя и имеют неприличную форму, не характеризуют личность адресата, а выражают негативные эмоции адресанта [Львова 2004]. Разумеется, в публичной коммуникации недопустимы подобные высказывания, однако строгое соответствие их правовой норме об оскорблении отсутствует.

Понятие оскорбления должно функционировать как юридическое, но основания этой юридизации коренятся в языке, следовательно, одной из первостепенных задач юридической лингвистики является коррелятивное описание дифференциальных признаков оскорбления.

Как отмечает Н.Д. Голев, теоретические проблемы оскорбления в лингвистической экспертизе начинаются уже с вопроса об оскорбительности того или иного высказывания, предлагаемого лингвисту-эксперту для разрешения: «Как правило, лингвисты не сомневаются в правомерности этого вопроса и так или иначе стремятся ответить на него, исходя из своего профессионального и личного опыта и языкового чувства, подкрепляемого отсылками к литературе языконормативного содержания. На наш взгляд, сомнений здесь может быть более чем достаточно, ибо само понятие «оскорбление» по существу не определено, и слово «оскорбление» (равно как его синонимы типа «инвективное слово») не функционирует ни как лингвистический, ни как юридический термин. В лингвистической литературе вообще отсутствуют понятия «оскорбление», «инвектива», «инвективное функционирование языка» [Голев 2002б, с. 16]. Язык играет словом *оскорбление*, и функционирование этого понятия в юридической, лингвистической и обыденной ментальности ярко иллюстрирует эту игру.

Юристы, задавая вопросы в привычных и значимых для себя формулировках, к примеру, *является ли фраза (слово) оскорбительной* (экспертиза 7, 9, 10, 15, 19 и пр. в [Цена слова 2002]), не задумываются о его правомерности для лингвиста. Нет в лингвистике и понятия неприличной формы, которая важна для квалификации конфликтного текста как содержащего или не содержащего оскорбление. Заметим, однако, что наличие неприличной формы не означает автоматически наличие оскорбления. Прямой корреляции между понятиями инвектива и неприличная форма нет как в теории лингвистической экспертизы, так и в ее практике. Согласно представленной в [Памятка ...2004; Понятия

чести...2004] классификации, неприличная лексика (=непристойная, обценная) оставляет один из классов инвективной, а при определении инвективной лексики в качестве дифференциальных признаков называется намерение оскорбить или унизить адресата и нарушение норм общественной морали (отметим, что для юридического понятия оскорбления необходимо и достаточно наличие двух последних признаков). Отсутствие теоретических лингвистических оснований для признания слова оскорбительным влечет разноречивую в оценке слова в экспертных исследованиях. К примеру, в одном экспертном заключении слово *мошенничество* квалифицируется как способное нанести ущерб деловой репутации [приложение 3, текст 9], в другом слово *мошенник* на основании его нормативности не относят к неприличным и бранным [приложение 3, текст 3]. Между тем, согласно классификации в [Памятка ...2004; Понятия чести...2004], оно является инвективным.

Для того чтобы осознанно назначать и проводить экспертное исследование, необходимо четко представлять себе, с какой целью оно проводится и какие задачи решает. Экспертные задачи, стоящие перед лингвистической экспертизой, можно разделить на следующие группы:

1. Среди основных задач, разрешаемых экспертными исследованиями, на первое место чаще всего ставят **идентификационные** [Россинская 2003, Галяшина 2003, Зинин, Майлис 2002]. Идентификационные задачи формулируются в виде вопросов о тождестве конкретных предметов (субъектов, объектов, явлений и пр.). Заметим, что в рамках фоноскопической экспертизы решаются вопросы идентификации личности по речи, а автороведческая экспертиза устанавливает тождество текстов, идентифицирует автора определенного текста. При назначении лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорблении и других языковых правонарушениях также ставятся идентификационные задачи. При решении идентификационных задач эксперт чаще всего отвечает на вопрос, относятся

ли имеющиеся в тексте различные номинации лица к одному и тому же конкретному лицу, идентифицирует героя текста, исследует такой компонент фрейма языкового правонарушения, как участники ситуации.

2. Классификационные задачи направлены на установление соответствия объекта заранее заданным характеристикам и отнесение его на этом основании к определенному классу. Чаще всего назначение лингвистической экспертизы связано именно с классификацией тех или иных языковых явлений, однако именно в этой сфере возникает больше всего проблем. Начинаются они уже с понятийного аппарата лингвистики и юриспруденции. Для качественного обслуживания лингвистикой юридических потребностей необходимо устранение терминологического разнобоя, который наблюдается, во-первых, в отсутствии коррелирующих юридических и лингвистических терминов, во-вторых, что является следствием первого, в отсутствии единой терминологии, принятой среди лингвистов. К примеру, значимая для юриспруденции оппозиция факт/мнение приобретает в экспертных заключениях самые разные терминологические облики – событие/оценка, сведения/мнения, информация/оценка, утверждение о фактах/оценочное суждение и пр. При решении классификационных задач исследуются такие компоненты фрейма языкового правонарушения, как внутриситуационный, модальный, индикаторы конфликта.

3. Ситуалогические (ситуационные задачи) задачи направлены на исследование коммуникативной ситуации, в которой произошло языковое правонарушение (т.е. внешнеситуационного компонента фрейма), и описываемого текстового события (внутриситуационного компонента фрейма).

4. Диагностические задачи направлены на установление целевого назначения текста, условий его функционирования, причины появления определенных последствий, результатов и пр. Кроме того, решение диагностических задач экспертного лингвистического исследования

представляет собой итоговую лингвистическую (NB!) квалификацию конфликтного текста, при этом важно, чтобы это была именно лингвистическая, а не юридическая квалификация текста. Лингвист не может, к примеру, квалифицировать текст как порочащий или не порочащий, оскорбляющий или не оскорбляющий определенное лицо. При решении диагностических задач исследуется иллокутивный, перлокутивный компоненты фрейма, а также используются данные анализа других компонентов.

Для решения каждого типа экспертных задач, которые решает лингвистическая экспертиза, следует составить примерный перечень вопросов. Как отмечают исследователи, «экспертное задание может быть представлено системой вопросов, опирающихся на «сетку» ключевых понятий, с помощью которых можно описать типовые спорные «текстовые» ситуации. К таким понятиям относятся как лингвистические (факт, сведения и мнения, фактологические и оценочные сведения, коммуникативное намерение автора, языковые способы представления фактов в тексте (номинация и пропозиция), языковые средства обеспечения степени достоверности сведений, утвердительная форма высказывания, позитивная и негативная информация, неприличная форма высказывания, косвенные средства воздействия, актуальное значение, языковая игра, эпатаж, нарушение правил речевого поведения и др.), так и юридические (обвинение, фальсификация, оскорбление, порочащие сведения, честь, достоинство, деловая репутация, моральный вред и др.)» [Кириллова 2003, с 166]. Юристы не обладают необходимым инструментарием для исследования текста, не владеют лингвистической терминологией и, как следствие, не могут правильно сформулировать вопросы, подлежащие разрешению лингвистами-экспертами. Анализ задаваемых лингвистам вопросов позволяет утверждать, что их разнообразие и бессистемность столь велики, что охватывают сферы этики, морали, права, психологии, а иногда вопросы сформулированы так, что не относятся к компетенции какой-либо науки

вообще. Зачастую вопросы, которые ставятся на разрешение эксперта, не учитывают лингвистической специфики объекта исследования, актуализируют юридическое сознание, в котором слово может быть оценено как оскорбительное или неоскорбительное вне зависимости от коммуникативной ситуации и пр. Лингвист-эксперт, отвечая, например, на вопрос об оскорбительности того или иного выражения, вторгается в сферу юриспруденции, поскольку понятия оскорбления в традиционной лингвистике не существует. С другой стороны, когда лингвист начинает рассуждать в экспертном исследовании о пропозициях, модальностях, диктумах и других релевантных для него понятиях, то отсутствие таковых понятий в праве обуславливает непонимание и, соответственно, неприятие экспертного заключения.

Мы полагаем, что необходимо составить как можно более полный (но не закрытый) перечень примерных вопросов, которые, во-первых, находятся в сфере компетенции лингвиста-эксперта, во-вторых, релевантны для разрешения дела по существу, значимы для юристов. Такого рода перечни существуют для любого вида экспертиз, поскольку они очерчивают гносеологические возможности экспертизы и позволяют правоприменителям задавать корректно сформулированные вопросы, лежащие в сфере компетенции эксперта. Наличие перечня примерных вопросов, во-первых, юристам поможет сориентироваться в гносеологических возможностях лингвистической экспертизы, во-вторых, систематизирует лингвистическую деятельность. Если при назначении экспертизы правоприменитель не найдет в списке примерных вопросов, нужный ему вопрос, он может сформулировать его сам. Кроме того, при установлении во время производства экспертизы обстоятельств, имеющих значение для дела, по поводу которых не были поставлены вопросы, эксперт имеет право указать на них в своем заключении в соответствии со ст. 204 УПК и ст. 86 ГПК.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие типовые вопросы, с помощью которых задаются параметры лингвистического экспертного исследования:

- для решения идентификационных задач:

1. Содержит ли текст информацию о конкретном лице?
2. Содержит ли текст информацию о группе лиц, объединенной по этническому (социальному и т.д.) признаку?
3. Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить, что речь идет о конкретном человеке (группе лиц)?

- для решения классификационных задач:

4. Имеется ли в тексте негативная информация о лице (группе лиц)? Каково содержание этой информации?
5. В какой форме – утверждение (сведение), мнение – дана эта информация?
6. Как представлена - эксплицитно или имплицитно - негативная информация в тексте?
7. Имеется ли в тексте негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе?
8. Имеется ли в тексте инвективная лексика?
9. Имеются ли в тексте нарушения норм современного русского языка? Если да, то какие?
10. Какому стилю речи принадлежит текст?
11. В каком жанре написан текст и какое содержание предполагает этот жанр (информирование, комментирование, дискуссия, пропаганда, критика, выражение мнения, высмеивание и пр.)?
12. Какова общая речевая стратегия текста?

- для решения диагностических задач:

13. Каково значение слова (в настоящее время или в определенный исторический период)?

14. Каковы устойчивые ассоциативные связи слова «...»?
15. Допускают ли высказывания неоднозначное восприятие (толкование) с точки зрения их значения?
16. Какова функция кавычек в данном предложении?
17. Какова функция вопросительного знака в предложении?
18. Имеются ли в тексте ссылки на источники информации?
19. Имеются ли в тексте показатели недостоверности информации?
20. Имеются ли в тексте цитаты?
21. Имеются ли в тексте призывы, каково их содержание?
22. Имеются ли в тексте лингвистические признаки агитации?
23. Дословно ли воспроизведены в тексте высказывания? Если нет, то допущены ли искажения смысла при передаче чужой речи? (для ответа на эти вопросы необходим сравнительный материал)?
24. Написан ли текст с индивидуальной манерой изложения и стилем, присущим автору?
25. Каково значение заголовка текста и как оно соотносится с содержанием всего текста?
26. Как влияет на восприятие содержания текста расположение конфликтного текста на газетной полосе, его структура и композиция?
27. Каково коммуникативное намерение автора текста?
28. Имеются ли в тексте приемы языкового манипулирования? Если да, то какие?
29. Построен ли текст в соответствии с речевой стратегией дискредитации? Если да, то какие языковые приемы и тактические речевые ходы свидетельствуют об этом?
30. Какова характеристика слова (предложения, текста в целом) с точки зрения возможности/невозможности быть средством дискредитации?

- для решения ситуалогических задач:

31. Соответствует ли высказывание принятым в обществе правилам поведения?
32. Какая предметная (денотативная) ситуация описывается фразой «...»?

Иные перечни типовых вопросов содержатся в [Памятка ... 2004]; основаниями их классификации являются статьи соответствующих законов.

От правильной постановки вопроса зачастую зависит исход дела: неточная формулировка, употребление юридических понятий как слов естественного языка и прочие причины могут спровоцировать коммуникативную неудачу в юрислингвистической коммуникации. Так, функционирование оскорбления как понятия обыденного сознания отражено и в материалах информационного спора по очерку «Черная вдова», опубликованному в «Комсомольской правде» от 25.02.2002 [Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах 2002, часть 1]. В исковом заявлении по указанному спору встречается обыденное понятие оскорбления. Вопросы, поставленные перед экспертами ответчиком, также актуализируют (и, вполне вероятно, намеренно, поскольку для ответчика это выгодно!) обыденное понятие оскорбления. Проведенное экспертное исследование не находит оскорбления в конфликтном тексте, поскольку в нем действительно не содержится оскорбления в юрислингвистическом (и юридическом) понимании. В такой ситуации конфликтный текст, на наш взгляд, явно реализующий стратегию дискредитации (т.е. могущий квалифицироваться как порочащий честь и достоинство, хотя и не содержащий оскорбительной лексики), выглядит, согласно экспертному заключению, вполне безобидно: *«В тексте статьи «Черная вдова» не содержится слов, словосочетаний и фраз, относящихся к оскорбительной лексике»* [там же, с. 82]; *«Часть информации, содержащейся в публикации, несомненно обидна для А.Ф. Поповой»* [там же, с.84]; *«Таким образом, выражение выпить все соки из кого-нибудь*

негативно характеризует поведение человека, и такая характеристика может восприниматься человеком как обидная для него» [там же, с. 85]. Если бы вопросы, поставленные на разрешение экспертов, были правильными (=юридизированными, апеллирующими к соответствующим юридическим понятиям, а не к понятиям обыденного сознания), то и результаты экспертного исследования были бы другими. Таким образом, та или иная постановка вопроса может принципиально изменить результаты экспертного исследования.

2.1.3. Лексикографический аспект лингвистической экспертизы

Одной проблем в лингвистическом экспертном исследовании, которую эксплицировала для теоретического языкознания практика лингвистической экспертизы, является проблема специальных источников, используемых экспертом, или – шире - проблема исследования инвективной функции языка. Инвективная функция языка, очевидная и бесспорная, не упоминается в академической лингвистике, в лексикографической практике отсутствует само понятие инвективности, не разработана система стилистических помет, отражающих инвективное функционирование слова. Как отмечается в лингвистической литературе, “наличие инвективной функции у любого языка не вызывает никакого сомнения, оно проявляется в факте существования в языке специализированной лексики (типа ДРЯНЬ, СВОЛОЧЬ, УБЛЮДОК), фразеологии, стилистических фигур (типа ВСЯКИЕ ТУТ ИВАНЧУКИ), специфических интонаций, особых моделей организации речевых высказываний и – шире - жанров речи; реализация инвективной функции в речи предполагает наличие в языковом сознании носителей языка специфических речевых фреймов и т.п. Все это в свою очередь предполагает и наличие особого типа языкоречевых **норм** инвективного функционирования языка, до описания которых академическая лингвистика пока не дошла” [Голев 2002б, с.17].

Суды воспринимают словари как наиболее легитимные источники, однако лишь в одном словаре (Русский семантический словарь. М., 1998 г.) имеется тематическая группа слов «Брань, хула». Идея нормативности лексикографического описания, восходящая к традиционным толковым словарям, исключала из словаря собственно инвективную лексику. Большинство словарей, задуманных как нормативные, предписывающих, как *правильно* употреблять слова, не отражают целые пласты лексики, основная функция которой – инвективная. Нормативные словари, являясь инструментом языковой политики и языкового строительства, рекомендуют, предписывают стандарт употребления слова, задают литературную норму, однако, по словам А.Н. Баранова, «для дескриптивных словарей, претендующих на полноту и научность, требование нормативности неприемлемо, поскольку отсекает огромный пласт языковых фактов, подлежащих описанию и научному осмыслению. Идея нормы в научном описании языка приводит и к серьезным издержкам» [Баранов 2001, с. 305].

На сегодняшний день эксперт не имеет другой возможности для обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего – на пометы толкового словаря, однако эти пометы не имеют выходов в юридическую сферу. Лингвист-эксперт опирается в своем исследовании на традиционные лингвистические источники, не предназначенные, по словам Н.Д. Голева, для «выполнения юридической функции», не имеющие «законного права» быть основанием следственных и судебных решений» [Голев 1999, с.45]. Автор словаря в данном отношении слишком волен, пометы в словаре слишком прихотливы и приблизительны, чтобы отвечать требованиям объективности, однозначности, системности, пригодности для принятия правовых решений. Проиллюстрируем сказанное. В экспертизе №1, напечатанной в «Цене слова», выясняется значение слова *вотчина*, дается стилистическая оценка его употребления в контексте конфликтогенной публикации. Опираясь на академические (а следовательно, авторитетные, признанные научным

сообществом) словари, эксперты приходят к выводу, что слово *вотчина* употребляется в значении «территория, место, где кто-либо является полновластным хозяином» – это значение переносное, экспрессивно-эмоционально окрашено, что отражено в стилистической помете (обычно шутливое). Слово *вотчина* не относится к бранной, грубой лексике, а также не именуется действия, понятия, явления, осуждаемые общепринятыми моральными нормами, то есть слово *вотчина* не относится к словам, которые именуют осуждаемые в обществе действия, типа вор, взяточник и под. Соответственно, слово *вотчина* не может быть отнесено к оскорбительным ни в каком контексте» [Цена слова 2002, с.33]. В специализированном словаре, автор которого считает, что «язык публицистики, газеты, располагающий богатейшим фондом лексико-фразеологических, выразительных средств, заслуживает самостоятельного лексикографического описания» [Солганик 2002, с. 3], нами найдено следующее определение слова *вотчина*: 1. На Руси до 18 в.: наследственное земельное владение. 2. *Перен., негат.* Место бесконтрольного хозяйничания кого-л.». Прямое значение данного слова дано без иллюстративного материала, а переносное значение с иллюстрацией, что, согласно замыслу автора, означает актуальность для публицистики только переносного значения. Кроме того, при данном слове присутствует помета «негативнооценочное»; вряд ли можно утверждать, что она является функциональным эквивалентом помет «бранное» или «грубое», но, по крайней мере, наличие этой пометы означает, что данное слово может именовать понятие, осуждаемое общепринятыми моральными нормами. Кстати говоря, автор словаря, осознавая, насколько важна в публицистике «оценочная окраска слова, тесно связанная с ее политическим, идеологическим содержанием и во многом регулирующая употребление слова» [Солганик 2002, с.6], выделяет в качестве наиболее важных в Словаре помет две – «позитивнооценочное» и «негативнооценочное». Ни в коей мере не оспаривая выводов экспертов, мы лишь хотим указать на небесспорность опоры на обычные толковые

словари при проведении экспертного исследования. Очевидно, что потенциал инвективного функционирования имеется и у стилистически немаркированной лексики. К примеру, возможность инвективного функционирования слова «козел» не отражена в Словаре русского языка С.И. Ожегова, на который, как показывает практика, наиболее часто ссылаются эксперты. В лексикографической практике отсутствует само понятие инвективности, не разработана система стилистических помет, отражающих инвективное функционирование слова. В экспертной деятельности уже складывается порочная традиция отождествлять в качестве функциональных эквивалентов юридическое по своей сути понятие «оскорбительное слово» и лексикографические пометы «бранное», «презрительное», «разговорное», которые используются в толковых словарях и предназначены отнюдь не для решения экспертных задач.

Это предполагает развитие лексикографии, в частности, разработку специальных юрислингвистических словарей, в которых отражается как можно более полно потенциал инвективного функционирования языка. Такого рода словари должны составляться с учетом проекций на юридически значимые обстоятельства употребления того или иного слова (к примеру, должна быть разработана новая система стилистических помет, отражающая градацию инвективности). Непрерывность и аморфность значений слов естественного языка входит в противоречие с требованиями точности и ясности, являющимися принципиальной установкой юристов в отношении языка. Для юристов ценность лингвистического анализа конфликтного текста прежде всего состоит в том, что лингвист – эксперт нацелен в своем исследовании «поймать» дискретность в непрерывности языковых значений, что отвечает юридическим презумпциям. Учет интересов лингвистики и юриспруденции достаточно сложен, и эта сложность обусловлена объективным противоречием перевода на юридический язык естественного текста-первоисточника: лингвистика предполагает бесконечную глубину анализа, юриспруденция же требует жестко ограниченных оснований,

необходимых для вынесения правовых решений. Юридической ментальности соответствует, например, ссылка на значение слова «заложник» во внесудебной экспертизе, взятая из авторитетного словаря и имеющая юридические проекции. Так, анализируя фразу конфликтного текста *«Причем руководство ОАО «Восток» не предупредило об ограничении подачи тепла ни администрацию района, ни предприятие жилищно-коммунального хозяйства. Жители поселка стали заложниками действий администрации акционерного общества»*, эксперты приходят к выводу, что «негативная информация выражена в форме утверждения об аморальном и асоциальном поведении руководителей ОАО «Восток», нарушении ими действующего законодательства.

«Заложник – тот, кто насильственно задержан кем.- н. в обеспечение требований задержавшего» (В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. Русский толковый словарь. М., Русский язык, 1998, стр. 171).

Таким образом, утверждение о том, что жители стали заложниками действий администрации ОАО, равнозначно обвинению руководства ОАО «Восток» в экстремистских действиях, что подпадает под признаки уголовно наказуемого деяния, что может быть квалифицировано как обвинение в подготовке преступления» [Памятка ... 2004, с. 92]. Однако узусальное значение этого слова в данном контексте иное, и оно зафиксировано с пометой «переносное» в [Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения 2002.]:

“Заложник, -а, м. – 1. Тот, кто захвачен бандитами, террористами и т.п. и насильственно удерживается с целью обеспечения выполнения каких-л. требований.

2. Перен. Тот, кто находится в полной зависимости от кого-л., чего-л. “Административная система шаг за шагом реализует собственную программу, делая нас всех своими заложниками” (1991)”. (О наличии иллюстративного материала только к одному значению в указанном словаре см. выше).

При решении вопроса о том, является ли слово оскорбительным, опора на обычные лингвистические источники вряд ли может быть бесспорной. Например, в заключении эксперта от 17 декабря 2002 года (эксперт Балаш М.А.) эксперт при ответе на вопрос: *«Будут ли являться слова «анонимка, анонимные письма» оскорбительными?»* приходит к выводу, что слово *«анонимка»* имеет значение *«письмо без автора, содержащее отрицательную, негативную информацию»* и является оскорбительным, в то же время *«значение словосочетания «анонимные письма», определяемое как «письма без подписи автора», компонента оскорбительности не содержит и, значит, оскорбительным не является»* [эксперт Балаш М.А., картотека Лаборатории юрислингвистики и развития речи].

Следует также отметить, что понятие оскорбления нередко функционирует в сознании участников судебного разбирательства, а зачастую и в сознании лингвистов-экспертов как обыденное, не имеющее юридически значимых (легитимных, установленных в законе) признаков. В соответствии со статьей 130 Уголовного кодекса Российской Федерации *«оскорбление есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»*. Согласно *«Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы»* под оскорблением понимается *«выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности, унижающая честь и достоинство этой личности»* [Памятка 2004, с. 30]. Приведенный выше пример, на наш взгляд, иллюстрирует обыденное понимание оскорбления, поскольку ни юридических, ни лингвистических оснований для квалификации слова *«анонимка»* как оскорбительного нет: во-первых, отсутствует неприличная форма, во-вторых, слово *«анонимка»* не содержит оценку личности (в отличие от *«анонимщик»*, например), в-третьих, происходит прямое отождествление словарных помет (в случае со словом *«анонимка»* - *«разговорное, неодобрительное»* [Ожегов, Шведова 2002]) с юридическим понятием.

Все это предполагает развитие лексикографии, в частности, разработку специальных юрислингвистических словарей, в которых будет отражен как можно более полно потенциал инвективного функционирования языка. Такого рода словари должны составляться с учетом проекций на юридически значимые обстоятельства употребления того или иного слова. В отличие от нормативных словарей это должны быть словари, специально предназначенные для решения экспертных задач. По словам А.А. Смирнова, «если лингвистическая экспертиза будет продолжать развиваться, отсутствие сертифицированных в ее интересах словарей будет представлять все более и более болезненную проблему. Дело в том, что, являясь представителями гуманитарного знания, юристы тем не менее привыкли, что экспертизы проводятся по правилам, которые приняты не среди гуманитариев, а в точных науках. Юристы значительно ближе, чем лингвисты, знакомы с принципами метрологии (теории измерений) и математической статистики. Поэтому первый вопрос, который возникает у них при чтении экспертного исследования, обычно касается степени надежности (реже валидности) полученных экспертом выводов, причем в количественном выражении; второй вопрос – после более внимательного чтения – будет связан со степенью надежности использованного экспертом инструментария, а именно грамматик и словарей. Ответа на этот вопрос у лингвистов нет» [Смирнов 2003, textology.ru].

Юридическое бытие слова задает особый «способ дозволенных (=приемлемых для юридической практики) интерпретаций» лексических единиц конфликтного текста. Словарь инвективной лексики с системой новых лексикографических помет, релевантных для юридической практики, указывающий «способы дозволенных интерпретаций текстовых единиц», представляет необходимое условие осуществления легитимной экспертной лингвистической деятельности. Для экспертной практики необходимой и достаточной может быть признана двухуровневая шкала инвективной лексики: «негативнооценочное – оскорбительное», что может

проецироваться на юридические понятия «порочащее – оскорбительное». Представляется, что в таком словаре должны отражаться группы инвективной лексики. Наивно рассчитывать, что возможно составить исчерпывающий список инвективной лексики, поскольку возможно инвективное функционирование любого слова. При использовании словаря в экспертной практике может быть применен принцип аналогии при отнесении слова, не зафиксированного в словаре, к той или иной группе слов (в юриспруденции, кстати говоря, широко используются понятия аналогии права и закона).

Иными словами, речь идет о создании принципиально нового словаря инвективной лексики. Среди различных классов инвектив можно выделить интеллект-инвективы (глупец, болван, дурак), социоморальные инвективы (подлец, мерзавец, хам), визуал-инвективы (страшила, уродина), полит-инвективы (расист, обструкционист), национал-инвективы (чурки, хачики, жида, черные), профессионал-инвективы (мясник, палач, коновал, свинопас), зоо-инвективы (баран, осел, свинья), секс-инвективы (голубой), жаргон-инвективы (вертухай, петух) эвфемизм-инвективы (девушка легкого поведения), каламбур-инвективы (дерьмократы, съездюки), мат-инвективы, инвективы-сравнения с историческими одиозными личностями и литературными персонажами и пр., инвективы-действия, негативно характеризующие поступки инвектума (скоммуниздить, прихватизировать) и пр. В качестве иллюстративного материала для такого словаря необходимо использовать конфликтогенные тексты. Кроме того, думается, что в юрислингвистическом экспертном словаре должны быть отражены инвективные ассоциативные связи слов, которые не имеют прямой инвективной семантики, но актуализирующие негативный смысл в определенном контексте (некий, какой-то и пр.).

В.И.Карасик, полагая, что источником моральных противоречий в языке является различие статусов типичных языковых личностей, отмечает, что «пейоративный словник языка включает единицы разных типов и не

может быть целиком приписан усредненной языковой личности. Люди, для которых инвективными являются, например, слова “фраер” и “фифа”, не используют в качестве оскорблений слова “дилетант” и “конформист”... Соответственно могут быть выделены и моральные нормы разных типов личности в едином языке”[Карасик 2002, с. 237]. Такое понимание соответствует лингвистической ментальности, но для обслуживания потребностей юридической практики, видимо, должен быть описан инвективный потенциал языка без дифференциации по типам языковых личностей. Языковая личность путем инициирования юридического вмешательства или путем отказа от такой инициативы делает свой выбор.

Итак, практика лингвистических экспертиз позволяет поставить фундаментальные вопросы о вербальной инвективности как форме проявления речевой агрессии, о необходимости ее правового ограничения. Вопрос о необходимости специальных лексикографических исследований, посвященных инвективности как феномену естественного языка, подлежащему юридической регламентации, - это один из насущных вопросов лингвистической экспертизы.

2.2 Параметры исследования конфликтного текста, вовлеченного в юридическую практику

Лингвистическая конфликтология исследует конфликт в аспекте факторов и средств его порождения, предлагает модели гармонизирующего речевого поведения в конфликтных ситуациях, юрислингвистику интересуют такие стороны конфликта, которые могут входить в сферу юридической практики. Так, в лингвистической конфликтологии разработана на основе типа взаимодействия между коммуникантами типология речевых стратегий [Третьякова 2003]. Выделяются стратегии кооперации (стратегии вежливости, искренности, доверия, сотрудничества, компромисса и др.) и конфронтации (стратегии дискредитации, подчинения, насилия, агрессии, разоблачения, соперничества и др.). Юрислингвистику интересует вторая группа речевых стратегий, поскольку именно тексты, в которых воплощены стратегии конфронтации, содержат состав языковых правонарушений. Стратегия дискредитации, как отмечает В.С. Третьякова, оценивая ее по перлокутивному эффекту, состоящему в умалении достоинств адресата, его оскорблении, осмеянии, наиболее заметная в группе конфликтных стратегий. Описание стратегии дискредитации, предложенное В.С. Третьяковой, хорошо проецируется на языковые правонарушения, с которыми имеет дело юрислингвистика: «Стратегия дискредитации определяется первостепенной целью общения. Эта цель – воздействие на адресата. В качестве одной из коммуникативных задач субъект речи видит унижение и осмеяние партнера с последующей корректировкой мнения, изменения модели мира у явного (при непосредственном контакте) или гипотетического (например, читателя) наблюдателя. В рамках данной стратегии применяется обнародование каких-либо негативных фактов, мнений, аргументов, прямо или косвенно сигнализирующих о негативных

оценках адресата. Такие речевые действия наиболее часто используются в политическом дискурсе. Они рассчитаны на воздействие на публику через информирование ее об отрицательных качествах, оценках человека для понижения его авторитета, подрыва доверия к нему. Для реализации данной стратегии избираются исключительно негативные речевые действия, такие как оскорбление, издевка, насмешка, обвинение. Цель этих действий – обидеть, унижить человека, выставить его в смешном виде. Дискредитировать человека в глазах наблюдателя и задеть чувства самого адресата – вот две коммуникативные задачи, выполнение которых определяет успех стратегии дискредитации» [Третьякова 2003, с. 94-95].

Качество конфликтности присуще всем текстам, ставшим предметом лингвистической экспертизы. Какие же средства создания конфликта юридизируются?

Лингвистическая экспертиза конфликтных текстов, будучи прикладным лингвистическим исследованием, обслуживает потребности юридической практики, извлекая из лингвистического предмета – текста – знаки его возможного юридического бытия. В этом смысле экспертное исследование, будучи способом доказывания, по словам А.С. Александрова, «преобразовывает факты текстовые в юридические; делает юридические факты <...> Техники доказывания сводятся к производству и оперированию знаками. Они включают в себя также приемы и способы дозволенных интерпретаций знаков. Это прочтение реальности через очки юридического языка...» [Александров 2001, с.480].

На материале лингвистических экспертиз рассмотрим, какие *текстовые единицы и способы их дозволенных интерпретаций*, по результатам проведенных лингвистических исследований, являются релевантными для юридической практики, т.е. выделим средства юридизации текста, параметры его исследования в юрислингвистическом аспекте. Языковые средства юридизируются в зависимости от того, обладают ли они доказательственной силой по отношению к какому-либо

элементу состава правонарушения. Вектор юридизации языковых средств задается вопросами, предлагаемыми для исследования эксперту, которые в свою очередь предопределены информационной моделью соответствующего правонарушения (составом правонарушения). Итак, возможное юридическое бытие конфликтного текста обусловлено наличием в нем таких составляющих, которые могут быть спроецированы на элементы состава языкового правонарушения, прежде всего на субъект (автора текста, издателя, адресанта), объект (адресат, герой конфликтного текста, личные неимущественные права которого ущемлены), объективную сторону правонарушения (собственно конфликтный текст=языковое правонарушение) и субъективную сторону правонарушения (дискредитирующая интенция адресата).

2.2.1. Номинации в конфликтном тексте

Исследование номинаций в конфликтном тексте дает информацию о таком компоненте языкового правонарушения, как участники ситуации. В-первых, юридизируются номинации героя (одного из адресатов) спорной публикации. Если нельзя идентифицировать участников конфликта, то и сам конфликт не может существовать *de jure*. Лицо, считающее, что конфликтогенный текст является порочащим его, оскорбляющим и т.п., должно быть легко идентифицируемо, узнаваемо. К примеру, в экспертном заключении по статье «Мы делили апельсин...» эксперт указывает: *«Текст не содержит информации ни об одном конкретном жильце, честь и достоинство которых отстаивают в суде истцы. Речь идет о неопределенной и нерасчлененной группе лиц. Имена и фамилии жильцов (в том числе истцов) в статье не называются. Более того, автор сознательно избегает конкретизации персонажей своей статьи, о чем свидетельствует инициальное анонимное обозначение жильца («мадам К.»), однократное использованное в тексте статьи»* (см. экспертизу 1 в [Юрислингвистика

2002]). Другой пример юрислингвистического значения номинации. В результате проведенного лингвистического исследования фразы «*Россия может почувствовать неудобство из-за проявления самого яркого национализма на границе с Китаем. Именно поэтому и возник вопрос об объединении Алтайского края с Республикой Алтай*» эксперт пришел к выводу о невозможности идентификации носителя признака «национализм», следствием чего может быть деюридизация указанной фразы [Экспертиза Голева Н.Д., lexis-asu.narod.ru].

Другой аспект юридизации имени связан с тем, что имя человека является одним из его личных неимущественных прав, которые подлежат защите. Кроме того, что имя героя публикации позволяет его идентифицировать, номинация может являться также языковым знаком конфликта. Имя собственное в таких случаях, кроме функции называния объекта, начинает выполнять функцию приписывания объекту каких-либо свойств, качеств, характеристик. Так, искажение имени *Амангельды* (=Аман Тулеев) и употребление «говорящей» номинации *Обмангельды* (в статье «Волк и красная шапочка», опубликованной в газете «Московский комсомолец» от 23 сентября 1996 г.), с одной стороны, позволяет идентифицировать героя публикации, с другой, является инвективным (см экспертное заключение 7 (40) в [Информационные споры: как в них победить? 2002]).

Оба аспекта юридизации номинаций героя публикации содержатся в экспертном заключении Н.И. Дорониной [Доронина, lexis-asu.narod.ru]. Вектор юридизации номинаций задается с помощью двух вопросов:

1. Можно ли в ходе исследования материалов о деятельности «Л. Доширака» («Доширак») безошибочно конкретизировать, кто подразумевается под этим именем?
2. Можно ли утверждать, что употребление имени «Л. Доширак» вместо реального имени вполне конкретного лица является оскорбительным для последнего?

Путем контекстного анализа употребления номинации *Л. Доширак* в ряде публикаций эксперт решает идентификационную задачу и устанавливает подлинное имя лица, о котором идет речь в конфликтных текстах. Кроме того, дается квалификация употребления прозвища *Л. Доширак* вместо реального имени политика как оскорбительного: «Никакой художественной и эстетической нагрузки имя *Л. Доширак* не несет, употребляется оно с целью унижения, оскорбления *М.И. Лапшина* путем обыгрывания его фамилии... Инвективность (оскорбительность) создается путем присвоения лицу прозвища на основе ассоциативного сближения его фамилии (актуализация внутренней формы слова – *Лапшин*) с названием торговой марки продукта (*лапша «Доширак»*). Само слово «*Доширак*» не является экспрессивно маркированным, однако использование его в качестве прозвища в данном случае является оскорбительным. Инвективность обусловлена также тем, что прозвища реальных людей в российской языковой и культурной среде в настоящее время функционируют только в условиях неформальной, бытовой коммуникации, а вынесение их в сферу массовой коммуникации, особенно в информационно-аналитические сообщения, всегда маркированно: прозвище употребляется либо с целью обозначить принадлежность человека к преступному миру (например: *Япончик*), либо выразить к человеку отношение, как правило, негативное. Употребление прозвища *Л. Доширак* часто осложняется рядом лексических единиц (такими, как *некто, мистер, господин*) с негативным оценочным компонентом, получаемым последними в контексте статей (устойчивая негативная коннотация номинаций *мистер, господин (госпожа)* последовательно проявляется в их употреблении исключительно к лицам, критикуемым и / или вызывающим неприятие у авторов газеты)» [Экспертиза Дорониной Н.И., lexis-asu.narod.ru].

В лингвистическом экспертном исследовании зачастую анализируются ряды номинаций. Н.В. Муравьева, говоря о роли наименований в текстах СМИ подчеркивает, что «...цепочки наименований

могут создавать дополнительные смысловые и стилистические эффекты. Более того, наименования предметов могут подсказать адресату правильное понимание *авторской концепции*. Состав цепочки наименований в газетном тексте может показывать расстановку героев в тексте, а это помогает читателю точно уловить необходимые акценты в содержании» [Муравьева, 2002, с. 115]. Ср. результаты лингвистического исследования конфликтного текста «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» Губаевой Т.В.: «В спорном тексте используются определенные средства речевого воздействия, направленные на формирование негативного мнения читателей о С.Ю. Гаркавом (средства риторической аргументации). Сюда относятся:

выбор эмоционально окрашенного словесного обозначения одного и того же лица – С.Гаркавого – по принципу резкого контраста положительного и отрицательного образа (*американский принц, известный стилист, работающий и живущий в США; интеллигентный «солнечный мальчик», соответствующий мечте, чтобы отцом чада стал человек достойный – и он же далее изображен как недостойный во всех отношениях: пытался отобрать ребенка любой ценой, заразил вирусом, который в России не встречается; настоящее чудовище, у которого интимные отношения с женщинами не складываются и т.п.)...*» [Приложение 3, текст10].

В.П. Белянин, исследуя имена собственные политиков, номинации и атрибуции политических движений, описывает такие приемы, как искажение фамилии, игра на ассоциациях и намеках, использование эвфемизмов, контраста, наклеивание ярлыков и прочие варианты «игры на понижение» [Белянин 2001]. Интересны в связи с этим комментарии В.П. Белянина к той или иной номинации, временами переходящие в попытки юридической квалификации. Ср: «*БАБ* (вместо Березовский Борис Абрамович) напоминает начало русского слова «баба», что в отношении мужчины является **оскорблением**. *Эль-Цин* (вместо Ельцин) напоминает нерусскую фамилию. В отношении президента России любые ассоциации такого рода могут быть **оскорбительны**. *От президента вкладчики получают формальные отписки*

за подписью зама –то ли Абрамыча, то ли Абрамовича. В этом примере фамилия известного коммерсанта (Абрамович с ударением на 3-й слог) нарочно путается с отчеством Абрамович (с ударением на 2-й слог, а в его краткой разговорной форме звучащего как «Абрамыч»), чем автор намекает на его национальность, что в контексте банковских проблем, скорее всего, вызовет лишь негативную реакцию у читателя. **(По сути дела, это разжигание национальной розни)**» (здесь и выше выделено мной - О.М.) [Белянин 2001]. Как отмечают исследователи, «обыгрывание собственных имен политиков ... выходит за рамки языковой игры в область политтехнологий, поскольку прозвища политиков в языке СМИ не нейтральны, а оценочны. Причем очень редки прозвища , возвышающие образ человека (Геракл – о В. Геращенко). В основном в публицистическом узусе преобладают обидные номинации политиков, построенные на звуковом сходстве с социально низкими понятиями (БАБ, Капээсня и др.), несущие определенную отрицательную коннотацию, соотносимую с соответствующими фоновыми знаниями российского общества. Таким образом, языковая игра в ономастике становится мощным оценочным механизмом, управляющим общественным сознанием» [Клушина 2003, с.287].

Номинации адресанта текста также могут иметь определенное значение в создании конфликтного смысла. Ср., например, псевдоним *Александр Правдин*, которым регулярно подписывались конфликтные тексты в газете «Московский комсомолец на Алтае» в период 2000-2002 годов (о юридизации этой номинации см.[Доронина 2002]).

2.2.2. Событийная и оценочная информация

Следующий аспект юридизации текста – вид представленной в тексте информации (событийная /оценочная), соответствующий в

смоделированной нами схеме лингвистического экспертного исследования внутриситуационному и модальному компонентам языкового правонарушения. Юридизация событийной и оценочной информации предопределяется следующими факторами. Событийная информация может быть подвергнута верификации, поскольку в соответствии с законом о защите чести, достоинства и деловой репутации порочащей может признаваться только такая информация, которая не соответствует действительности. Оценочная же информация, представляющая собой субъективную истину, не верифицируется, поэтому неподсудна, если выражена корректно.

В конфликтных текстах, ставших предметом судебного разбирательства, всегда присутствует событийная и оценочная информация, которые зачастую переплетены самым причудливым образом²⁴, и отделить в конфликтном тексте событийную и оценочную информацию – это первостепенная задача любого экспертного исследования по текстам, содержащим состав языкового правонарушения.

В этой связи пристального внимания требуют модусы²⁵ конфликтного текста. К примеру, фраза *«По сведениям из краевой администрации, Владимир Коновалов будет снят с должности гендиректора «Алтайэнерго». В вину руководству предприятия якобы вменяются <...> отношения с некоторыми чеченскими фирмами»* содержит только событийную информацию, и употребление слова *«якобы»*, согласно экспертному исследованию, не снимает утвердительности высказывания, не переводит предложения с утверждениями о фактах в разряд предложений с высказанными мнениями (Приложение 1, экспертиза 1). Другой пример.

²⁴ Ср. также: «Скрещение истинностной и этической оценок происходит практически всегда, когда речь идет о поведении людей и событиях их жизни. Текст человеческой жизни выстраивается по принципу судебного разбирательства, требующего верификации суждений о совершении поступков и их квалификации» [Арутюнова 1999, с. 573].

²⁵ Их значение для юридизации конфликтного текста заключается, к примеру, и в том, что «распространенные в СМИ оговорки типа «по слухам», «говорят», «будто бы», «из компетентных источников» и т.п. не входят в приведенный в ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой

Фраза *«Его /Лапкина / можно встретить в образе убогого старца, из кармана которого всегда торчит мобильный телефон»* не подлежит верификации, поскольку не содержит утверждения о том, что Лапкин – убогий старец и что он имеет мобильный телефон. Цель данной фразы состоит в передаче противоречивого представления о Лапкине, в создании его двойственного образа (с одной стороны, он публично представляет себя крайне бедным, с другой, - имеет мобильный телефон), в эмоциональном воздействии на зрителя. Речь здесь идет об образе Лапкина, а не о реальном человеке, и ключевым словом для понимания данной фразы является слово *образ*. Анализируемая фраза не содержит утверждения о лице. Автор рисует образ и пытается с помощью художественного приема – иронии - передать свое негативное отношение к нему [Приложение1, экспертиза 2].

Способом вуалирования распространения порочащих сведений, согласно экспертной практике, является синтаксическая форма вопросительного предложения, когда формально эксплицированная целевая установка на получение информации содержательно имплицитно в рамках стратегии дискредитации сообщения информации. Ср., например, вопросы ²⁶ одного из кандидатов на должность главы администрации Алтайского края другому:

«Правда ли, что Ваш сын является исполняющим обязанности прокурора Центрального района и, таким образом, курирует деятельность основных органов власти края, а значит, покрывает все нарушения в этой деятельности?»

Правда ли, что Алтайский край находится на втором месте в России по числу дотаций из федерального бюджета, а за это половина от этих многомиллиардных сумм уходит в Москву в виде взяток?»

информации» перечень оснований для освобождения журналистов от юридической ответственности за то, «как наше слово отзовется» [СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования, 2003, с. 45].

²⁶ Примечательно, что вопросы первоначально были подготовлены для встречи кандидатов в губернаторы в прямом эфире. Получив мотивированный отказ в участии в передаче, Семенов В.О. опубликовал указанные вопросы в газете «Маркер-эксперсс». Думается, что получить ответ на них не было приоритетной задачей Семенова В.О.

Правда ли, что в народе Вам дали криминальное прозвище «волкодав» и это произошло потому, что Вы запугали руководителей всех уровней: они вынуждены работать на Ваш третий срок вместо исполнения прямых обязанностей?» и пр.

Экспертное исследование представленного материала показало, что «текст выступления представляет собой реализацию недобросовестных PR-технологий, состоящих в избрании стратегии дискредитации противника через него заведомое очернение в качестве основного приема воздействия. С помощью приемов языковой манипуляции происходит целенаправленное воздействие на избирателей для создания негативного образа Сурикова А.А. и позитивного образа Семенова В.О. Вопросы, сформулированные Семеновым В.О., по сути являются утверждениями, представляющими собой непроверенные и бездоказательственные сведения о предполагаемой противоправной деятельности Сурикова и его окружения. Вопросы составлены таким образом, что вынуждают отвечающего выбирать один из двух запрограммированных вариантов ответа, каждый из которых – заведомо не в пользу отвечающего. Будучи намеренно некорректно сформулированными, вопросы по смыслу являются обвинениями, не подкрепленными доказательной базой, искажают реальную действительность в представлении избирателя и тем самым способствуют подрыву деловой репутации кандидата на должность главы администрации Алтайского края Сурикова А.А. Текст выступления создает конфликтную ситуацию, которая может привести к судебному разбирательству» [экспертиза Чернышовой Т.В., Матвеевой О.Н., картотека Лаборатории юрислингвистики и развития речи].

При исследовании фактической информации конфликтного текста следует учитывать, что изначально потенциал конфликта заложен в самом языке, в механизмах вариативной интерпретации действительности: «С помощью языка человек получает возможность осмыслять недискретную действительность, интерпретируя ее в дискретных терминах языковых

категорий. Происходит и другой процесс (в каком –то смысле обратный процессу интерпретации) – недискретный многомерный мир смысла преобразуется в развернутую по временной оси дискретную последовательность языковых выражений» [Баранов, с.214]. Сам отбор фактической информации уже оценочен²⁷. Потери и искажения ее при этом неизбежны, что само по себе может привести к конфликту. Тексты, вовлеченные в сферу юридической практики в связи с так называемыми языковыми правонарушениями, аксиологичны по своей сути. Помимо собственно аксиологических высказываний, сообщения о фактах конструируются таким образом, что «работают» на стратегию дискредитации. В таких аксиологически ориентированных текстах, по словам Н.Д. Арутюновой, «любые утверждения, даже сообщения о фактах, приобретают аксиологическую маркированность, поляризуются²⁸» [Арутюнова 1999, с. 197]. Приведем случай юридикации отбора фактической информации, представленный в заключении эксперта по уголовному делу: *“Особый ход в тактике эксплицитной негативной характеристики личности – так называемое аннулирующее преобразование. Оно состоит в исключении из описания некоторой части положения дел. Наиболее частые случаи этого преобразования - умолчание и полуправда. В седьмом фрагменте текста вводится информация о том, что против С. Левченко было возбуждено уголовное дело 5642 по факту незаконного предпринимательства. Указания на номер дела подчеркивает установку автора на достоверность. Далее сообщается, что С. Левченко «прятал от следствия документы и не являлся по повестке на допросы следователя». На*

²⁷ Ср. также: «Можно полагать, что между действительной, реальной ситуацией и отражающим эту действительность высказыванием (результатом речевых действий) находится некий промежуточный этап – этап *членения ситуации для специфических целей*» (курсив наш – О.М.) [Шахнарович, Юрьева 1990, с.21] - цитируется по [Красных 2003,с.125].

²⁸ Ср. также: «Внутренний мир и мышление человека имеет свою стабилизированную социальную аудиторию <...> Значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико. В сущности слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется тем, чье оно и тем, для кого оно. Слово является именно продуктом взаимоотношений говорящего со СЛУШАЮЩИМ. Всякое слово выражает «одного» в отношении к «другому». В слове я оформляю себя с точки зрения другого, в конечном счете, себя с точки зрения коллектива. Слово – мост, перекинутый между мной и другим. Если одним концом он опирается на

основании этого делается вывод: «...основными вашими нравственными категориями являются безответственность и трусость». При этом в тексте отсутствует главная информация, которая могла бы позволить объективно оценить описанное поведение, - информация о результатах расследования. Признан С. Левченко виновным по суду? Читателю об этом не сообщается» [Приложение 3, текст 2].

Экспертное исследование собственно оценочных высказываний имеет большое значение для юридизации конфликтного текста. Лингвистическая квалификация нормативности или ненормативности оценок может иметь несколько вариантов последствий. Юридический подход предполагает правомерность в силу действия принципа свободы слова существования оценки, если она выражена нормативными языковыми средствами (заметим, что с лингвистической точки зрения норма является ограничивающим фактором); если же оценочные языковые средства конфликтного текста противоречат литературной норме, то скорее всего имеет место злоупотребление свободой слова, т.е. языко-правовой конфликт. Еще одно лингвоюридическое значение оценочной информации конфликтного текста в том, что она позволяет эксплицировать некоторые интенции адресанта, что, на наш взгляд, принципиально важно для исследования конфликтных текстов. Оценка связывается в научных исследованиях не только с фактором адресанта, выражающего свои мнения, предпочтения, вкусы, но, может быть, даже в большей степени с фактором адресата (см. [Арутюнова 1999; Романов 2000; Ушакова, Латынов 1995] и др.), оказывая на него воздействие в плане выбора того или иного варианта поведения, формирования предпочтений и т.д. Н.В. Муравьева называет в качестве одного из стилевых принципов современных СМИ принцип ударной оценочности, который состоит в использовании любых доступных говорящему на русском языке средств прямой и косвенной оценки (разговорных слов, сниженной лексики, традиционных изобразительных

средств, прецедентных текстов, окказионализмов и пр.). При этом основной конструктивный принцип речевого поведения обусловлен иерархией коммуникативных целей и доминантой коммуникативного поведения: в случае избрания в качестве основного принципа ударной оценочности главной целью общения становится влияние на адресата – агитация, манипуляция и пр. (доминанта коммуникативного поведения - на адресате) [Муравьева 2002]. Интенциональность – характерная черта речевого конфликта, и извлечена интенция автора может быть только из текста. Ср.: «Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон *в ущерб* другой *сознательно* (курсив наш - О.М.) и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п.» [Третьякова 2002, с.52]. Для лингвистической экспертизы наличие в тексте оценок означает возможность экспликации интенции адресанта. Ср.: «Всесторонняя прагматическая обусловленность употребления оценочных предикатов оборачивается их семантической опустошенностью. Образовавшийся смысловой вакуум заполняется теми или другими дескриптивными признаками или значениями, выявляющими коммуникативные намерения говорящего (курсив мой - О.М.)» [Арутюнова 1988, с.7].

Н.Д. Арутюнова подчеркивает активную обращенность оценочных предикатов на адресата речи, одним из главных назначений ценностных суждений видит в оказании влияния: «Оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Оно воспитывает нормы поведения. Его интерпретация, таким образом, включает и фактор адресата и коммуникативную цель конкретного речевого акта» [Арутюнова 1988, с. 6]. Через оценивание (пейоративное для противоположной стороны и мелиоративное для себя и своих сторонников) реализуется интенция

адресанта дискредитировать противника и апологизировать свою сторону [Романов 2000; Ушакова, Латынов 1995].

Таким образом, лингвистическое исследование оценочной информации (=мнения) в конфликтогенном тексте может быть релевантным для выяснения юридически значимых обстоятельств.

Следует также отметить, что тексты, ставшие предметом лингвистической экспертизы, - в большинстве своем тексты публицистические, и оценка, экспрессия, которую они содержат, естественна, она не может быть полностью исключена из публицистики, следовательно, вопрос заключается в неких нормативных ориентирах оценки. Для лингвистической экспертизы это оборачивается вопросами об оскорбительности, негативной оценочности тех или иных выражений и пр.

В этой связи неоднозначно решается вопрос о жанре спорной публикации. Освобождает ли журналиста от ответственности использование жанра фельетона, памфлета, пародии, сатирического комментария и т.п., в которых реализуется стратегия дискредитации? Другими словами, подлежит ли юридикации в значительной мере условный мир художественно-публицистического произведения, порочащего и оскорбляющего определенное лицо? Если да, то при каких условиях (не должны ли быть, например, использованы вымышленные имена и т.п.)? Практика лингвистической экспертизы не дает однозначного ответа на этот вопрос. К примеру, очерк *«Осенний призыв: «Кандидаты вперед!»* выполнен, согласно экспертному заключению (см. материалы информационного спора рубрики *«Слово – не воробей»* // Взгляд 2003), в жанре сатирического комментария и не имеет «словесных конструкций, содержащих сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию» истца. Не затрагивая проблемы правомерности ответа эксперта на вопрос о порочащих сведениях, отметим, что в статье, действительно, нет оскорбительной лексики, однако прослеживается стратегия дискредитации истца. Журналист мастерски избегает зон риска, имплицитно реализуя стратегию дискредитации истца.

Тем не менее это не означает, что невозможно эксплицировать интенции адресанта и доказать наличие воплощенной в тексте стратегии дискредитации. В этом отношении интересны также два экспертных заключения по поводу авторской передачи С. Доренко на ОРТ (экспертиза № 15 в [Цена слова 2002]). В одном из заключений эксперты, абстрагируясь от вопросов жанра, приходят к выводу, что анализируемые ими утверждения *«представляют собой информацию, которая, не будучи подкреплена фактами, может рассматриваться как оскорбляющая честь и достоинство Ю.М. Лужкова»* [Цена слова 2002, с.112]. В другом экспертном заключении эксперты берут за основу лингвостилистического анализа текстов их жанровое своеобразие и приходят к прямо противоположным выводам: линия рассуждений С. Доренко, содержащих конфликтные высказывания, *«является с языковой точки зрения закономерной логикой оглашенных фактов, соответствующей жанру памфлета»* [Цена слова 2002, с. 118]. К последней экспертизе в «Цене слова» имеется редакторский комментарий, в котором указано, что эта экспертиза *«в целом литературоведческая, что странно, так как речь идет о тексте телепередачи, а не о литературоведческом произведении. К тому же, как правило, герои памфлета – лица с вымышленными именами, тогда как в передаче С. Доренко этого не было (ср. классическое произведение – памфлет Дж. Свифта «Путешествие Гулливера», где все персонажи – вымышленные»* [Цена слова 2002, с. 119].

Проблема юридизации жанра спорной публикации во многом сопряжена также с вопросом о юридизации иронии в конфликтных текстах (см. об этом в [Гридина, Третьякова 2002; Доронина 2002; Иссерс 1999; Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004; Цена слова 2002; Шейгал 1999]). О.С. Иссерс отмечает: «Анализ речевой стратегии дискредитации убеждает в том, что средством морального уничтожения политического оппонента являются не столько брань и прямая негативная оценка, сколько приемы когнитивного и семантического плана,

способствующие желательному восприятию политических фактов и фигур. Тактика оскорбления и издевки, кроме интерпретации реалий политической жизни, преследует задачу высмеять, что усиливает эффект дискредитации. Смеясь, человечество расстается не только со своим прошлым, но и со своими иллюзиями. В области политики это имеет весьма существенное значение» [Иссерс 1999, с. 176]. Ср. также: «Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Одним из средств уничтожения в политических дебатах является высмеивание. Смех вообще, по мнению многих теоретиков (например, А. Бергсона), проявляет неосознанное желание унижить противника, а тем самым откорректировать его поведение. Такая направленность осознанно эксплуатировалась в политических дебатах еще со времен Римской империи. Об этом свидетельствуют обличительные речи Цицерона, в которых высмеиваются даже интимные характеристики противника, вообще говоря, не имеющие прямого отношения к политике» [Демьянков 2003, с. 130]. Е.И. Шейгал относит иронию к наименее «жестким» средствам вербальной агрессии [Шейгал 1999].

В.С. Третьякова рассматривает тактику иронии как двужначную, понимая под двужначными тактиками такие, которые «могут быть как кооперативными, так и конфликтными в зависимости от того, какую цель преследует субъект речи и, соответственно, какую стратегию он избрал в качестве основной»²⁹ [Третьякова 2002, с. 98]. В конфликтном тексте СМИ, конфликтном политическом дискурсе тактика иронии одновременно выполняет как функцию кооперации с адресатом, так и функцию дискредитации оппонента. Ср.: «...насмешка – речевой акт, имеющий двоякую иллюкутивную установку. Во-первых, она нацелена на выражение враждебности к кому-либо. Но вместе с тем она сохраняет и

²⁹ Подобным образом Н.А. Лукьянова расценивает иронию в системе мелиоративных и пейоративных оценок. Н.А. Лукьянова, выделяя аллосемы пейоративной оценки, относит к ним среди других *насмешку* и

«кооперативную» функцию, свойственную всякой шутке, которая используется для сохранения *comme il faut* перед третьим лицом – свидетелем конфликта» [Доронина 2002, с.80]. Д.Б. Гудков также объясняет обращение СМИ к средствам создания комического эффекта стремлением к установлению кооперативного контакта с адресатом, который подчеркивается единым фондом знаний, позволяющим, например, использовать прецедентные феномены с их «парольностью», служащей знаками для идентификации «своих» [Гудков 2003]. При этом противоположная сторона конфликта посредством иронии представляется в невыгодном свете – ирония в конфликтном дискурсе, консолидируя «своих», активно «работает» на дискредитацию «чужих». Как отмечает С.В. Доронина, при определении инвектогенности иронии основную роль играют тема речи и условия коммуникативного акта. Ирония приобретает инвективный статус при наличии коммуникативной дистанции (например, разный социальный статус) между адресатом и адресантом, интенциональной установки на дискредитацию адресата, кроме того, предметом иронии должны быть имеющие для адресата большую ценность явления [Доронина 2002].

Существует также иной подход к возможности юридизации иронии, представленный в лингвистической экспертной практике. Ср.: «Может ли ироническое высказывание быть оскорбительным? Нет, не может, так как ирония - это насмешка» [Цена слова 2002, с.200], «Ирония, иронические слова, ироническое словоупотребление – тонкая, скрытая насмешка, слова, выражения, составляющая коннотативный компонент слова (см. коннотация). Заключается в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному. Ирония выявляется на основе контекста или фоновых знаний, исключающих возможность буквального понимания сказанного (написанного). Ирония не может быть предметом судебного разбирательства, так как связана с

восприятием; одно и то же ироническое высказывание разные люди воспринимают по-разному: одни как положительную, добрую иронию, другие – как отрицательную, злую, а третьи вообще не воспринимают ироническую окраску» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004, с. 26]. Однако, как отмечают исследователи и свидетельствует юридическая практика, «рядовые граждане стойко игнорируют совет компетентных специалистов не обижаться на шутки» [Доронина 2002, с. 78]. В.З. Демьянков, исследуя использование иронии в политическом дискурсе, когда адресант «входит в сговор» со слушателем, стремясь исключить из игры своего политического оппонента как не заслуживающего никакого положительного внимания, пишет: «Поскольку высмеивание находится на грани этически допустимого, можно предположить, что в наибольшей степени оскорбительный юмор воспринимается обществом как уместный только в самый критический период; а в «нормальные» периоды такой жанр вряд ли допустим» [Демьянков 2003, с. 130].

Практика лингвистической экспертизы в настоящее время складывается таким образом, что результат воздействия оценивается не по самому воздействию, а по его возможности. Определяющее значение для юридизации иронии, на наш взгляд, имеет интенциональный аспект конфликтного текста и избранная автором дискредитирующая стратегия. В соответствии с дискредитирующей интенцией и в рамках избранной стратегии «на понижение» ирония приобретает инвективные значения, а следовательно, может быть юридизирована. Приведем пример экспертной оценки иронии: «Специальной оговорки требуют фигуры иронии и сниженная разговорная лексика в составе конфликтогенного текста. Функция высказываний с указанными признаками во многом определяется контекстом, компонентами которого являются эти фразы. Ни фигуры иронии (*позволил себе изречь, устраивать стенания, посыпать голову пеплом,*

героически желает, псевдоним Александр Правдин и др.), ни сниженная лексика (обретается в Совете Федерации, коснется своими штанами бархата сенаторского кресла, возражения склепались жульническим образом и др.) сами по себе, возможно, и не обладают оскорбительным смыслом. Однако в контексте целого произведения, написанного в ерническом духе, они его, безусловно, приобретают, «подпитывая» негативное содержание текста дополнительными оттенками» [Доронина 2002, с. 180].

2.2.3. Лексический аспект конфликтного текста

Самые очевидные, на первый взгляд, средства создания конфликта, которые подлежат юридизации (в модели экспертного исследования – индикаторы конфликта), представлены в текстах лексическими единицами. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «истинностная оценка выражается преимущественно грамматически (модальностью), этическая – лексически. Это естественно. Для того чтобы осудить или оправдать, нужно не только установить факт совершения ненормативного поступка, но и его квалифицировать, т.е. подвести под тот или другой вид санкционированных действий. Иначе говоря, ненормативные действия должны быть поименованы. Даже Закон Божий требует, чтобы грехи и преступления были названы» [Арутюнова 1999, с. 572].

Однако очевидность юридизации лексического уровня текста только кажущаяся. Юридизируется в первую очередь инвективная лексика, но сколько–нибудь системное ее описание в лингвистике отсутствует, а это значит, что огромный³⁰ пласт лексики, имеющий особую функциональную предназначенность, не исследован. Так, Е.М. Вольф отмечает, что, «несмотря

³⁰ Ср. высказывание Н.Д. Арутюновой о богатстве инвентаря отступлений от нормы: «Достоверность сообщения, согласованность взглядов собеседников и их добрые намерения принимаются за идеальную норму общения, а норма располагает обычно скудным инвентарем для своего выражения; отклонения же от нормы разнообразны по своим причинам и опасны по своим последствиям. Для их экспликации всегда имеется богатый инвентарь. Лексика всегда более развернута к аномалиям, чем к норме» [Арутюнова 1999, с. 587].

на то что аксиологический оператор имеет два значения “+” и “-“ (“хорошо” и “плохо”), в лингвистических описаниях, как и логико-философских, исследуется обычно лишь положительный оператор (“хорошо”), а отрицательный (“плохо”) остается в тени» [Вольф 1985, с.8].

Под инвективной лексикой понимается «закрывающая в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унизить, обесчестить, опозорить адресата своей речью (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме» [Цена слова 2002, с.330]. Однако лингвистическая квалификация инвективной лексики опирается на традиционные словарные пометы. Сегодня диапазон возможных лингвистических и, как следствие, юридических квалификаций лексики конфликтного текста очень разнообразен – от признания возможным «в каком-то смысле считать, что слово *блядь* <...> не бранное, а свое, «жизненное», находящееся на самой грани просторечной лексики» [Цена слова 2002, с.53] до квалификации выражения *герои капиталистического труда* как оскорбительного, а не просто негативнооценочного в контексте конкретного речевого акта (см. об этом в [Голев 1999а]).

В лингвистической экспертной практике и юридической практике разрешения споров, связанных с языковыми правонарушениями, отсутствуют общепризнанные подходы к интерпретации и квалификации аксиологического аспекта конфликтного текста. В лингвистических исследованиях также нет единого подхода к такого рода явлениям. Например, эксперт, исследуя фразы «*Вы понимаете, что вы ведете себя как человек – просто дрянь*» и «*Ах, ты, дрянь!*», приходит к выводу, что «предложенные для анализа две фразы не являются тождественными и несут разную оценку: фраза №1 («*Вы понимаете, что Вы ведете себя как человек – просто дрянь*») оценивает конкретный поступок, а не личность; в виде предположения, а не утверждения; не содержит указания на умысел

*оскорбить, следовательно, фраза не является оскорбительной, поскольку. не несет негативной информации о лице. Фраза №2 «Ах, ты, дрянь!» оценивает личность как утверждение резко отрицательной оценки, с использованием бранного и (умеренно) неприличного выражения, в эмоционально-экспрессивной форме, с умыслом оскорбления, следовательно, является оскорбительной, так как несет негативную информацию о лице» (экспертиза Н.Б. Лебедевой в [Юрислингвистика-5, с. 283 - 284]). Таким образом, эксперт здесь исходит из установки, что «необходимо дифференцировать оценку личности и конкретного поступка, поведения человека. "Оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме" [Цена слова 2002, с. 208]. **Но оценка одного конкретного поступка или поведения человека не должна оцениваться как оскорбление личности ("Ты поступил глупо" не равно "Ты глуп")** (выделено мной- О.М.)» [там же, с. 281].*

Другие установки эксплицированы в [Понятия чести, достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ]: «Оценочные суждения различаются в зависимости от того, что именно оценивают: событие или факт (истинное суждение о событии). Пример оценочного суждения первого типа: *Иван – дурак*. Следует отметить, что такие суждения также описывают события: ведь то, что **Иван - дурак, следует из его поступков, действий, известных нам. Это эквивалент утверждения, что Иван ведет себя по-дурацки** (выделено мной – О.М.)». [Понятия чести, достоинства...1997, с. 50]. Ср. также: «Сведения, порочащие честь и достоинство индивида, в большинстве случаев относятся к фактам поведения (поступкам)» [Анисимов 2001, с. 38].

Наряду с эксплицитными лексическими средствами создания конфликтного смысла, в текстах широко используются различного рода импликации (подтекст, различного рода намеки, двусмысленности, прецедентные феномены и т.д.), с помощью которых реализуется стратегия дискредитации и которые, следовательно, могут быть юридизированы.

Например, название конфликтного текста *«Ай, Моська, знать она сильна...»* является прецедентным высказыванием, связанным с набором определенных коннотаций: *“В соответствии с закономерностями функционирования в публицистических текстах крылатых фраз как выразительного средства аллегорическое морально-этическое содержание всей басни оживает в сознании читателя, а негативная оценка персонажа басни целиком переносится по ассоциации на главного персонажа статьи – Н.Г. Думнову»* [эксперты Я.Н. Засурский, Е.С. Кара-Мурза, картотека Лаборатории юрислингвистики]. Ср.: *«Опосредованные проекции текста на действительность осуществляются в пространстве культуры через знаки интертекстуальности, которые актуализируют семантическое присутствие другого текста в данном. Интертекстуальные знаки - маркеры непрямо́й референции, позволяющие устанавливать факт межтекстовых взаимодействий. Стилистической целью использования этих знаков является отображение вербально невыражаемых сущностей; это знаки для обозначения свойств и отношений... (курсив наш – О.М.)»* [Бразговская 2003, с. 182]. Юридизация использования прецедентных фактов представлена в экспертном заключении по конфликтному тексту *«Кто вы, Сергей Левченко? Человек без принципов»*: *«В анализируемом материале представлен особый прием текстообразования – аллюзия, то есть соотнесение содержания текста с прецедентным фактом. Автор статьи использует аллюзии к историческим деятелям и историческим фактам. (А) «В свое время Ленин называл Каутского ренегатом, каких свет не видывал. Первенство Каутскому осталось лишь потому, что Владимиру Ильичу не удалось узнать про вас, господин Левченко» (5);(Б) «Или нам будут выдавать какие-то специальные деньги, как у батки Махно – с личной подписью правителя (в нашем случае - Левченко)? И сколько будут стоить эти «левки»? (23); (В) «А может, снова, как в 17-ом году силой, с оружием в руках он отберет всю собственность у коллег- буржуев и отправит их отдыхать в лагеря?» (21); (Г) «В начале прошлого века мы подобное уже слышали: мир – народам,*

земля – крестьянам, фабрики – рабочим. На деле все обернулось гражданской войной, раскулачиванием, ГУЛАГОМ» (25). **Перлокутивный эффект данных фрагментов текста – дискредитация** (выделено мной - О.М.). (А) Каутский вводится как своего рода «эталон» предательства, на фоне которого утверждается крайняя степень «рenegатства» С. Левченко. (Б) Упоминание «специальных денег» батьки Махно, которое завершает фрагмент текста под заголовком «Всеобщее благоденствие?», обеспечивает проведение мысли о несостоятельности экономической части программы С. Левченко. (Образ батьки Махно вводит также идею анархии). Эта мысль подчеркивается также вопросом, вынесенным в заглавие, и иронией в резюмирующем абзаце: «Но если у нас чудесным образом появится ужасно много денег...» (24). Высказывания (В), (Г) навязывают читателю мысль об опасности политической программы С. Левченко, которая представлена в тексте как скрытый призыв к экспроприации и следующей за ней гражданской войне, раскулачиванию, репрессиям» [экспертиза М.Б. Ташлыковой, lexis-asu.narod.ru].

Намек в конфликтном тексте юридизируется как средство реализации общей стратегии дискредитации. Анализируя фразы конфликтного текста «На что пошли эти доходы и уплачивались ли с них налоги, до сих пор остается только догадываться»; «Куда ушли эти деньги? Следствие ответить на этот вопрос не смогло (или не захотело?)»; «Куда же ушла такая огромная сумма денег? Вряд ли рядовым коммунистам досталось что-либо от этих миллионов»; «Эпилог (или пролог нового дела?); «Левченко перестал быть общественно опасным?», эксперт отмечает, что данные фразы представляют собой речевой ход намека, обеспечивающий реализацию стратегии дискредитации, при этом «последний вопрос использует одну из самых эффективных речевых тактик. Возможный ответ Да, перестал или Нет, не перестал не меняет утверждаемого факта: Левченко был общественно опасным. Таким образом, вопрос

содержит презумпцию, которая a priori может быть вовсе не очевидна и которую надо внушить публике» [Приложение 3, текст 2].

Пример возможной юридизации двусмысленности представлен в [Техника юридической безопасности для журналиста 2002] и связан с фрагментом конфликтного текста «Трагедия, если гены... с браком» («Вечерние Кавминводы» № 11 от 10.06.94г.): *«Его пытались успокоить, но не тут-то было. Площадная брань обрушилась на меня и мою супругу. Терпение кончилось. Я вскочил со стула и хотел врезать этому нажравшемуся хаму. Друзья остановили: «Не связывайся с этим г...м». И гражданина, который, кроме мата, ничего не мог больше сказать, удалили за дверь».* В лингвистической справке, составленной к этому тексту, опровергается утверждение истца, что *«некоторые экспрессивные обороты и фразеологизмы, использованные в статье «Трагедия, если гены...с браком», являются неприличными и, следовательно, оскорбительными»,* составитель справки приходит к выводу о том, что *«в представленной заметке не употреблено ни одного бранного, а равно неприличного слова»: «Выражение «не связывайся с этим г...нельзя трактовать однозначно. Здесь (после многоточия) могло быть «г» - гражданином, господином и т.п. с подтекстом юмора, т.к. сам жанр газетной публикации (реплика, приближенная к фельетону) дает на то законные основания»* [Техника юридической безопасности... 2002, с. 61-62]. В заключении по той же публикации сказано: *«Лексику, употребленную в статье, можно охарактеризовать как разговорную, просторечие с элементами ненормативной лексики, но исходящую не от самого автора, а зафиксированную со слов других людей. Ряд высказываний, употребленных в статье, носит унижительный характер для героя публикации. Например, «хам» - носит презрительное отношение. В Толковом словаре Ожегова сказано, что хам – грубый, наглый человек. Неприличную форму выражения можно усмотреть только в одной двусмысленности – «не связывайся с этим г...». Однако автор ловко отводит обвинения, допуская и другое*

толкование следующим после многоточия словом «гражданин». Хотя на это можно и возразить, что многоточием заменяется непечатное слово иначе оно не было бы нужно» [там же, с. 64]. На наш взгляд, многоточием заменено слово, как раз имеющие неприличную форму, и многоточие здесь, в контексте конфликтной дискредитирующей публикации, читается именно как ЗНАК неприличной формы. Ср.: «Средства эмоционального воздействия не должны выноситься за рамки знаковых систем, поскольку одна из функций знака как раз и состоит в том, чтобы вызвать эмоции, вне знаковых систем могут оказаться разве что стимулы. Так, плач от лука есть не более чем простая рефлекторная реакция, но какая-нибудь душераздирающая сцена вызывает у меня слезы только после того, как я восприму ее как знак» [Эко 1998, с.105].

В качестве примера юридизации знака неприличной формы приведем экспертное исследование по конфликтному тексту, в котором встречается слово «пи@дабол»: «В тексте присутствует ряд слов, относящихся к обсценной лексике и обладающих стилистической окраской, которая в условиях определенного контекста может быть квалифицирована как оскорбительная. Самым грубым из них является слово пи@дабол (орфография оригинала), в котором одна буква заменена в публикации на печатный знак @, однако легко восстанавливается любым читателем. Слово «пиздобол» отсутствует во всех словарях русского литературного языка, словарями же ненормативной лексики его значение определяется как 'болтун, трепач; врун'. В условиях отчетливо выраженной инвективной направленности всего контекста публикации данное слово несомненно воспринимается как бранное и несет высокий потенциал оскорбления» [Приложение 3, текст 8].

2.2.4. Прагматический аспект конфликтного текста

Лингвистическая экспертиза текста касается вопросов, традиционно находящихся в сфере прагматики, понимаемой не только как отрасли лингвистики, предметом изучения которой являются механизмы коммуникации, но и направленной на «исследование языка в контексте смежных с ним феноменов» [Арутюнова 1988, с.315]. В центре внимания лингвистической экспертизы оказываются центральные категории прагматики - категория субъекта (которая, кстати говоря, в идентификационной (фоноскопической) лингвистической экспертизе трансформируется в категорию языковой личности, стоящей за любым текстом), события, оценки. В связи с субъектом перед лингвистикой встают вопросы об интенции говорящего/ пишущего и способах ее экспликации, перед юриспруденцией эти вопросы оборачиваются проблемами квалификации правонарушений по гражданскому или уголовному кодексу РФ (клевета, оскорбление или распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию). Наличие умысла необходимо, например, и для квалификации правонарушения как речевого мошенничества (речь идет о манипулятивном использовании языка в рекламе, политике, псевдомедицинской практике и пр.) в отличие от ненамеренного создания суггестивного эффекта (подробнее см. об этом [Голев 2002]).

Все существующие сегодня подходы к анализу конфликтогенного текста укладываются в рамки двух стратегий, одну из которых Н.Д. Голев предложил обозначить как формально-семантическую, другую – прагматическую [Голев 1999]. В рамках первой во внимание берется лишь поверхностный уровень текста: анализируется значение слова, приводятся лексикографические пометы из словарей, происходит намеренное отвлечение от целей, интенций автора конфликтогенного текста, от различного рода коннотативных значений, имеющих в тексте и зачастую более важных в

отношении порождения смысла, чем прямое значение слов текста. Вторая стратегия апеллирует к глубинному содержанию текста, интенциям его создателя, анализу смысла всего текста, а не отдельных его высказываний, что предполагает экспликацию имплицитного содержания.

Юридизация прагматики текста, отражающей интенции адресанта, мало разработана в лингвистической экспертизе и встречается крайне редко. Между тем юристы ждут квалифицированного решения этого вопроса от лингвистической экспертизы. Интенциональный компонент текста включает в себя цель, намерение его автора. С какой целью создан текст, каково намерение автора конфликтного текста – вот вопросы, ответив на которые эксперт может правильно интерпретировать конфликтный текст. Хотя существует и другая точка зрения, сторонники которой считают, что определять интенции автора конфликтного текста некорректно в рамках лингвистического исследования. Ср.: «Не могу поддержать тех лингвистов, которые полагают, что без специальных познаний в области психологии, социологии самый банальный, тривиальный филолог может достаточно обоснованно ответить на вопросы о намерениях автора спорного текста» [Сафонова 2003, с.205]. Однако поскольку состав языкового правонарушения содержится именно в тексте, то, на наш взгляд, лингвист в пределах своей компетенции может отвечать на вопросы об интенциональном аспекте конфликтогенного текста, тем более, что, как показывает практика, юристы стремятся получить вопрос об интенциях авторов конфликтогенных текстов именно от лингвистов (см., например, экспертизы № 9,16, 22, 23 и др. в [Цена слова 2002]). Думается также, что не совсем понятно сформулированный для лингвистов вопрос о содержательно-смысловой направленности (*intencio* – от лат. «направленность»!) выражений конфликтогенного текста, который часто встречается в судебных определениях о назначении экспертизы, свидетельствует о стремлении юристов получить квалифицированное заключение по поводу интенций адресанта именно от лингвистов (см., например, экспертиза 1 в

[Юрислингвистика – 3, 2002]). Антропоцентризм современной лингвистики позволяет исследовать многое из того, что ранее считалось недоступным для нее, в том числе и интенцию. Приведем примеры экспликации интенций адресанта в экспертных исследованиях. Анализируя текст статьи «Брат за братом» («Московский комсомолец на Алтае» от 6-13 августа 2003 года), эксперт приходит к выводу, что основной целью статьи является «снижение образа главного персонажа» и, как следствие, влияние на голосование электората на предстоящих выборах: *«Таким образом, основываясь на приведенных фактах в сочетании с догадками, слухами, произвольными предположениями и субъективными интерпретациями, используя разнообразные языковые средства, автор статьи достигает поставленной цели – снижения образа главы районной администрации. Информация о его брате и его негативная оценка служат лишь средством достижения названной цели – дискредитировать в глазах читателей-выборщиков одного из кандидатов на пост главы администрации Тальменского района»* [экспертиза Лебедевой Н.Б., lexis-asu.narod.ru].

Конфликтный текст предстает как некий текстовый инвариант, который объективно допускает некоторое число интерпретационных вариантов. Таких вариантов в случае юридического функционирования конфликтного текста по крайней мере два: один представлен адресантом, другой – адресатом. Распознавание коммуникативной интенции автора конфликтного текста позволяет «очертить некое *поле свободных интерпретаций*, за пределы которого возможности прочтения выйти не могут, и увидеть в означаемых произведениях ту естественную и необходимую обусловленность, то *поле несвободы*, придающее определенность всему структурному рисунку произведения, которое теперь становится способным подсказывать читателю, как и чем можно заполнить его открытые формы» [Эко 1998, с. 131]. Приведем в качестве примера юридизацию выражения *«герои капиталистического труда»*, которую суд признал оскорбительной. Адресант пояснял, что выражение *«герои*

капиталистического труда» не является общепринятым понятием, учреждено им самостоятельно и не носит оскорбительного характера, адресат же считает, что указанное звание является оскорбительным³¹. Именно исходя из интенций авторов текста, суд признает оскорбительным это выражение. Как указывает В.С. Третьякова, «эмоции и интенции коммуникантов являются важным звеном в понимании и функционировании языкового знака. Если субъект речи использует его с намерением оскорбить собеседника, вызвать у него негативные чувства, а адресат интерпретирует это употребление именно так, то можно говорить об инвективном употреблении неинвективного слова» [Третьякова 2002, с. 130].

На наш взгляд, именно интенциональный компонент конфликтного текста является отправной точкой для адекватной интерпретации последнего. Исследователи подчеркивают: «Текст массовой информации создается на основе перевода коммуникативного намерения (интенции) в коммуникативную деятельность. Предметом текстовой деятельности в данном случае является не смысловая информация вообще, а смысловая информация, цементируемая конкретным замыслом, коммуникативно-познавательным или коммуникативно-побудительным намерением» [Володина 2003, с. 18].

Понимание интенции автора конфликтного текста позволяет правильно интерпретировать его отдельные предложения, словосочетания, слова, поскольку достаточно распространены случаи, когда в тексте имеется инвективная лексика, но текст в целом признается неоскорбительным (см., например, анализ употребления слова *хам* в экспертном заключении по тексту «Мы делили апельсин...») и, наоборот, высказывание не содержит инвективы, однако признается оскорбительным. Сведение экспертного исследования только к стилистическому анализу конфликтного текста в значительной мере ограничивает лингвоюридические возможности

³¹ Материалы гражданского дела № 2-599-97 // Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула

экспертизы³². Даже если в конфликтном тексте отсутствует инвективная лексика, текст можно квалифицировать как воплощающий стратегию дискредитации (что проецируется на юридическое унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление), проанализировав его смысл.

В соответствии с авторской интенцией организуется весь текст – начиная с того содержания, которое автор хочет передать, и заканчивая формой, в которую он решает облечь это содержание. Результаты юрислингвистического анализа структуры текста, отдельных высказываний как части текста со всем текстом и, кроме того, текста в его широком контексте (речь идет о расположении на газетной полосе, в определенной рубрике и т.п.) в связи с интенциональным аспектом иногда дают основания для итоговой лингвистической квалификации текста. Например, конфликтный текст, представляющий собой объявление в газете, был разделен знаком «***» на две части. В ходе исследования конфликтного текста инвектор пытался доказать, что этот знак разделяет текст на две части и, следовательно, не является оскорбительным для адресата, поскольку якобы инвектива содержится только в одной из частей, не относящейся к адресату. Исследование структурного компонента конфликтного текста было задано следующими вопросами: *«Представляет ли текст идейно-тематическое и языковое единство? Что означает разделительный знак в данной статье, состоящий из трех символов?»* Эксперт в своем заключении указал: *«Представленный текст является единым целым и в идейно-тематическом, и в языковом отношении, несмотря на то, что разделен на две части. Между частями очевидна прямая смысловая связь: в первой части автор обещает, что Лысенко Алексей Валерьевич получит правду, вторая часть, по мысли автора, эту самую правду раскрывает. Кроме того,*

³² См. об этом подробнее в [Чернышова 2003]. Предлагаемая Т.В. Чернышовой в качестве наиболее эффективной методики анализа конфликтного текста методика свертывания текста на основе перефразирования представляется нам ценной не только потому, что «позволяет рассматривать аффективные компоненты смысла в контексте смысла всего текста в целом» [Чернышова 2003, с. 111], но анализировать интенциональный компонент текста.

слово ni@дабол во второй части непосредственно соотносится с заявленной в первой части логической пропозицией «люди, которые много обещают и оппс...», а призыв «вывести его на чистую воду» во второй части – с призывом «гнать метлой и не подпускать» в первой части. Две части текста идентичны и по стилю: обе написаны с использованием средств такой функциональной разновидности русского языка, которая квалифицируется специалистами в данной области как «блатная феня», имеют одинаковую языковую модальность и инвективную направленность, содержат однотипные пунктуационные ошибки, в частности, лишние запятые. Будучи заключенными в общую рамку на газетной полосе, две части текста тем более воспринимаются любым читателем только как единое целое. Разделительный знак, состоящий из трех символов, означает в данной публикации, что автор, в силу каких-то причин, счел нужным разделить ее на две части. Подобный знак часто используется в композиционно-графическом оформлении различных жанров газетно-журнальной речи. Как правило, часть текста, отделенная подобным знаком, претендует на изложение отдельной темы или вопроса в рамках общего идейно-тематического содержания произведения. В данном случае использование разделительного знака не выглядит логичным, так как текст выглядит абсолютно цельным во всех отношениях. После разделительного знака автор продолжает развивать ту же тему, которая была им заявлена в последнем предложении первой части» [Приложение 3, текст 8].

Есть примеры, когда исследование структуры конфликтного текста в связи с интенциями его автора позволяет признать неинвективным употребление инвективного слова. Так, конфликтный текст С.Ю. Сададьского «Презирая смерть, или скандальное откровение Азизы в крещенскую ночь» (Экспресс-газета, 1998, №3) содержит в начальной врезке инвективное слово *блядь*, называющее конкретное лицо. На разрешение экспертизы поставлены вопросы: *«Как связана композиция всей статьи со смыслом ее начальной врезки? Какова функция фразы, в которой*

употребляется слово блядь, в композиции статьи и какова смысловая нагрузка этой фразы? Каковы функции начальной и конечной врезок по отношению к основному тексту статьи?» В экспертном исследовании указывается, что *«фраза, содержащая слово блядь, композиционно относится к вступительной части статьи. Эта часть задает тон, автор излагает свою точку зрения, которую затем, в основной части, сам последовательно опровергает, а в заключительной части приходит к иному мнению, противоположному выдвинутому предположению. Такое композиционное решение можно назвать «эффектом обманутого ожидания». Читатель, заинтригованный явно провокационным заявлением, сделанным во вступлении, начинает читать статью с желанием найти подтверждение правильности выдвинутого положения (Азиза – блядь)... Однако основная часть статьи, по существу сам текст статьи, не содержит фактов, подтверждающих выдвинутое предположение автора»* [Цена слова 2002, с. 29-34].

Юридизация паралингвистических средств, имеющих важное значение для организации содержания текста и прагматического воздействия на адресата, решает задачи различного рода. Особенно актуален анализ паралингвистических средств в том случае, когда конфликтная ситуация связана с агитационным, рекламным и т.п. текстом (см., например, [Кара-Мурза 2003]). Пример решения идентификационной задачи представлен в экспертном заключении Т.В. Губаевой: *«Определенная композиционная нагрузка отмечается у невербальных средств – фотографий и врезок. Так, под заголовком статьи *Элтон Джон нашел в Рязани тройню?* размещена фотография С.Ю. Гаркавого с врезкой *Американец Сергей Гаркавый*, что позволяет однозначно идентифицировать личность, о которой идет речь в публикации»* [Приложение 3, текст 10].

Анализ паралингвистических средств позволяет выявлять смысл конфликтного текста, целевые установки его автора: *«Выделение более крупным шрифтом, а также цветное выделение определенных*

компонентов текста функционально предназначено для выражения особо важных в содержательном отношении текстовых фрагментов. Причем выделенные части образуют вполне независимый текст (своего рода «текст в тексте»). В листовке представлены два таких «текста»:

«Бессонов – крестьян успевае́т нака́лывать» - (деньги) «Из вашего крестьянского кармана» - «Нет ни одного достойного среди кандидатов».
«Крестьяне! Вас снова обманывают - «Алтай в обиду не дадим»- «ЛДПР – Помним о русских! Заботимся о бедных!».

Противопоставление этих двух «текстов» осуществляется на основе оценки: личность и деятельность кандидата Бессонова оценивается негативно, напротив, возможности ЛДПР в решении социальных проблем представлены в листовке в позитивном ключе. Такая смысловая организация соответствует исходной цели листовки» [Приложение 3, текст1].

Остальные языковые средства юридизируются по принципу дополнения. К ним относятся грамматические конструкции, фонетический уровень, когда, например, в СМИ нарочито точно передается речь иностранца, плохо владеющего русским языком (см. об этом в [Голев 1999б]). Приобретать юридизированное значение могут даже различного рода ошибки, опечатки и под. Например, в экспертном заключении по конфликтному тексту «На хрена попу гармонь?» эксперт, отвечая на вопрос: «Можно ли утверждать, что статья создает негативный образ персонажа?», наряду со стиливыми особенностями заголовка, образного строя текста, сниженной разговорной лексикой и фигурами иронии, создающими негативный образ персонажа, останавливается на дискредитирующей роли опечатки: «Привлекает внимание отрывок текста, содержащий опечатку: «...Назарчуку осталось просидеть в его санаторском кресле уже менее ста дней...». Даже будучи допущена случайно, в контексте статьи подобная ошибка является источником негативных значений (например, «Назарчук отдыхает, прохлаждается на посту сенатора» или подобных). Причем в тексте эта информация имеет объективный статус, т.е. должна быть причислена к

разряду сведений» [Цена слова 2002, с. 180]. Юридизированное значение в конфликтном тексте могут приобретать знаки препинания: “Смысл кавычек, в которые заключено слово «президент» в заголовке статьи, раскрывает высказывание из текста статьи: «То, что образована еще одна организация, занимающаяся экспортом пантов, -нет ничего нового, а вот то, что господину Южакову делегируется звание президента компании, хотя в уставе не предусмотрено, - действительно свежо». Таким образом, кавычки подчеркивают смысл «псевдопрезидент», «недействительный президент», «человек, лишь называющий себя президентом, но не являющийся таковым», «незаконный президент»” [Приложение 3, текст 9]. Согласно экспертному заключению [Цена слова, экспертиза 4], также юридизирующему словосочетание в кавычках, кавычки придают словосочетанию «*прочие достойные лица*» в анализируемом контексте значение «*прочие недостойные лица*».

Поскольку конфликтные тексты представляют собой поступок, то значение анализа интенциональных аспектов текста трудно переоценить: инвективные (конфликтогенные с лингвистической точки зрения) языковые средства юридически нерелевантны в случае отсутствия соответствующей интенции, и, наоборот, может быть юридизировано все, что «работает» на стратегию дискредитации.

Выводы

Во 2 главе настоящей работы на материале конфликтных текстов, вовлеченных в сферу юридической практики, нами апробировалась идея о специфичности сферы взаимодействия языка и права. Конфликтный текст рассматривался нами в процессе юридикации, т.е. в контексте экспертного лингвистического анализа. Проанализировав 70 конфликтных текстов, ставших предметом экспертного лингвистического исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Языко-речевая конфликтная ситуация последовательно юридикаруется на разных стадиях вхождения в правовую сферу (в исковом заявлении, в протоколе судебного заседания, в лингвистическом исследовании конфликтного текста (экспертизе), тексте судебного приговора и пр.), при этом системообразующим фактором ее юридикации является закон.
2. Конфликтный текст в юрислингвистическом аспекте анализируется с помощью особого вида лингвистического исследования – лингвистической экспертизы.
3. Лингвистическое исследование конфликтного текста представляет собой его интерпретацию, ограниченную вариантами в рамках соответствующей статьи закона и модели экспертного исследования. Лингвистическая экспертиза – это прикладное юрислингвистическое исследование, диалектически совмещающее юридические и лингвистические аспекты. С одной стороны, оно основано на соответствии лингвистическим постулатам и базируется на закономерностях языка, с другой стороны, обеспечивая юридическое функционирование конфликтного текста, исходит из правовых презумпций.
4. Предложенная в работе модель лингвистического экспертного исследования основана, во-первых, на признании конфликтной

языкоречевой ситуации порождением речевой деятельности, во-вторых, на признании системообразующим фактором ее разрешения норму закона, поскольку лингвистическое исследование конфликтного текста задано статьей соответствующего закона о языковом правонарушении и посвящено выяснению юридически релевантных обстоятельств. Модель экспертного исследования представляет собой схему анализа выделенных нами компонентов фрейма ЯЗЫКОВОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ. Изоморфизм модели лингвистического экспертного исследования и фрейма ЯЗЫКОВОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ обусловлен металингвистическим характером экспертизы: экспертиза – это текст о тексте, отраженный текст в юридизированной системе координат.

5. Параметры исследования того или иного компонента фрейма ЯЗЫКОВОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ определяются экспертным заданием.

Анализ текстов экспертиз показал, что определяющим параметром для юрислингвистической квалификации текста является его интенциональный аспект.

6. Анализ конфликтных текстов в юрислингвистическом аспекте позволяет прийти к выводу о необходимости лингвистической разработки понятий, функционирующих на стыке языка и права, в том числе и в первую очередь понятий оскорбления и неприличной формы, их дифференциальных признаков в реальной речевой практике, коррелирующих с юридическими признаками. Юрислингвистические исследования конфликтных текстов требуют создания специальных источников – словарей, призванных решать экспертные задачи.

Заключение

В основе представленной в работе концепции лежит идея специфичности взаимодействия языка и права, позволяющей выделить зону указанного взаимодействия в качестве предмета исследования отдельной отрасли лингвистического знания, таковой является юридическая лингвистика. Лингвистическая экспансия в сферу права, онтологически и генетически связанную с языком, приводит к появлению в языкознании нового предмета исследования – юридического аспекта языка.

Современные исследования на стыке языка и права иллюстрируют актуальность и широту лингвистической проблематики в этой сфере. В настоящей работе была сделана попытка обозначить исследовательские перспективы, связанные со сферой взаимодействия языка и права. Основным результатом работы стало системное рассмотрение юридического аспекта языка, составляющего предмет изучения юридической лингвистики.

Проведенное исследование позволяет констатировать существование на стыке языка и права двух разнонаправленных тенденций, обусловленных сущностью и функциями указанных социальных феноменов, - тенденций к сближению и обособлению лингвистического и юридического знания. Сильная тенденция к изолированности юридического знания приводит к языковой нелегитимности принимаемых решений; обособленность лингвистических исследований влечет отсутствие корреляций с юридически релевантными понятиями, что определяет невозможность использования результатов этих исследований в юридической практике. Лингвистическая составляющая должна учитываться не как побочный и несущественный критерий при принятии решений на стыке языка и права, а как их фундаментальное основание. Указанные тенденции нуждаются в гармонизации, в приведение их в состояние динамического равновесия, возможного только при диалектическом учете и

согласовании закономерностей языка и права. Юридическая лингвистика, появление которой является закономерным этапом развития лингвистики и юриспруденции, способствует синтезу соответствующих областей знания.

В результате анализа проблем, возникающих на стыке языка и права, и исследования эмпирического материала мы пришли к выводу, что попадание языка в сферу права детерминируется его потенциальной конфликтностью, требующей социального превентивного регулирования. Язык права вырабатывает механизмы преодоления конфликтности естественного языка. В естественном языке имеются собственные ресурсы для преодоления конфликтности – социум способствует приданию им юридизированного статуса. Идея специфичности взаимодействия языка и права апробировалась нами на материале конфликтных текстов, вовлеченных в юридическую практику. Предложенная нами модель юрислингвистического исследования конфликтного текста есть попытка синтеза лингвистического и юридического знания, который определяет легитимность принятия решений при юридической квалификации конфликтных текстов.

Проведенная работа позволяет наметить некоторые перспективы в дальнейшем исследовании юридического аспекта языка.

- Развитие юридической лингвистики связано с разработкой концепции языкового права, начальный этап становления которого наблюдается в современный период, обеспечением лингвистической безопасности речевого общения, востребованной в современной языковой ситуации.

- Перспективы прикладных исследований на стыке языка и права связаны с лингвистическим обеспечением юридической практики, прежде всего речь идет о развитии института лингвистической экспертизы. Проведенное исследование показало необходимость введения в научный оборот понятий языкового правонарушения, оскорбления, неприличной формы и т.п.

- Для проведения лингвистического экспертного исследования в соответствии с признаками объективности и достоверности следует разработать методику и специальные источники экспертного исследования.

- Необходимо описание моделей конфликта для всех видов языковых правонарушений и наиболее часто встречающихся конфликтов, порожденных спецификой юридического языка (конфликтов, возникающих при толковании правовых текстов). Наряду с описанием фрейма конфликта следует описать и соответствующий гармонизирующий фрейм (фрейм защиты от конфликта и его разрешения).

- Очевидна востребованность разработки социально-образовательных аспектов юрислингвистики, поскольку междисциплинарность проблематики предполагает наличие лингвистических и юридических знаний у соответствующих специалистов.

В заключение отметим, что юридическая лингвистика, изучая язык в его юридическом бытии, зарождаясь как область прикладных исследований, ставит перед фундаментальной лингвистикой новые задачи, решение которых будет способствовать приросту лингвистического и юридического знания, осознанию роли лингвистики в социальном развитии, в конечном счете - гармонизации человеческого бытия.

Литература

1. Авдеенко И.А. Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 23 с.
2. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики).- Л.: Наука, 1975. – 276 с.
3. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
4. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика-грамматика права // Проблемы юридической техники: Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. – С.101-108.
5. Александров А.С. Техники доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.Т.2. – С. 465-482.
6. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. - Нижний Новгород, 2003. – 420 с.
7. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства. Автореф. дисс. ...доктора юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 56 с.
8. Аллен Дж.Р., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986.- С. 322-362.
9. Алпатов В.М. Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств// Речевое общение в условиях языковой неоднородности. Под ред. Л.П. Крысина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 192 - 209.
10. Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Учеб. пособие.- М., 2001. – 224 с.
11. Араева Л.А., Вяткина М.В., Катышев П.А., Малахова Н.Е., Князькова Т.В., Оленев С.В., Стрыгина О.В. Риторика: Учебно-методический комплекс для студентов гуманитарных факультетов /Под ред. П.А. Катышева. Кемерово, 2002. – 322 с.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.- М.: Наука, 1988. – 341с.
13. Арутюнова Н.Д. Дискурс//Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.– С. 136 -137.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
15. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.:, Едиториал УРСС, 2002.– 384 с.

16. Аспекты речевой конфликтологии. Сборник статей под ред. С.Г. Ильенко.- СПб, 1996. – 105 с.
17. Бабаева Э.У. К проблеме отождествления личности по признакам письменной речи // Правоведение. 1968. №5. – С. 124-128
18. Базылев В.Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 159 - 168.
19. Балла О. Власть слова и власть символа // Знание – сила. 1998. № 11-12. – С. 34-45.
20. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. - Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
21. Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 113-124.
22. Баранов В.М., Александров А.С. Проблемы правопонимания в контексте теорий текста постструктурализма и герменевтики // Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003.- Ч 1.– С. 26-33.
23. Баркалова О., Сидорова Л. О языке судебного протокола// Советская юстиция.1989. № 16.– С. 27-29.
24. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. – С.442-450.
25. Белл Р. Т. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы: Пер. с англ./ Под ред. доктора филологических наук проф. А.Д. Швейцера.- М.: «Международные отношения», 1980. – 320 с.
26. Белянин В.П. Имена собственные и эмоции в современных российских политических текстах // Психоллингвистика. 2001// www.psycho.ru
27. Бердашкевич А. Русский язык как объект правоотношений// Российская юстиция. 2000. №4. – С. 28-29.
28. Бондаренко П.В. К «менталитету юристов и лингвистической ментальности»// www.textology.ru
29. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001.– 408 с.
30. Бразговская Е.Е. Референциальный механизм межтекстовых взаимодействий // Материалы 2 Международной научной конференции «Язык и культура». Москва, 17-21 сентября 2003 г. – М., 2003.– С. 182-183.
31. Брайт У. Введение: параметры социоллингвистики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 7.- М.: Прогресс, 1975.– С. 34–41.
32. Братухина И.А. Жанр судебного приговора как сфера взаимодействия разных функциональных стилей// Лингвистика как форма жизни: Сб. науч. трудов/ Под ред. П.А. Катышева.- Кемерово, 2002. – С. 86-93.

33. Бровкина Ю.Ю. Юрислингвистические аспекты рекламной коммуникации // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 203-207.
34. Булыгина Т.И., Стексова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ//Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С.169-178.
35. Быкова О.Н. Языковое манипулирование общественным сознанием: Методическая разработка и рабочая программа для студентов заочного отделения юридического факультета/ Красноярский государственный университет, Красноярск, 1999а. – 64 с.
36. Быкова О.Н. Ложная аргументация (псевдоаргументация, ложное доказательство). Речевая (языковая, вербальная) агрессия. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации/ Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999б.– С.91-103.
37. Быкова О.Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюл./ Под ред. А.П. Сковородникова. Вып.б. Красноярск-Ачинск, 1998.- С. 18-22.
38. Быкова Ю. Из пяти букв, и не «звезда» // Российская газета. 2004. № 154(3531)от 21 июля 2004 года.– С.1-2.
39. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Часть 2. Теория права. Том 2.- М.: Юристъ, 1996. – 152 с.
40. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16.- М.: Прогресс, 1985.– С.238-251.
41. Вепрева И.Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ) // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. – М., 2003. – С. 140-149.
42. Вепрева И.Т. Достижения лингвокультурологии – в практику юриста// Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003.- Ч.2. – С.133-138.
43. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция.// Язык и личность.- М.: Наука, 1989. – С. 11-23.
44. Винокуров Г. Сила закона или нравственный императив? // Законодательство и практика СМИ.1996. №10. – С. 22-24.
45. Володина М.Н. Язык СМИ- основное средство воздействия на массовое сознание// Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С.9-30.
46. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук, СПб, 1995.– 265 с.

47. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: "Наука", 1985. – 227с.
48. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995.- М.: Индрик, 2003. – с. 87-101.
49. Воркачев С.Г., Кусов Г.В. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память// Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2.Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. – С. 90-102.
50. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.–700 с.
51. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. – 139 с.
52. Гак В.Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания.1989. №5. – С. 104-133.
53. Галяшина Е.И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М: Галерея, 2002. – С. 244-252.
54. Галяшина Е.И. Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы (методические рекомендации) // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского.- М. : Галерея, 2002. – С. 293-318.
55. Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003а.- Ч.2. – С. 15-22.
56. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения. Автореф. дисс. ...доктора филолог. наук. – М., 2003б. – 48 с.
57. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения: Монография /Под ред. М.В. Горбаневского.- М.: СТЭНСИ, 2003в.– 236 с.
58. Галяшина Е.И. Прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы//Теория и практика судебной экспертизы.- СПб.: Питер, 2003г.– С. 9-112.
59. Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации// www.rusexpert.ru
60. Гловинская М.Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой.- М.: Языки славянской культуры, 2004.– С. 69-76.
61. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999а. – С. 11-57.
62. Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание? (О двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта

- юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999б. – С. 122-137.
63. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина)// Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.– С. 179-194.
64. Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики // Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003а.- Ч.1. –С. 33-41.
65. Голев Н.Д. Юрислингвистика и регулирование языковых конфликтов (К проблеме толерантного отношения к языку) // Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003б.- Ч.2.– С.120-127.
66. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтногенных текстов // (в рукописи).
67. Голев Н.Д. Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. – С.14-29.
68. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. – С.14-29.
69. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Три экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов)// Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002в. – С. 5-14.
70. Голев Н.Д. Почему обижен С. Волков?// За науку. №22 (771). 20 июня, 2002.– С.3.
71. Голев Н.Д. Юрислингвистическая экспертиза как баланс противоречий // (в рукописи)
72. Голев Н.Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002г. Часть2/ Под ред. Проф. М.В. Горбаневского.- М.: Галерея, 2003. – С.64-73.
73. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. №1. – Новосибирск: НГУ, 2003.– С. 146-156.
74. Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования //Юрислингвистика –5:

- юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. – С. 39-57.
75. Голев Н.Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом// Челябинск, 2004б. (в рукописи).
76. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ/ М.: Трэвойс, 2000. – 272 с.
77. Горбаневский М.В. Утоли моя печали: Жизнь в замечательной стране. - М.: Экопринт, 2003. – 160 с.
78. Горбаневский М.В. Лингвистическая безопасность печатных и электронных СМИ // Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003.- ч.1. – С. 169-166.
79. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике.- М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
80. Горелов И.Н. Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие.- Изд-во «Лабиринт». – М., 2001. – 304 с.
81. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16.- М.: Прогресс, 1985. – с. 217-237.
82. Гранин Ю.Д. О гносеологическом содержании понятия «оценка» // Вопросы философии.1987. №6. – С. 59-72.
83. Гречко В.А. Теория языкознания: Учеб. пособие.- М.: Высш. школа, 2003.– 375 с.
84. Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.55-65.
85. Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983. – 170 с.
86. Губаева Т.В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов (на материале процессуальных документов). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук .Баку, 1984. – 21 с.
87. Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юристов. Изд-во Казанского ун-та , 1986. – 225 с.
88. Губаева Т.В. Прагматика речевого общения в правовой сфере// Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994.– С. 261-268.
89. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Казанский ун-т, 1995. – 160 с.
90. Губаева Т.В. Правовой статус судебной лингвистической экспертизы // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского.- М.: Галерея, 2002. – С. 253-256.

91. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: НОРМА, 2003. – 160 с.
92. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса// Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 141-159.
93. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.– 451 с.
94. Девкин В.Д. Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функциональных стилей.- М.: Наука, 1986. – С. 69-76.
95. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер с англ.- М., 1989. – 312 с.
96. Дементьев В.В. Антропоцентризм непрямой коммуникации // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1999.- Вып. 28: Антропоцентрические исследования. – С. 48-66.
97. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. Литературоведение и языкознание. - 1983.- №4. - С. 354-372.
98. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце 20 века // Язык и наука конца 20 века. - М.: Наука, 1995. – С. 239-320.
99. Демьянков В.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов/ Под ред. Е.С. Кубряковой.М., 1996. – С. 31-33.
100. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова/ Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-323.
101. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ// Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие.- М.: Изд-во МГУ, 2003.– С. 116-133.
102. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. – 382 с.
103. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учеб. пособие.– М.: Гардарики, 2002.– 320 с.
104. Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.– С.77-85.
105. Дымарский М.Я. Где находится порог языкового конфликта? // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996.– С. 25-34.
106. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации.- М.: Праксис, 2003.– 448 с.
107. Ерофеева И.А. Истинностная оценка высказываний политического дискурса // Психоллингвистика. 2001// www.psycho.ru
108. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психологическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль, 1990. – 81с.

109. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 223-236.
110. Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. – С. 5-18.
111. Жельвис В.И. Письмо Пушкина Геккерену: анализ оскорбления // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. – С. 85-89.
112. Жельвис В.И. Распространение порочащих слухов: поиски путей уклонения от судебного преследования// Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004в. – С. 138-144.
113. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001.– 177 с.
114. Заяц И.В. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 24 с.
115. Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 вв. в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч.1- 446с.; 1965. Ч.2.– 496 с.
116. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996. – 270 с.
117. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Учеб. пособие.– М.: Аспект Пресс, 1996. – 317 с.
118. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Учебник.- М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. –320 с.
119. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
120. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. Учебное пособие.- М., 1997.– 256 с.
121. Ивакина Н.Н. Русский язык российского права// Российская юстиция. 2000. №7. – С. 26-28.
122. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). Учебное пособие. -М.: Юристь, 2001. – 384с.
123. Иваненко Г.С. Анализ модальности текста при разрешении информационного конфликта // Русский язык: исторические судьбы и современность: 2 Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18-21 марта 2004г.): Труды и материалы.- М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2004.– 680 с.
124. Ильенко С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996.– С. 3-12.
125. Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам

- при Президенте РФ / Отв. ред. А.К. Симонов. Сост. А.К. Копейка.-М.: Галерея, 2002.– 392 с.
- 126.** Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 285 с.
- 127.** Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики)// Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С.106-122.
- 128.** Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы (на примере работы Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации): Научно-практическое пособие. - М.: Известия, 1997. – 44с.
- 129.** Кара-Мурза Е.С. Экспертизы рекламных текстов//Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. Проф. М.В. Горбаневского.- М., 2002. – С. 364-365.
- 130.** Кара – Мурза Е.С.В помощь редакторам: эксперты-лингвисты о предвыборной информации и агитации // Обреченные на немоту? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации/ Авторы: В.Быков, Е.Кара-Мурза, К.Катанян, А. Минкин, П.Полоницкий, М.Федотов и др. Составители: М. Горбаневский, Е. Максимова. Под ред. проф. А.К. Симонова. М.: Галерея, 2003.– С. 119-151.
- 131.** Кара – Мурза Е.С. Манипулятивные языковые приемы не помогут избежать наказания // www.rusexpert.ru
- 132.** Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002.– 333 с.
- 133.** Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2002.– 264с.
- 134.** Караулов Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм// www.gramota.ru
- 135.** Караулов Ю.Н. Притча во языцех. По поводу закона о государственном языке РФ// www.gramota.ru
- 136.** Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Едиториал, 2002.– 336 с.
- 137.** Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи // Язык и личность.- М.: Наука, 1989. – С. 131-144.
- 138.** Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов.- М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.- 320 с.
- 139.** Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие.- М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 269-289.
- 140.** Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ// www.gramota.ru

141. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 100-115.
142. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник.- М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
143. Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: Сборник статей под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С. 356-388.
144. Колкутин В.В., Зосимов С.М., Пустовалов Л.В., Харламов С.Г., Аксенов С.А. Судебные экспертизы.- М., 2001. – 176 с.
145. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. М.:Эдиториал УРСС, 2003. – 216 с.
146. Котов А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 2003. – 24 с.
147. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.– 375 с.
148. Краткий словарь когнитивных терминов/Под общей редакцией Е.С. Кубряковой.- М., 1996. – 245 с.
149. Крейдлин. Г.Е. Риторика позы// Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова/ Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 207- 216.
150. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка.- М.: Наука, 1989.– 188 с.
151. Крысин Л.П. Заключение. // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова.- М., 2003. – С. 535-536.
152. Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов. Автореф. дисс. ... кандидат. юрид. наук. – Москва, 2003. – 22 с.
153. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века.- М., 1995.- С. 144-238.
154. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/ М.: Языки славянской культуры, 2004.– 560 с.
155. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975.- С. 96-181.
156. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале префиксальных глаголов).- Томск: ТГУ, 1999. – 260 с.
157. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., «Просвещение», 1969. – 214 с.
158. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

159. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты): Монография.- Ростов-на-Дону, 1992. –160 с.
160. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. –М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
161. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск: Наука, 1986.– 228 с.
162. Львова В. Перед приговором Киркоров сдал анализы. Лингвистические // Комсомольская правда от 12 августа 2004 года. – с. 16.
163. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность.- М.: Наука, 1989. – С. 24-34.
164. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.– 280 с.
165. Мансурова В.Д. Инстанция истины: О соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика– 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.– С. 94-106.
166. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке// Филологические науки. 1997. №8. – С. 67-79.
167. Маркович А.А. Дискурс консолидации: теоретический и практический аспекты// Психоллингвистика. 2001// www.psych.ru
168. Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.– С. 46-55.
169. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика.-М.: Аспект Пресс, 2000.- 207 с.
170. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие.- М.: Флинта: Наука, 2001.– 312с.
171. Минский М. Структура для представления знания// Психология машинного зрения.- М.: Мир, 1987.– С.249-336.
172. Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. Социоллингвистика в России // Вопросы языкознания. 2002. №5. – С. 116-142.
173. Монич Ю.В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции// Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова/ Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001.– С.191-206.
174. Муравьева Н.В. Язык конфликта.- М.: Издательство МЭИ, 2002. – 272с.
175. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.– 172с.
176. Мушнина М.М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии// Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– С.18-30.
177. Нестерова Н.М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы

- прикладной лингвистики – 2001. Сборник статей / Отв. ред. А.И. Новиков. – М., 2001. – С. 133 -143.
- 178.** Нестерова О.А. Проблема насилия в языке и культуре // Материалы 2 Международной научной конференции «Язык и культура» Москва, 17-21 сентября 2003.- М., 2003.– С. 293-195
- 179.** Николаева Т.М. О принципе некооперации и/или о категориях социолингвистического воздействия// Логический анализ языка.Избранное.1988-1995.-М.: Индрик, 2003. – С. 268-275.
- 180.** Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста// Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики-2001. Сборник статей.- М.:»Азбуковник», 2001– С.155-180.
- 181.** Обреченные на немоту? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации/ Авторы: В.Быков, Е.Кара-Мурза, К.Катанян, А. Минкин, П.Полоницкий, М.Федотов и др. Составители: М. Горбаневский, Е. Максимова. Под ред. проф. А.К. Симонова. М.: Галерея, 2003. – 120 с.
- 182.** Остин Дж. Слово как действие// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986.– С. 22-131.
- 183.** Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999.– 917 с.
- 184.** Осипов Б.И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка// Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 58-69 с.
- 185.** Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22 - 130.
- 186.** Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – С. 380-388.
- 187.** Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
- 188.** Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультсов/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. - М.: Медея, 2004. – 104 с.
- 189.** Панов Ю.А. Экспансия сниженной лексики как заполнение лексических и стилистических лакун // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 1.Межвузов. сб. науч. трудов. Воронеж, 2001.– С. 4-12.
- 190.** Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сборник статей/ Отв. ред. А.И. Новиков.- М., 2001. – С. 181-209.

- 191.** Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сборник статей/ Отв. ред. А.И. Новиков.- М., 2001. – С. 209-227.
- 192.** Пирогова Ю.К. Информационная безопасность и языковое манипулирование в рекламном дискурсе // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1.: Телевизионная и рекламная коммуникация / Под ред. Донцова А.И., Засурского Я.Н., Матвеевой Л.В., Подольского А.И.- М., 2002. – 335 с.
- 193.** Понятие чести и достоинства, и деловой репутации Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами./ Под ред. А.К. Симонова и М.В, Горбаневского.- М.: Медея, 2004. – 328 с.
- 194.** Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003.– Ч.2. – 216 с.
- 195.** Прадид Ю.Ф. Юридическая лингвистика в Украине: вчера, сегодня, завтра // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– С.30-39.
- 196.** Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры/ Пер. с нем. Е. Араловой. – М.: Языки славянской культуры, 2003.– 272 с.
- 197.** Ратинов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятие чести и достоинства, и деловой репутации Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами./ Под ред. А.К. Симонова и М.В, Горбаневского.- М.: Медея, 2004. – С.101-116.
- 198.** Репина Е.А. Агрессивный текст как тип текста // Психолингвистика. 2001// www.psychology.ru
- 199.** Речевое общение в условиях языковой неоднородности. Под ред. Л.П. Крысина. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 224 с.
- 200.** Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. – С. 27- 42.
- 201.** Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: «Добросвет», 1997. – 600с.
- 202.** Романов А.А. Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика// Политический дискурс в России –4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000. – С. 83-89.
- 203.** Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».- М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. – 384 с.
- 204.** Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме// Язык и наука конца 20 века. М., 1995.– С. 188-143.

- 205.** Русский семантический словарь, систематизированный по классам слов и значений/ РАН. Инст-т русского языка; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой.- М., Азбуковник, 1998. Т.1.
- 206.** Рябов А.К. Уши в трубочку. Энциклопедия русской брани и сквернословия.- Барнаул, 2002.– 632 с.
- 207.** Рябцева Н.К. Истинность в субъективно-модальном контексте// Логический анализ языка.Избранное.1988-1995.-М.: Индрик, 2003. – С. 669-684.
- 208.** Сайкова Н.В. Лингвистические и экстралингвистические детерминанты кодификации норм русского языка в его естественном и юридическом функционировании // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– С. 69-75.
- 209.** Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. М., 1987.
- 210.** Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17.- М.: Прогресс, 1986. – С.151-170.
- 211.** Сидорова Л.Н. Интерпретация как один из способов понимания (на материале юридических текстов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995.– 18 с.
- 212.** СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования / Автор-составитель – проф. В.Н. Монахов. – М., 2003. – 147 с.
- 213.** Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе (менталитет юристов и лингвистическая ментальность)// www.textology.ru
- 214.** Соболева А.К. Риторическая герменевтика и интерпретация текстов права// Риторика. Специализированный проблемный журнал, издательство «Лабиринт», Москва, 1997. - № 1 (4). – С. 103-130.
- 215.** Соболева А.К. Теодор Фивег и его книга «Топика и юриспруденция: к вопросу об основном методе исследований в праве»// Риторика. Специализированный проблемный журнал, издательство «Лабиринт», Москва, 1997. - № 1 (4). – С. 77- 94.
- 216.** Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М., 2002. – 752 с.
- 217.** Солодухин О.А., Солодухина А.О. Юридический диалог: теория и практика, круг проблем. – М., 1998. – 148 с.
- 218.** Соссюр Ф.де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
- 219.** Справочник по нормотворческой технике. / Пер. с нем. – 2-е изд., перераб. - М.: Издательство БЕК, 2002. – 296с.
- 220.** Старолетов М.Г., Старолетова Н.М. Потребительская реклама в «пограничном состоянии» // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– с. 164- 168.
- 221.** Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1998. – 382 с.
- 222.** Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики.- М.:Едиториал, 2002. – 312 с.

223. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986.- 424 с. – С. 131- 150.
224. Сыпченко С.В. Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (О проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики)//Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 144-153.
225. Татарникова Н.М. Юридический протокол как вторичный речевой жанр // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 188-203.
226. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002г. Часть1/ Под ред. Проф. М.В. Горбаневского.- М.: Галерея, 2002.– 96 с.
227. Теория и практика судебной экспертизы. – СПб.: Питер, 2003. – 704 с.
228. Техника юридической безопасности для журналиста: Сборник материалов практических обучающих семинаров для работников СМИ и будущих журналистов./ Под ред. А.К. Симонова. М., 2002. – 160 с.
229. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста// Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 143-158.
230. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. – Екатеринбург, 2002. – 287 с.
231. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: Автореф. дисс. ...доктора филол. наук. – М., 2003. – 36 с.
232. Ушакова Т.Н., Латынов В.В. Оценочный аспект конфликтной речи// Вопросы филологии.1995. № 5. – С. 33-41.
233. Харченко Е.В., Шкатова Л.А. Юридическая риторика.- Челябинск, 2000. – 51с.
234. Хейзинге Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - М.: Прогресс, 1992. – 458 с.
235. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. – 122 с.
236. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 2 изд., испр. и доп. - М.: Галерея, 2002. – 336 с.
237. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп.- М.: Галерея, 2002. – 424 с.

238. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки. 1998. №4. – С. 76-83.
239. Чернышова Т.В. Узуально-стилевой комплекс как механизм порождения инвективного высказывания в сфере газетной публицистики // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 138-144.
240. Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): Учебное пособие. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. – 178с.
241. Чернышова Т.В. Экспрессивность публицистического текста и проблема инвективности (на материале лингвостилистических экспертиз) // Право і лінгвістика // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р.- Сімферополь: ДОЛЯ, 2003б.- Ч.2. – С. 127-133.
242. Чернышова Т.В. Особенности взаимодействия естественного и юридического языка в юридической практике (конструкция на основе сочинительной связи с союзом *и* как объект лингвистической экспертизы) // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– С.75-85.
243. Чернышова Т.В. «Поле свободных интерпретаций» и фактор интерпретатора (на материале газетных текстов) (в рукописи)
244. Шабес В.Я. Событие и текст: Монография.- М.:Высшая школа, 1989. – 175 с.
245. Шарифуллин Б.Я. Языковая реформа как способ «исправления действительности» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения / Под ред. А.П. Сковородникова, Красноярск, 1998. №3. – С.19-22.
246. Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. Языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.– С. 195-206.
247. Шарифуллин Б.Я. «Полет русской души»: опыт несостоявшейся юрислингвистической экспертизы одного рекламного текста // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.– С. 85-99.
248. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С.120 -131.
249. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки.1998. № 2.- С. 59-65.

250. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1999.- Вып. 28: Антропоцентрические исследования. – С. 204-221.
251. Шейгал Е.И. Язык власти и власть языка // Материалы 2 Международной научной конференции «Язык и культура». Москва, 17-21 сентября 2003 г. – М., 2003. – С. 150-151.
252. Шилихина К.М. О коммуникативных неудачах при попытке модифицировать поведение или эмоционально-психологическое состояние собеседника // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.– С. 49-52.
253. Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании// Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988.
254. Шпаковская Е.Е. Нормативный аспект научно-учебного юридического текста. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Челябинск. 2000. – 26 с.
255. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)// В.А. Звегинцев. История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях. М., 1960. – С. 108-116.
256. Шубина Н.Л. Об адаптивных процессах в спонтанной речи // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996. – С.13-24.
257. Шугрина Е.С. Техника юридического письма: Учеб.-практ. пособие. - М., 2000.– 272 с.
258. Шурыгин Н.А. Филологические термины межсистемного функционирования // Филологические науки. 1998. №5-6.
259. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического: коммуникативно-нормативный аспект//Речевое общение. Специализированный вестник /Краснояр. гос. ун-т; Под ред. А.П. Сковородникова.- Вып. 4(12).- Красноярск, 2002.– 103-108 с.
260. Эко У. Несуществующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
261. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.7. Социоллингвистика. М.: Прогресс, 1975.- С. 336-362.
262. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова.- М.: 1997. – 526 с.
263. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – с.70.
264. Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 186 с.
265. Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 273с.
266. Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.– 263 с.

- 267.** Юрислингвистика – 4: юрислингвистические дисциплины на юридических и филологических факультетах российских вузов (программы, учебные планы)/ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. –187с.
- 268.** Юрислингвистика –5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.– 357 с.
- 269.** Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. – 432 с.
- 270.** Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – 464с.
- 271.** Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие.- М.: Изд-во МГУ, 2003. – 460с.
- 272.** Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. – 445 с.
- 273.** Янко Т.Е. Описание мира и речевые действия: о способах выражения иллокутивных целей говорящего // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995.-М.: Индрик, 2003. – С. 571-580.
- 274.** Baumgarten A. Wissenschaft und Sprache // Rechtsphilosophie auf dem Wege, 1987. – S. 167- 185.
- 275.** Bergmann C. Sermantische Destruktion als Metode der Manipulation // Sprachen in Konflikt: zur Rolle der Sprachen in sozialen, politische und militarische Auseinandersetzung. Berlin-NewYork, 1995. S. 114-138.
- 276.** Dietrich,R., Klein, W. Sprache des Rechts. Vermitteln, Verstehen, Verwechseln. In: Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 118 „Sprache des Rechts“, 2000, S.5-33.
- 277.** Dietrich,R.,Kuhn, K.Transparentoder verstandlich oder wie was verstanden wird. Eine empirische Untersuchung zum Verstehen eines juristischen Textes.In: Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 118 „Sprache des Rechts“, 2000, S. 67-95.
- 278.** Ricceur P. Zu einer Hermeneutik des Rechts, Argumentation und Interpretation // Deutsche Zeitschrift fur Philosophie. Jg.42. H.3. Berlin, 1994, S. 27-40.
- 279.** Walter, O. Die Paradoxie einer Fachsprache // Der offentliche Sprachgebrauch. Band.2, Stuttgart: klett-Cotta, 1981, S. 44-57.

Содержание

Приложение 1	185
1. Экспертное заключение по гражданскому делу по иску Цомаева Б.А. к редакции газеты «Свободный курс» о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда (<i>эксперт Матвеева О.Н.</i>).....	187
2. Экспертное заключение по гражданскому делу по иску Лапкина И.Т. к ГТРК «Алтай» о защите чести, достоинства, компенсации морального вреда (<i>эксперт Матвеева О.Н.</i>).....	195
3. Экспертное заключение по гражданскому делу по иску отдела по защите прав потребителей администрации г. Барнаула в интересах Ивановой Н.Н. к ООО «Авиастар» и ООО «Мультисервис» (<i>эксперт Матвеева О.Н.</i>).....	201
4. Экспертное заключение по гражданскому делу по иску Вольфсона И.Б. о защите избирательных прав (<i>эксперт Матвеева О.Н.</i>)	205
5. Заключение по материалам газеты «Вести Первомайского района» по запросу главы администрации Первомайского района Ефремова П.В. (<i>эксперт Матвеева О.Н.</i>)	208

Приложение 2. Проект рекомендаций по назначению лингвистической экспертизы	212
---	------------

Приложение 3. Типологическая характеристика юридизированных экспертными исследованиями конфликтных текстов	215
1. Экспертное заключение по тексту листовки «Крестьяне! Вас снова обманывают!» (<i>эксперт Бринев К.И.</i>).....	215
2. Экспертное заключение по статье «Кто вы, Сергей Левченко? Человек без принципов» (<i>эксперт Ташлыкова М.Б.</i>).....	221
3. Экспертное заключение по статье «Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника» (<i>Чернышова Т.В.</i>).....	228
4. Экспертное заключение по статье «Куда девались тополя?» (<i>эксперт Доронина Н.И.</i>).....	235
5. Экспертное заключение по статье «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» (<i>эксперт Лебедева Н.Б.</i>).....	240
6. Экспертное заключение по статье «"Хабаризация" всей страны Часть2.» (<i>эксперты Горбаневский М.В., Шаклеин В.М., Бельчиков Ю.А., Кара-Мурза Е.С.</i>).....	249
7. Экспертное заключение по статье «Черногоров подбирается к Ставрополю» (<i>эксперты Горбаневский М.В., Сафонова Ю.А., Шаклеин В.М.</i>).....	262
8. Экспертное заключение по тексту рекламного объявления (<i>эксперт Морозов А.В.</i>).....	266

9. Экспертное заключение по статье «Да здравствует “президент”?» (эксперт Голев Н.Д.).....	271
10. Экспертное заключение по статье «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» (эксперт Губаева Т.В.).....	276

Приложение 1

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по гражданскому делу по иску Цомаева Б.А. к редакции газеты «Свободный курс» о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда

- Основание для проведения лингвистического исследования: определение судьи Центрального районного суда г. Барнаула Чепрасова О.А. от 8 ноября 2001г., адресованное в Лабораторию юрислингвистики и развития речи при филологическом факультете АГУ.

- В распоряжение эксперта были предоставлены следующие материалы:

1. Определение суда о проведении экспертизы
2. Материалы гражданского дела № 2 –2175 по иску Цомаева Б.А. к редакции газеты “Свободный курс” о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда.
3. Газета “Свободный курс” №32 от 9 августа 2001г., в которой на стр.7 в рубрике “Политика. Экономика” опубликована статья под заголовком “Комментарий “СК””.

- На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:

1. В предложениях № 1,2 статьи “Комментарий “СК” *(По сведениям из городской администрации, Владимир Коновалов будет снят с должности гендиректора “Алтайэнерго”. В вину руководству предприятия якобы вменяются манипуляции с векселями (у одних держателей их выкупали по номиналу, у других- намного ниже номинала) и отношения с некими чеченскими фирмами)* высказывается мнение или утверждение о факте? Если о факте, то каком?
2. Относится ли вводная конструкция *по сведениям из краевой администрации* ко всему первому абзацу?
3. Порочит ли деловую репутацию чеченских фирм следующая фраза: “ *в вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами*” ?
4. Снимает ли утвердительность высказывания слово «якобы»?
5. Содержит ли выражение *некими чеченскими фирмами* отрицательный смысл? Что означает слово *некий* в этом выражении?
6. Содержатся ли в тексте средства воздействия на сознание читателя, направляющие их в сторону негативной оценки деятельности чеченских фирм ? Если да, то какие?
7. Насколько определенными являются ссылки на источники информации в названной статье?
8. Какое содержание предполагает жанр комментария (высказывание мнения, уточнение, пояснение и т.д.)?

- Объект экспертизы – текст статьи “Комментарий “СК”, опубликованной в газете “Свободный курс” от 9 августа 2001г.

- Средства и методы экспертизы: семантический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы.

Используемая литература:

1. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева.- М.: 1999.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.

3. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ.- М.:”Права человека”,1997.

4. Русская грамматика. М., 1982

5. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2001.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1

В предложениях № 1,2 статьи “Комментарий “СК” высказываются утверждения о следующих фактах:

а) факт имеющихся планов снятия Владимира Коновалова с должности гендиректора «Алтайэнерго»;

б) факт вменения в вину руководству предприятия манипуляций с векселями и отношений с чеченскими фирмами;

в) факт получения названных сведений в Краевой администрации.

Любое из приведенных утверждений о фактах может быть проверено на предмет их соответствия действительности. Объективный статус данным утверждениям придает вводная конструкция *по сведениям из Краевой администрации*, указывающая на факт получения сообщаемых сведений в Краевой администрации.

В отличие от утверждения о фактах, высказывание мнения предполагает, во-первых, четкое указание на носителя мнения, а во-вторых, фиксацию того, что высказывается именно мнение (для этого используются различного рода вводные конструкции, например: *как полагает Иванов, по мнению Петрова, я считаю* и т.п.).

Вопрос 2

Вводная конструкция *по сведениям из Краевой администрации* относится ко всему первому абзацу, она указывает на источник информации о приводимых в предложениях №1,2 фактах. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие логических причинно-следственных связей между

предложениями (вменение в вину манипуляций с векселями и отношений с чеченскими фирмами – причина снятия руководителя «Алтайэнерго» с занимаемой должности). Поскольку предложения логически взаимосвязаны, то и указанный источник информации относится к обоим из них. Во-вторых, употребляемое во втором предложении слово *якобы* является частицей, выражающей отношение сообщения к его источнику (Русская грамматика, М., 1982), т.е. слово *якобы* соотносится с вводной конструкцией *по сведениям из Краевой администрации* и свидетельствует о том, что названная конструкция относится и ко второму предложению.

Вопрос 3

Слово *вина* в русском языке имеет значение «проступок, преступление» (С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 2001). Выражение *вменить в вину* означает «обвинить в чем-нибудь» (С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 2001). Следовательно, смысл фразы «*В вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами*» состоит в том, что руководство предприятия обвиняется в отношениях с чеченскими фирмами. Обвинять можно только в чем-либо незаконном, следовательно, в предложении не указывается, но предполагается, что фирмы были незаконными, криминальными и т.п. Исходя из этого, следует признать, что фраза «*В вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами*» содержит негативную оценку чеченских фирм.

Что касается вопроса о квалификации ее как порочащей деловую репутацию чеченских фирм, то он не входит в компетенцию лингвиста.

Вопрос 4

Слово *якобы* согласно словарю является частицей, употребляемой для выражения сомнительности, мнимости (С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 2001). Кроме того, эта частица относится к разряду частиц, выражающих отношение сообщения к его источнику (Русская грамматика, М., 1982), т.е. эта частица указывает, что сообщение не является мнением говорящего (пишущего), а получено из каких-либо источников, говорящий (пишущий) же только пересказывает, передает полученные сведения.

Следовательно, слово *якобы* в анализируемом контексте несет двойную нагрузку: во-первых, оно показывает, что сообщаемые в данном предложении сведения являются не мнением автора, а получены из Краевой администрации (слово *якобы* соотносится с вводной конструкцией *по сведениям из Краевой администрации*), во-вторых, употребляя слово *якобы*, автор показывает, что он сомневается в истинности полученных сведений. Такое, в некотором смысле парадоксальное (с одной стороны, ссылаюсь на авторитетный источник, с другой - тут же ему не верю) употребление слова

якобы может свидетельствовать о регулярно применяемой журналистами стратегии ухода из «зоны риска», когда автор текста, осознавая его потенциальную конфликтность, пытается обезопасить себя, употребляя подобного рода слова, дистанцируясь (отстраняясь) от сообщаемого. Но в данном случае полного дистанцирования не возникает, поскольку на первый план в значении слова *якобы* в анализируемом предложении выходит второе значение, согласно которому сообщаемое получено автором из каких-либо источников. Докажем это следующим способом. Произведем замену слова *якобы* словами, выражающими сомнение, и словами, указывающими на какой-либо внешний по отношению к говорящему (пишущему) источник информации: *В вину руководству предприятия, может быть, вменяются ...отношения с некими чеченскими фирмами.* Данное предложение противоречит общему смыслу контекста. *В вину руководству предприятия, как сообщает Краевая администрация, вменяются отношения с некими чеченскими фирмами.* Данное предложение согласуется с общим смыслом контекста. Приведенные контексты с заменой слова *якобы* свидетельствуют о том, что в анализируемом контексте в слове *якобы* актуализируется, выходит на первый план значение, согласно которому сообщаемая информация получена автором из какого-либо источника.

Таким образом, употребление слова *якобы* не снимает утвердительность высказывания, не переводит предложения с утверждениями о фактах в разряд предложений с высказанными мнениями.

Вопрос 5

Слово *некий* в словаре определяется так: «какой-то (о ком-нибудь, точно неизвестном)». Слово *какой-то* среди прочих имеет значение, получившее в словаре помету «разговорное, неодобрительное»: 4. Не заслуживающий внимания, уважения (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 2001) Имеющийся в слове негативный оттенок значения актуализируется, выходит на первый план, если в целом контекст, в котором употребляется слово, содержит негативный смысл (Ср.: *Некий судья Петров состряпал-таки приговор по этому делу. Некая газетенка уже давно муссировала эти слухи. Некий мудрец решил построить коммунизм к 80-м годам 20 века. Некая журналистка Иванова зарабатывает себе дешевый авторитет, с завидным постоянством пописывая заказные статейки в желтую прессу*). Если же контекст употребления слова не является негативным, то и в слове негативный оттенок значения нивелируется. Поскольку чеченские фирмы оцениваются в предложении № 2 как такие, сам факт отношений с которыми может быть поставлен в вину, то употребление при словосочетании *чеченские фирмы* слова *некий* в данном предложении актуализирует, выводит на первый план негативный оттенок значения. Следовательно, слово *некие* в словосочетании *отношения с некими чеченскими фирмами* содержит отрицательный оттенок значения,

пренебрежительно, неодобрительно оценивая чеченские фирмы, усиливает негативный образ чеченских фирм, внушаемый читателю.

Вопрос 6

В статье используется прием снижения критичности восприятия речевого сообщения (текста), который состоит в ссылке на авторитет, подчеркивающий компетентность источника достоверной информации. Так, ссылка на Краевую администрацию как официальный орган власти должна вызывать у читателя доверие к предлагаемой информации, формировать оценку этой информации как достоверной, полученной из авторитетного, компетентного, официального источника. Ссылки на другие источники информации служат этой же цели, придают сообщению более объективный статус, подчеркивая, что излагаемое не является мнением автора.

При указании источников информации используется также прием, состоящий в том, что значимая информация преподносится в статье с отсылкой на неопределенный источник информации (*один из источников «СК», некоторые наши источники, говорят*), если же ссылаются на конкретное лицо, то сообщение становится минимально информативным (*«...Неизвестно, встречался ли он (Суриков) с Чубайсом или нет. По словам пресс-секретаря губернатора Андрея Ляпунова, на планерке 6 августа Суриков ничего об этом не говорил»*).

В предложении № 2 используется прием умолчания, состоящий в том, что какие-либо свойства, качества, черты и признаки описываемого объекта не называются, поскольку предполагаются общеизвестными. Фраза «В вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами» по умолчанию предполагает, что чеченские фирмы – это фирмы незаконные, криминальные и т.д., т.е. такие фирмы, сам факт отношений с которыми может быть поставлен в вину.

Вопрос 7

В статье имеются следующие ссылки на используемые источники информации: *по сведениям из Краевой администрации, по словам пресс-секретаря губернатора Андрея Ляпунова, один из источников «СК», некоторые наши источники, говорят*. Из приведенных примеров видно, что лишь один источник указан достаточно четко, с указанием имени человека и занимаемой им должности – пресс-секретарь губернатора Андрей Ляпунов. Однако информация, предоставленная из этого источника, ничего существенного для разъяснения текста не несет (см. ответ на вопрос № 6). Менее определенным является источник, указывающий на Краевую администрацию, поскольку не назван отдел Краевой администрации и конкретное лицо. Все остальные источники неопределенны: *один из источников «СК», некоторые наши источники, говорят*.

Вопрос 8

Жанр комментария предполагает разъяснение какого-либо текста путем примечаний и толкований. Существуют такие виды комментария, как текстологический, историко-литературный, биографический, реальный, лингвистический. Рассматриваемый нами комментарий относится к реальным комментариям, поскольку рассказывает о событиях, обстоятельствах и лицах, упоминаемых в статье «Райфикешт встретился с Чубайсом». Содержанием этого комментария является разъяснение указанной статьи.

ВЫВОДЫ

1. В предложениях № 1, 2 высказываются утверждения о фактах. Названные предложения содержат утверждения о следующих фактах:
 - а) факт имеющихся планов снятия Владимира Коновалова с должности гендиректора «Алтайэнерго»;
 - б) факт вменения в вину руководству предприятия манипуляций с векселями и отношений с чеченскими фирмами;
 - в) факт получения названных сведений в Краевой администрации.
2. Употребление слова *якобы* не снимает утвердительность высказывания, не переводит предложения с утверждениями о фактах в разряд предложений с высказанными мнениями.
3. Да, вводная конструкция *«По сведениям из краевой администрации»* относится и ко второму предложению первого абзаца.
4. Вопрос о квалификации фразы как порочащей деловую репутацию не входит в компетенцию эксперта-лингвиста.
5. Выражение «некими чеченскими фирмами» в контексте анализируемой статьи содержит отрицательный смысл. Слово «некий» усиливает, актуализирует отрицательный смысл исследуемого фрагмента текста.
6. Да, в тексте статьи содержатся лингвистические средства воздействия на сознание читателей, направляющие их в сторону негативной оценки деятельности чеченских фирм (прием снижения критичности восприятия речевого сообщения, прием умолчания, манипуляции с указанием источников информации).
7. Большинство ссылок на источники информации являются неопределенными. В статье присутствуют две определенные ссылки: одна с указанием фамилии человека и занимаемой им должности; другая, менее точная, называет учреждение в качестве источника информации.
8. Жанр комментария предполагает разъяснение какого-либо текста путем примечаний и толкований.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Комментарий «СК»

По сведениям из Краевой администрации, Владимир Коновалов будет снят с должности гендиректора «Алтайэнерго». В вину руководства предприятия якобы вменяются манипуляции с векселями (у одних держателей их выкупили по номиналу, у других – намного ниже номинала) и отношения с некими чеченскими фирмами.

Александр Суриков обещал, что проблема менеджмента энергокомпании решится в последней декаде июля - именно тогда губернатор должен быть встретиться с управляющим РАО «ЕЭС России». Но тогда встреча Сурикова с Чубайсом не состоялась. В конце прошлой недели Суриков снова летал в Москву, но неизвестно, встречался он с Чубайсом или нет. По словам пресс-секретаря губернатора Андрея Ляпунова, на планерке 6 августа Суриков ничего об этом не говорил.

Среди претендентов на пост гендиректора «Алтайэнерго», кроме Владимира Райфикешта и Валерия Ларионова, называются и другие фамилии. Из энергетиков – руководитель «Энергосбыта» Александр Нестеров, из чиновников – вице-губернатор Владимир Германенко. На прошлой неделе один из источников «СК» сообщил, что есть и другая информация: « На днях в «Алтайэнерго» пришлют нового генерального». Кстати с некоторых пор заместителем генерального директора «Омскэнерго» работает Сергей Потапов- «человек Чубайса», бывший вице-губернатором в администрации Райфикешта. Не о Потапове ли речь?

Что же касается Райфикешта, то некоторые наши источники прочат ему также пост директора строительства Катунской ГЭС. Говорят также, что Суриков может согласиться на назначение Райфикешта генеральным директором «Алтайэнерго» в обмен на гарантию Чубайса начать строительство ГЭС в Горном Алтае.

Коновалов, несмотря на разгоревшиеся вокруг него страсти, на совете администрации края 6 августа выглядел бодрым и уверенным. Но это мало о чем говорит.

Материалы страницы подготовил Дмитрий Негреев

Из отзыва представителя ответчика на исковое заявление: « ... В статье нет ни единой фразы, которая порочит чью-либо честь и достоинство.* Во-первых, употребление термина «якобы» свидетельствует о том, что автор не утверждает информацию, а предполагает, высказывает мнение, которое не подпадает под категорию «сведения», на что обратил внимание по конкретным делам Европейский суд по правам человека. Ст. 152 ГК РФ во внимание принимает лишь сведения. Аналогичное положение содержится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, абз.2 п.2 которого указывает, что порочащими могут быть признаны утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов, которые умаляют деловую репутацию юридического лица. В публикации не высказано ни одного утверждения, более того, автор

употребляет словосочетание «якобы вменяются», что еще больше усиливает неопределенность высказывания.

Достоверность мнений не может быть подтверждена или опровергнута. Кроме того, фраза «будет снят с должности» рассчитана на реализацию действий в перспективе, что также исключает возможность ее подтверждения применительно к любому лицу.

Во-вторых, «отношения с некими чеченскими фирмами» - фраза, которая не может порочить честь и достоинство как самих фирм, граждан Чечни, так и тех, кто с ними связан, поскольку Чеченская республика, являясь одним из 89 субъектов РФ, входит в состав России, что исключает употребление о ней информации и понимание ее в негативном смысле.

В уточненном исковом заявлении не указан источник, в котором слову «некий» соответствуют значения «презрительный», «пренебрежительный», «неодобрительный». Ни один из известных словарей (толковых) русского языка не придает слову «некий» никаких значений, кроме значения «неизвестный», «неопределенный». Таким образом, доводы истца и о том, что употребление этого слова порочит деловую репутацию указанных им субъектов, не обоснованы...»

*Текст воспроизводится с сохранением орфографии, пунктуации и стиля автора.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по гражданскому делу по иску Лапкина И.Т. к ГТРК «Алтай» о защите чести, достоинства, компенсации морального вреда

- Основания для проведения лингвистического исследования: определение Центрального районного суда г. Барнаула по делу № 2-761/02 по иску Лапкина И.Т. к ГТРК «Алтай».
- В распоряжение эксперта были предоставлены следующие материалы:
 1. Определение суда о назначении экспертизы
 2. Материалы гражданского дела № 2-761/02 по иску Лапкина И.Т. к ГТРК «Алтай».
 3. Приложение – видеокассета с записью фильма «Потеряевка: легенды и реальность» и программы «На лестничной площадке».
- На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:
 1. Определить содержательно-смысловую направленность выражений:
 - «Потеряевка: легенды и реальность»;
 - «...тогда сначала я должен того устранить и убить, тогда преграда устраняется, а это не всегда удается» (трижды повторяется);
 - «чтобы заработать миллион долларов, нужно не книги писать, а создать свою религию»;
 - «Его /Лапкина / можно встретить в образе убогого старца, из кармана которого всегда торчит мобильный телефон»;
 - «Лапкин обещает воспитывать детей в лучших традициях православной веры, именно на это клюют родители».
 - Объект экспертизы: ТВ-текст передачи «Потеряевка: легенды и реальность» и программы «На лестничной площадке»
 - Средства и методы экспертизы: семантический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы.
 - Используемая литература:
 1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения.- М.,1986.
 2. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева.- М.: 1999.
 3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
 4. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ.- М.:”Права человека”,1997.
 5. Русская грамматика. М., 1982
 6. Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения.- М., 2002.
 7. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Для анализа содержательно-смысловой направленности высказываний необходимо ответить как минимум на три вопроса, выясняющих юридическое содержание текста:

- 1) Содержит ли текст информацию о лице?
- 2) Содержит ли текст негативную информацию о лице?
- 3) В какой форме – утверждение, предположение – дана эта информация? (Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002).

(1) Потеряевка: легенды и реальность

Слово *легенда* имеет следующие значения:

1. Основанное на устных преданиях, опозитизированное сказание об историческом или вымышленном лице, событии и т.п.
2. О чем-либо невероятном, о выдумке, вымысле (Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения.- М., 2002.).

Слово *реальность* согласно толковому словарю означает следующее:

1. То, что существует на самом деле; действительность (Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения.- М., 2002).

Употребление в заголовке антонимичных, т.е. противоположных по смыслу слов (с одной стороны, – опозитизированные сказания, вымысел, с другой, – действительность) свидетельствует о намерении автора дать полную картину жизни в Потеряевке, начиная с легенд (опозитизированных преданий, выдумок, вымыслов) и заканчивая объективным показом действительности. Информации о лице данная фраза не содержит.

(2) «...тогда сначала я должен того устранить и убить, тогда преграда устраняется, а это не всегда удается» (трижды повторяется)

Для выяснения смысла данной фразы необходимо привести ее полностью: *А если считать, что виноват кто-то, и он мешает достичь цели, тогда сначала я должен того устранить и убить, тогда преграда устраняется, а это не всегда удается* (предложение приведено из искового заявления с сохранением пунктуации автора). Приведенная фраза содержит утверждение о том, что для устранения преграды, мешающей достичь цели, необходимо устранить и убить виновного. Трехкратное повторение части высказывания призвано эмоционально воздействовать на зрителя, акцентировать на ней внимание зрителя.

В исковом заявлении указывается, что эта часть высказывания составлена из изречений Иоанна Златоуста и Ф.М. Достоевского. Смысл данной фразы противоречит тем идеям, которые проповедовали Иоанн Златоуст и Ф.М.

Достоевский. Кроме того, оформление анализируемой фразы сделано неверно. В исковом заявлении истец в конце предложения ставит кавычки (эта фраза взята в кавычки и в определении суда), представляя анализируемую фразу как цитату. Однако, во-первых, кавычки на письме должны ставиться с двух сторон, а во-вторых, в устной речи они должны быть вербально обозначены.

Цитата – точная дословная выдержка из какого-либо текста, высказывания. В письменной речи по правилам русской пунктуации цитаты выделяются кавычками, указывается источник цитаты – автор и произведение. В устной речи цитаты также должны быть маркированы. При прямом цитировании указывается автор, произведение и сама цитата, при этом используются вводные слова (например, *как говорил известный писатель* и пр.), лексические показатели цитации (слова «цитирую» или «далее цитата» - перед цитатой, а после окончания цитаты - слова «конец цитаты»). При косвенном цитировании автор прямо не указывается, а при цитируемом выражении стоят вводные слова (*как говорил классик, как сказано в таком-то произведении, как подметил один из великих* и пр.). Непрямое анонимное (без названия имени автора) цитирование возможно лишь в том случае, когда цитата хорошо известна всем образованным носителям русского языка и представляет собой так называемое крылатое выражение или афоризм, которые зафиксированы в специальных словарях [см. подробнее об этом: *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002*]. В словарях данное высказывание не зафиксировано, поэтому признать его крылатым выражением, которое может цитироваться без указания на источник, нельзя.

Итак, анализируемое высказывание содержит утверждение о том, что для устранения преграды, мешающей достичь цели, необходимо устранить и убить виновного. Высказывание не может быть признано цитатой, и трехкратное повторение части высказывания акцентирует на ней внимание зрителя /слушателя как на мысли говорящего.

(3) «чтобы заработать миллион долларов, нужно не книги писать, а создать свою религию»

Данная фраза содержит утверждение о том, что создание собственной религии – способ заработать миллион долларов. Фраза оформлена как цитата, о чем свидетельствуют прозвучавшие в передаче предшествующие ей слова: «...я вспомнил изречение Рона Хаббарда» (об оценке какого-либо выражения как цитаты см.: [Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002]).

Анализируемая фраза звучит в конце передачи и является цитатой, которая не содержит негативной информации о конкретном лице.

Употребляя эту фразу, автор передачи напрямую не подводит итоги, он предлагает зрителю сделать это самостоятельно, с помощью цитаты подсказывая выводы, к которым он пришел сам. Информации о конкретном лице фраза не содержит.

(4) «Его /Лапкина / можно встретить в образе убогого старца, из кармана которого всегда торчит мобильный телефон»

Для уяснения смысла этой фразы необходимо уточнить значение некоторых слов.

Образ – 1. То, что рисуется, представляется внутреннему взору, воображению кого-либо. (Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения.- М., 2002)

Убогий – 1. Крайне бедный, нищенский (перен.).

2. Немощный, увечный, жалкий на вид. (разг.) (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001)

Старец – 1. Старик (обычно о человеке уважаемом, почитаемом; высок.). (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001).

Ни одно из этих слов не содержит при себе помет типа «бранное», «презрительное» и пр., что свидетельствует о том, что употребление данных слов не ведет к нарушению речевой нормативности.

Ключевым словом для понимания данной фразы является слово *образ*. Ср.: «Журналист описывает не событие как таковое и не сценарий как таковой, а их психический образ...Событие выступает в сознании журналиста в виде образа события. Образ события описывается при помощи текста, причем конечная задача этого текста – создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или слушателя)». [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ.- М.:”Права человека”,1997, с. 52]. Анализируемая фраза не содержит утверждения о лице. Автор рисует образ и пытается с помощью художественного приема – иронии - передать свое негативное отношение к нему.

Итак, данная фраза не содержит утверждения о том, что Лапкин – убогий старец и что он имеет мобильный телефон. Цель данной фразы состоит в передаче противоречивого представления о Лапкине, в создании его двойственного образа (с одной стороны, он публично представляет себя крайне бедным, с другой, - имеет мобильный телефон), в эмоциональном воздействии на зрителя. Поскольку речь идет об образе Лапкина, а не о реальном человеке, то анализируемая фраза не может быть верифицирована, т.е. проверена на предмет соответствия или несоответствия действительности.

(5) «Лапкин обещает воспитывать детей в лучших традициях православной веры, именно на это клюют родители».

Данная фраза содержит следующие утверждения: (1) Лапкин обещает воспитывать детей в лучших традициях православной веры; (2) Родители увлечены этим.

В высказывании отсутствует ненормативная лексика; слово «клевать» употреблено в переносном смысле и согласно толковому словарю имеет следующее значение: Клевать – перен. Давать себя обмануть, увлечь чем-либо. (Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения.- М., 2002).

Учитывая негативное значение слова «клевать», выводим третье, косвенное, утверждение, которой может подразумеваться этой фразой: утверждение о невыполнении Лапкиным своих обещаний. В то же время во фразе отсутствует утверждение об активной позиции Лапкина: Лапкин не обманывает, обманываются родители (к примеру, не вникнув в обещания Лапкина, по-своему их интерпретировав, возлагая слишком большие надежды и пр.).

Итак, анализируемая фраза содержит, во-первых, прямое утверждение об обещаниях Лапкина воспитывать детей в лучших традициях православной веры, во-вторых, прямое утверждение об увлечении родителей такими обещаниями, в-третьих, употребление слова «клевать» позволяет сделать вывод о наличии в анализируемой фразе косвенного утверждения о невыполнении данных обещаний.

ВЫВОДЫ

1. Употребление в заголовке антонимичных, т.е. противоположных по смыслу слов (с одной стороны, – опозитизированные сказания, вымысел, с другой, - действительность) свидетельствует о намерении автора дать полную картину жизни в Потеряевке, начиная с легенд (опозитизированных преданий, выдумок, вымыслов) и заканчивая объективным показом действительности. Информации о лице данная фраза не содержит.
2. Высказывание содержит утверждение о том, что для устранения преграды, мешающей достичь цели, необходимо устранить и убить виновного. Высказывание не может быть признано цитатой, и трехкратное повторение части высказывания акцентирует на ней внимание зрителя /слушателя/ как на мысли говорящего.
3. Анализируемая фраза звучит в конце передачи и является цитатой, которая не содержит негативной информации о конкретном лице. Употребляя эту фразу, автор передачи напрямую не подводит итоги, он предлагает зрителю сделать это самостоятельно, с помощью цитаты подсказывая выводы, к которым он пришел сам. Информации о конкретном лице фраза не содержит.
4. Данная фраза не содержит утверждения о том, что Лапкин – убогий старец и что он имеет мобильный телефон. Цель данной фразы состоит в передаче противоречивого представления о Лапкине, в создании его

двойственного образа (с одной стороны, он публично представляет себя крайне бедным, с другой, - имеет мобильный телефон), в эмоциональном воздействии на зрителя. Поскольку речь идет об образе Лапкина, а не о реальном человеке, то анализируемая фраза не может быть верифицирована, т.е. проверена на предмет соответствия или несоответствия действительности.

5. Анализируемая фраза содержит, во-первых, прямое утверждение об обещаниях Лапкина воспитывать детей в лучших традициях православной веры, во-вторых, прямое утверждение об увлечении родителей такими обещаниями, в-третьих, употребление слова «клевать» позволяет сделать вывод о наличии в анализируемой фразе косвенного утверждения о невыполнении данных обещаний.

Для разрешения данного дела по существу считаем необходимым добавить, что в целом передача носит дискуссионный характер, является авторским взглядом на потеряевский лагерь-стан (о чем свидетельствует повествование от первого лица, размышления автора в начале и в конце передачи и пр.). Автор с языковой точки зрения корректно, без употребления оскорбительной лексики дает свою оценку детскому лагерю-стану, привлекает внимание общественности к проблемным вопросам существования лагеря. Отрицательное мнение автора выражается с помощью нормативных речевых средств и приемов, присущих публицистическому стилю и обусловленных критической направленностью данной передачи, потребностью эмоционального воздействия на зрителя.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по гражданскому делу по иску отдела по защите прав потребителей администрации г. Барнаула в интересах Ивановой Н.Н. к ООО «Авиастар» и ООО «Мультисервис»

- Основание для проведения лингвистического исследования: запрос заместителя заведующего отделом по защите прав потребителей администрации г. Барнаула Кирюшиной И.В.
- Эксперт: Матвеева О.Н.
- В распоряжение эксперта были предоставлены следующие материалы:
 - 1) Копия квитанции № АБ 001216
 - 2) Копия приложения к квитанции № АБ 001216
 - 3) Копия искового заявления о возмещении материального и компенсации морального вреда отдела по защите прав потребителей в интересах Ивановой Н.Н. к ООО «Авиастар» и ООО «Мультисервис»
 - 4) Копия возражения ответчика (ООО «Мультисервис») на исковое заявление
- На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:
 - 1) К какому стилю речи относится текст квитанции и правильно ли в связи с этим он составлен?
 - 2) Каково значение слова «оценка» в современном русском языке? Каково значение слова «оценка» в тексте квитанции?
 - 3) В квитанции присутствует графа «оценка вещи», в приложении к квитанции есть графа «износ вещи». Являются ли словосочетания «оценка вещи» и «износ вещи» синонимичными?
 - 4) Каково буквальное значение того фрагмента текста квитанции, где в графе «количество» указано «75%»? Можно ли считать, что «75%» относится к графе «оценка вещи»? Если да, то каково буквальное значение данного фрагмента текста?
- Объект экспертизы: текст квитанции
- Средства и методы экспертизы: семантический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы

Используемая литература:

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка // Под ред. Л.А. Чешко.- М.,1969.
2. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева.- М.: 1999.
3. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1997.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
5. Словарь русского языка: В 4-х томах / АН СССР, Институт русского языка.- М., 1981-1984. Т 2.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1

Текст квитанции относится к официально-деловому стилю речи. Типовой официально-деловой ситуацией, порождающей необходимость составления исследуемого нами текста, является ситуация заключения гражданско-правового договора. Как и в любом жанре документа, в квитанции присутствует, во-первых, ряд постоянных элементов содержания, которые одинаковы для каждой квитанции и предполагают простую «подстановку» (ср. имеющиеся готовые бланки квитанции), а во-вторых, ряд переменных элементов содержания, отражающих конкретную информацию.

Основными требованиями, предъявляемыми к текстам официально-делового стиля речи, являются требования точности, однозначности, ясности выражения информации. Ни постоянная, ни переменная информация в исследуемом тексте не отвечает названным требованиям. Так, например, в квитанции присутствуют графы «количество», «оценка вещи», «износ вещи», но ни в одной из этих граф не указаны единицы измерения количества, оценки, износа, что противоречит требованию точности и ясности выражения информации. Неточно и неясно изложена в квитанции и переменная информация: в графе «количество» указано «75%», графы «оценка вещи» и «износ» не заполнены вообще. Кроме того, крайне неразборчивый почерк служит серьезной помехой в восприятии содержания текста.

Отсутствие в указанных графах единиц измерения и неясное заполнение квитанции привели к спорной ситуации. Составленный таким образом текст «провоцирует» на разночтения: в силу неопределенности формулировок постоянных элементов текста квитанции истец и ответчик, заполняя квитанцию, подразумевали под одной и той же фразой разные значения. Естественно, что каждый интерпретировал эту неясную фразу в свою пользу, т.е. так, как было удобно и выгодно именно ему.

Исходя из вышесказанного, следует признать, что текст квитанции, хотя и относится к официально-деловому стилю речи, не отвечает в полной мере требованиям, предъявляемым к текстам такого рода.

Вопрос 2

По данным толковых словарей слово «оценка» имеет следующие значения:

- 1. См. оценить (оценить – 1. определить цену кого-чего-н. 2. Установить качество кого-чего-н., степень, уровень чего-н. 3. Высказать мнение, суждение о ценности или значении кого-чего-н.). 2. Мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-н. 3. То же, что отметка (в 3 знач.) (Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой.- М., 1997)

- 1. Действие по значению глагола оценить; 2. Стоимость, цена чего-либо; 3. Мнение, суждение о качествах, характере кого-либо, чего-либо; 4. Отметка, выставляемая преподавателем при определении знаний, качества какой-либо работы учащегося (Словарь русского литературного языка Академии наук, 1959, т.8)

- 1. Действие по значению глаголов оценить - оценивать (оценить –1. Назначить цену кому-, чему-л., определить стоимость чего-л., 2. Составить представление, суждение о ком-, чем-л., определить значение, характер, роль и т.п. кого-, чего-л.); 2. Мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении и т.п. кого-, чего-л.; 3. Принятое обозначение степени знаний и поведения учащихся; отметка (Словарь русского языка: В 4 томах.- М.,1981-1984. Т 2 (К-О)).

- 1. См. оценить (1.определить цену кого-чего-н.; 2. Установить степень, уровень, качество чего-н.; 3.перен. Составить представление, суждение о ценности или значении кого-чего-н. 4. перен. Понять, признать достоинства кого-чего-н.); 2. Мнение о ценности, уровне, значении чего-н. (Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1997)

В тексте квитанции слово *оценка* употреблено в значении «*стоимость, цена вещи*».

Вопрос 3

Во-первых, в тексте квитанции и приложении содержится две отдельные графы- «оценка вещи» и «износ». Указанное обстоятельство не позволяет признать словосочетания «оценка вещи» и «износ вещи» синонимичными. (См. также ответ на вопрос №1 о принадлежности исследуемого текста к официально-деловому стилю речи).

Во-вторых, в Словаре синонимов приводится следующий синонимический ряд к слову «оценка»: 1. отзыв, аттестация, рецензия; 2. отметка, балл; 3. понимание, восприятие; 4. критика, рассмотрение, разбор.

Слово «износ» в приведенном синонимическом ряду отсутствует.

Таким образом, для синонимизации слов «оценка» и «износ» нет оснований.

Вопрос 4

Слово «количество» имеет в современном русском языке следующие значения:

1. Степень выраженности измеряемых свойств предметов, явлений, их мерные характеристики (спец.)

2. Величина, число (в 3 знач.) (Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой.- М., 1997)

Графе «количество» предшествует графа «наименование и краткое описание вещи», следовательно, опираясь на словарное значение слова

«количество» делаем вывод о том, что в графе «количество» необходимо указывать число сданных в химчистку вещей. Таким образом, запись «75%» не может относиться к графе «количество, т.е. данная запись указывает оценку вещи.

Исходя из словарного значения слова «оценка» (см. ответ на вопрос №2) и полагая, что запись «75%» относится к графе «оценка вещи», считаем, что данный фрагмент текста буквально указывает, что вещь оценивается в «75% от стоимости вещи».

ВЫВОДЫ

1. Текст квитанции принадлежит официально-деловому стилю речи, но не соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода документам.
2. В тексте квитанции слово «оценка» употреблено в значении «стоимость, цена вещи».
3. Слова «оценка» и «износ» синонимами не являются.
4. В исследуемом фрагменте текста буквально указано, что вещь оценена в «75% от стоимости вещи».

Из возражения ответчика ООО «Мультисервис» на исковое заявление: «Иванова Н.Н. обратилась в суд с иском к ООО «Мультисервис» о взыскании двукратной цены поврежденной вещи, расходов по оплате договора об оказании услуг и компенсации морального вреда вследствие повреждения ее плаща при химической чистке и подкраске.

Требования истца считаю необоснованными и не подлежащими удовлетворению по следующим основаниям:

ООО «Авиастар» оказывало услуги ООО «Мультисервис» по приемке и выдаче вещей заказчиком на основании договора поручения от 01.05.99 г. (п.п. 1.1, 2.2). В соответствии с условиями договора, ООО «Авиастар» обязалось согласно «Правилам бытового обслуживания населения», «Руководства для работников приемных пунктов предприятий бытового обслуживания населения в РФ» осуществлять прием и выдачу вещей от населения с заполнением квитанций строгой отчетности формы БО – 5, производить осмотр вещей, результаты которого отмечать в квитанции. Пунктом 5.1 договора предусмотрена ответственность ООО «Авиастар» за неправильное оформление квитанции. ООО «Мультисервис» несет ответственность за качество услуг, сроки их исполнения, утрату вещей (п. 5.2. договора).

В соответствии с квитанцией № 001216 Иванова была предупреждена о том, что кожаное пальто имеет 75% износа, загрязнено, имеет пятна. С определением дефектов, оценкой изделия и возможными последствиями обработки истец согласился, о чем свидетельствует его подпись в квитанции. Договор бытового подряда был заключен».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по гражданскому делу о защите избирательных прав по иску И.Б. Вольфсона

Основание для проведения исследования: запрос депутата Алтайского краевого Совета народных депутатов И.Б. Вольфсона.

Вопросы: Имеет ли текст, используемый в агитационном видеоролике партии «Единая Россия», только одно значение?

Объект исследования: текст агитационного видеоролика:

«Вместе с Президентом.

Выбирай ЕДИНУЮ РОССИЮ

Выборы в краевой Совет народных депутатов»

Используемая литература:

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
3. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002.
4. Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
5. Языковое манипулирование общественным сознанием / Сост. О.Н.Быкова. Красноярск, 1999.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Текст «Вместе с Президентом. Выбирай ЕДИНУЮ РОССИЮ/ Выборы в краевой Совет народных депутатов» содержит намеренно созданную множественность смысла. Точка в конце фразы «Вместе с Президентом» не исключает возможность различной интерпретации данного текста.

Одним из вариантов понимания указанного текста может быть восприятие его как единой синтаксической структуры, представленной несколькими коммуникативно самостоятельными фразами³³. Расчленение высказывания на отдельные фразы служит для актуализации определенного смысла, выделения наиболее важного, значимого. При таком подходе содержание анализируемого текста воспринимается как призыв голосовать на выборах в краевой Совет народных депутатов, как и Президент, за «Единую Россию». Кроме того, при просмотре видеоролика установлено, что указанный текст сопровождается устным высказыванием: «Вместе с Президентом / выбирай единую Россию» (текст размещается на фоне российского флага, в правом верхнем углу – эмблема партии «Единая Россия»). Устное высказывание,

³³ В лингвистике такое высказывание называется **парцеллированным**. **Парцелляция** – это экспрессивный синтаксический прием письменного литературного языка: высказывание интонационно делится на самостоятельные отрезки, графически выделенные как самостоятельные предложения. Парцелляция является способом представления единой синтаксической структуры несколькими коммуникативно самостоятельными единицами- фразами (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990).

которое сводится к призыву голосовать вместе с Президентом за «Единую Россию», актуализирует указанный смысл.

Согласно Толковому словарю русского языка слова «*вместе с Президентом*» указывают на совместность, участие в одном и том же действии, пребывание в одном и том же состоянии (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М, 1999.).

Глагол *выбирай* в повелительном наклонении означает призыв определить для себя нужное, предпочитаемое, избрать голосованием (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М, 1999.).

Другой вариант интерпретации данного текста – это восприятие его как состоящего из отдельных предложений, не связанных друг с другом синтаксически. Смысловая связь этих предложений, хотя и имеется, также остается непроясненной: образуется так называемая смысловая лакуна, при которой адресат текста (в данном случае – избиратель), стремящийся к осмыслению воспринимаемого текста как связного, оказывается вынужденным восполнять его суждениями, соответствующими невысказанной (поскольку она якобы очевидна) точке зрения адресата (возможные варианты восприятия: «*Выбирай Президента и выбирай Единую Россию*», «*Мы вместе с Президентом, поэтому голосовать нужно за нас – Единую Россию*» и пр.).

Поскольку в целом текст предполагает множественность возможных интерпретаций, то при его восприятии включаются механизмы апперцепции. Апперцепция – внутренняя готовность воспринять и интерпретировать какой-либо объект или эпизод действительности вполне определенным образом. Готовность извлечь из информации определенный смысл и вынести те или иные оценочные суждения зависит от конкретной ситуации, опыта человека, его знаний, формы и построения материала, а также от отдельных слов. Эти слова зачастую задают направленность нашему вниманию и подразумевают конкретные эмоционально-оценочные выводы и заключения, которые в законченном виде могут даже не формулироваться. В анализируемом тексте такую роль играют слова «*Вместе с Президентом*».

Кроме того, в видеоролике для воздействия на избирателей путем использования специальных речевых средств и создания намеренной множественности смысла применяются особые приемы манипулирования сознанием

В анализируемом видеоролике используется прием речевого воздействия, нацеленный на формирование у избирателей нужных установок путем снижения критичности восприятия текста. Данный прием называется апелляцией к авторитету. В агитационном тексте использование слова *Президент* является знаковым. Ссылка на главу государства, гаранта Конституции Российской Федерации, определяющего политику государства, использование символа российской государственности – российского флага – усиливает воздействие текста и внушает избирателям определенный тип поведения на выборах – голосовать, как и Президент, за партию «Единая Россия».

Речевые средства эмоционального заражения создают определенный психологический настрой, установки и т.д. (к примеру, «*Если Президент за «Единую Россию», то и мне необходимо голосовать так*»). Таким образом, в видеоролике используются приемы языкового манипулирования, в основе которых лежат такие психолингвистические и психологические механизмы, которые вынуждают избирателей некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют на совершение определенных действий.

ВЫВОДЫ

Текст, используемый в агитационном видеоролике партии «Единая Россия», намеренно создан таким образом, что имеет более чем одно значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по материалам газеты «Вести Первомайского района»

Основание для проведения исследования: запрос главы администрации Первомайского района Ефремова П.В.

Вопросы:

1. Являются ли публикации в газетах «Вести Первомайского района» агитационными?
2. Есть ли призывы к насилию в статье «За такое стрелять надо!», опубликованной в газете «Вести Первомайского района» (выпуск 1)?

Объект исследования: серия публикаций в газете «Вести Первомайского района» (выпуски 1, 2(3), 4(5), 5(6), 6 (7)).

Используемая литература:

1. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского М.: Медея, 2004г. – 104с.
2. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп.- М.: Галерея, 2002.- 424 с.
3. Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.
4. Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.
5. Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
6. Кара-Мурза Е.С. В помощь редакторам: эксперты-лингвисты о предвыборной информации и агитации // Обреченные на немоту? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. - М., 2003.-120с.
7. Кара – Мурза Е.С. Манипулятивные языковые приемы не помогут избежать наказания // www.rusexpert.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1. Лингвистическими признаками агитации являются:

1. Политическая тематика текста, в частности предвыборная;
2. Оценочные конструкции (положительные – в адрес «своего» кандидата, «своей» партии и отрицательные – в адрес конкурентов);
3. Побудительные конструкции, включая косвеннопобудительные высказывания.

Проанализируем представленные материалы на наличие указанных признаков.

1) Тематика большинства рубрик и статей представленных для исследования выпусков газеты «Вести Первомайского района» касается прямо или косвенно избирательной кампании.

В выпуске 2 (3) имеется интервью с А. Терновым «Мы не должны зависеть³⁴», которая прямо связана с предвыборной тематикой, поскольку в нем говорится о намерении А. Тернового принять участие в выборах главы Первомайского района, о целях этого участия. В выпуске 2 газеты помещено открытое письмо А. Тернового в администрацию Первомайского района, в котором критикуется деятельность действующей администрации, намечаются «выходы из сложившейся ситуации».

В газете имеется рубрика «Опрос общественного мнения», в которой представлены результаты опроса по следующим вопросам: «Кто виноват в развале экономики Первомайского района?» (выпуски 4(5), 5(6)), «Как Вы оцениваете работу администрации Первомайского района?» (выпуск 2(3)), «Сегодня Вам живется лучше или хуже, чем три года назад?» (выпуск 2), «Какая проблема в настоящее время Вас беспокоит больше всего?» (выпуск 1).

2) Анализ статей газеты и рубрики «О чем говорят» показывает, что газетой избрана стратегия дискредитации действующего руководства Первомайского района, которое оценивается отрицательно. Приведем в качестве примера некоторые высказывания:

«В том, что сельское хозяйство покатило вниз, во-первых, виновата в целом государственная политика, а во-вторых, виновата и районная администрация. Ведь ситуация в районе с приходом Ефремова стала меняться не в лучшую сторону» (выпуск 4(5));

«Уж если человеку дана власть, то ее надо использовать во благо людей, а не так, как делает Ефремов» (выпуск 2);

«За Фирсово должен отвечать район. А если не отвечает, то зачем нам такая администрация?! Зачем людям власть, которая допускает развал?!» (выпуск 1)

«Ведь земля ни в чем не виновата. И она не должна отвечать за ошибки руководства. А из-за этих ошибок в итоге убытки несут и фермеры, и коллективные хозяйства, и в целом экономика района» (выпуск 2(3)).

В то же время дается положительная оценка личности и деятельности Александра Тернового:

«Но при этом есть конкретные люди, которые хотят заниматься сельским хозяйством. Вот их и надо приветствовать! Тот же Терновой. Уже столько сделал! И еще больше сделает!» (выпуск 4 (5));

«Пришел умный руководитель и стал поднимать погибающее хозяйство. И людям от этого польза! Если бы не Терновой Александр Иванович, то нам с вами и говорить то было бы не о чем» (выпуск 5(6)).

«Хотя стали появляться и настоящие хозяева. Вот Терновой, например. Он пришел созидать. Вот таких бы людей побольше!»

³⁴ Орфография и пунктуация текстов приводится без изменений.

Инициативность, требовательность и ответственность должны быть в руководителе» (выпуск1).

Рубрика «О чем говорят» содержит высказывания людей по различного рода проблемным вопросам. Высказывания подобраны таким образом, что они характеризуют деятельность администрации только с отрицательной стороны, дают картину ухудшения жизни населения в Первомайском районе.

3) Прямых побудительных конструкций, призывающих голосовать на выборах за того или иного кандидата, в исследуемых материалах не обнаружено, однако имеются косвеннопобудительные высказывания. Наличие оценочных высказываний в адрес действующей администрации Первомайского района, в том числе в адрес главы администрации Ефремова П.В., и А. Тернового как кандидата на пост главы администрации позволяет сделать вывод, что редакция газеты явным образом формирует определенное отношение к указанным лицам, а косвенным образом намерена побудить потенциальную аудиторию к определенным действиям на выборах. Кроме того, в целом подбор материалов публикаций свидетельствует о явном агитационном намерении редакции газеты «Вести Первомайского района», поскольку газета формирует негативное мнение о действующей администрации и позитивное – о кандидате на пост главы администрации района А. Терновом, косвенным образом побуждая потенциальную аудиторию к соответствующему выбору.

Таким образом, все указанные признаки агитации имеются в представленных для анализа материалах.

Вопрос 2. В выпуске 1 газеты «Вести Первомайского района» опубликовано под заголовком «За такое стрелять надо!» интервью с В. А. Соколенко, бывшим директором совхоза «Санниковский».

Исследуемый текст является результатом определенного акта коммуникации, который представляет собой комплексное действие, включающее компоненты различной природы. С одной стороны, он содержит информацию о том или ином фрагменте действительности (эта информация может быть верифицирована, т.е. проверена на соответствие действительности). С другой стороны, текст воплощает коммуникативную установку говорящего добиться определенной реакции адресата. Так, принято различать информирование адресата о некотором положении дел, побуждение адресата к определенным действиям, выражение говорящим чувств по отношению к адресату и т.д.

Цель анализируемого интервью, как следует из редакторского вступления, – узнать, почему раньше «гордились Санниковским совхозом», а «сегодня гордиться нечем». В.А. Соколенко объясняет это тем, что на смену прежних руководителей пришли люди, перед которыми «поставлена задача –БРАТЬ!». Информирова о положении дел, говорящий, во-первых, дает свое видение каких-либо событий, во-вторых,

сообщает адресату о своем отношении к описываемому. Так, В.А. Соколенко поясняет, что, с его точки зрения (языковой показатель мнения - выражение «*a по мне так*»), это воровство: «*Поставлена задача – БРАТЬ! Вот и берут! А по мне так - ВОРУЮТ!*». Далее следует фраза «*А за такое стрелять надо!*», которая в анализируемом контексте является не призывом к насилию, а оценочным суждением. По содержанию данная фраза представляет собой крайне резкое порицание субъектов указанных действий. Коммуникативная установка побудить потенциальную аудиторию к насильственным действиям отсутствует.

Итак, в контексте статьи фраза «*А за такое стрелять надо!*» представляет собой оценку действий тех, кто «берет и ворует». Вместе с тем следует отметить, что указанная фраза агрессивна по форме (ее внутренняя форма может оказывать определенное воздействие на читателя), во-вторых, употребляется дважды (выступает в качестве заголовка и содержится в тексте интервью), что актуализирует ее агрессивность. Употребление подобных высказываний свидетельствует о конфронтационной установке говорящего.

ВЫВОДЫ

1. Представленные для исследования выпуски газеты «Вести Первомайского района» являются агитационными.
2. В статье «*За такое стрелять надо!*», опубликованной в газете «Вести Первомайского района» (выпуск 1), высказываний, содержащих призывы к насилию, не обнаружено.

Приложение 2

Проект рекомендаций по назначению лингвистической экспертизы

Лингвистическая экспертиза – особый вид лингвистического исследования в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках арбитражного, гражданского или уголовного процесса, а также непроцессуальных отношений.

Специальные познания в области лингвистики требуются, как правило, по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, об оскорблении, клевете, распространении материалов противоправного содержания, возбуждающих национальную, расовую, религиозную вражду, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам, насилию, и пр. Кроме того, лингвистические познания бывают необходимы для толкования спорных положений различных юридических документов, агитационных и рекламных текстов, исследования товарных знаков, девизов, слоганов и других коммерческих наименований и т.п.

Задачи лингвистической экспертизы:

1. Идентификационные задачи направлены на установление тождества конкретных субъектов, объектов, явлений и пр., названных в тексте.
2. Классификационные задачи направлены на установление соответствия объекта (слова, предложения, текста) определенным, заранее заданным юрислингвистическим характеристикам и отнесение его на этом основании к определенному классу.
3. Диагностические задачи направлены на установление значения текста или его фрагмента, целевого назначения текста, условий его функционирования, причины появления определенных последствий, результатов и пр. Кроме того, решение диагностических задач экспертного лингвистического исследования представляет собой итоговую лингвистическую (NB!) квалификацию исследуемого текста.
4. Ситуалогические (ситуационные задачи) задачи направлены на исследование коммуникативной ситуации, в которой произошло языковое правонарушение, и описываемого текстового события.

Примерный перечень вопросов при назначении лингвистической экспертизы:

- для решения идентификационных задач:
 1. Содержит ли текст информацию о конкретном лице?
 2. Содержит ли текст информацию о группе лиц, объединенной по этническому (социальному и т.д.) признаку?
 3. Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить, что речь идет о конкретном человеке (группе лиц)?
- для решения классификационных задач:

4. Имеется ли в тексте негативная информация о лице (группе лиц)? Каково содержание этой информации?
5. В какой форме – утверждение (сведение), мнение – дана эта информация?
6. Как представлена - эксплицитно или имплицитно - негативная информация в тексте?
7. Имеется ли в тексте негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме, противоречащей правилам речевого поведения, принятым в обществе?
8. Имеется ли в тексте инвективная лексика?
9. Имеются ли в тексте нарушения норм современного русского языка? Если да, то каких?
10. Какому стилю речи принадлежит текст?
11. В каком жанре написан текст и какое содержание предполагает этот жанр (информирование, комментирование, дискуссия, пропаганда, критика, выражение мнения, высмеивание и пр.)?
12. Какова общая речевая стратегия текста?

-для решения диагностических задач:

13. Каково значение слова (в настоящее время или в определенный исторический период)?
14. Каковы устойчивые ассоциативные связи слова «...»?
15. Допускают ли высказывания неоднозначное толкование с точки зрения их значения?
16. Какова функция кавычек в данном предложении?
17. Какова функция вопросительного знака в предложении?
18. Имеются ли в тексте ссылки на источники информации?
19. Имеются ли в тексте показатели недостоверности информации?
20. Имеются ли в тексте цитаты?
21. Имеются ли в тексте призывы, каково их содержание?
22. Имеются ли в тексте лингвистические признаки агитации?
23. Дословно ли воспроизведены в тексте высказывания? Если нет, то допущены ли искажения смысла при передаче чужой речи? (для ответа на эти вопросы необходим сравнительный материал)?
24. Написан ли текст с индивидуальной манерой изложения и стилем, присущим автору?
25. Каково значение заголовка текста и как оно соотносится с содержанием всего текста?
26. Как влияет на восприятие содержания текста расположение конфликтного текста на газетной полосе, его структура и композиция?
27. Каково коммуникативное намерение автора текста?
28. Имеются ли в тексте приемы языкового манипулирования? Если да, то какие?

29. Построен ли текст в соответствии с речевой стратегией дискредитации? Если да, то какие языковые приемы и тактические речевые ходы свидетельствуют об этом?

30. Какова характеристика слова (предложения, текста в целом) с точки зрения возможности/невозможности быть средством дискредитации?

- для решения ситуалогических задач:

31. Соответствует ли высказывание «...» принятым в обществе речевым правилам поведения?

32. Какая предметная (денотативная) ситуация описывается фразой «...»?

При назначении лингвистического экспертного исследования необходимо учесть:

- список вопросов не является исчерпывающим;
- лингвист не квалифицирует текст как порочащий, оскорбляющий, разжигающий межнациональную рознь и т.д., то есть не осуществляет юридической квалификации текста;
- для получения достоверных результатов фраза должна анализироваться только в контексте, поэтому при назначении экспертизы должен предоставляться текст в полном объеме.

Приложение 3

Типологическая характеристика юридизированных экспертными исследованиями конфликтных текстов

ТЕКСТ 1.

- Внешнеситуационный: предвыборная агитация, листовка
- Участники ситуации: адресант / партия / - адресат / массовый электорат, индивидуальный - герой публикации/
- Иллокутивный: цель – агитация
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения
- Модальный: модальность достоверности
- Перлокутивный: унижение чести, достоинства и деловой репутации
- Индикаторы конфликта: стратегия дискредитации, жаргонная, негативнооценочная лексика
- Текст: злоупотребление

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по тексту предвыборной листовки «Крестьяне! Вас снова обманывают!»
(Бринев К.И., г. Барнаул)

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в тексте негативная информация о господине Бессонове? В каких компонентах текста?
2. В какой форме утверждение или предположение выражена информация о господине Бессонове?
3. Каков смысл использования различного рода шрифтов и цветовых выделений в тексте листовки?
4. Каково значение слова «накалывать» в контексте предложения «Мое мнение: вот кандидат Бессонов – живет в Барнауле, а крестьян успевают накалывать»?
5. Каков буквальный смысл фразы «из вашего крестьянского кармана»? Связан ли этот смысл (и если связан, то каким образом) с текстом всей листовки?
6. Каково значение слова «мнение» в данном тексте. Как это значение связано со смыслом текста в целом?
7. Каков буквальный смысл предложения «Да и чужое присваивать ему не привыкать – «Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже сельчан в

- денежном тупике держат.... Зарплату не выдают сколько лет – как такое возможно?»
8. Затрагивает ли отрывок «Мое мнение: вот кандидат Бессонов- живет в Барнауле... Да и чужое присваивать ему не привыкать – «Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже сельчан в денежном тупике держат.... Зарплату не выдают сколько лет – как такое возможно?» честь, достоинство и деловую репутацию господина Бессонова?
9. Каково значение слова «кормушка» в тексте листовки? Имеет ли это слово отрицательную оценку?
- * Объект экспертизы - текст листовки «Крестьяне! Вас снова обманывают!».
 - * Средства и методы экспертизы: семантический и функционально-стилистический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Прежде чем перейти непосредственно к ответам на поставленные перед нами вопросы, считаем нужным охарактеризовать текст листовки, представленной к экспертизе, в целом. Основная цель данного текста – реклама партии ЛДПР. Это вытекает из следующих выделенных в тексте фрагментов «Крестьяне! Вас снова обманывают!»; «Алтай в обиду не дадим!»; «Голосуйте за партийный список ЛДПР»; «ЛДПР- Помним о русских! Заботимся о бедных». Рекламный «эффект» достигается за счет намеренного снижения образов и распространения негативной информации о кандидатах от других партий: в данном случае о кандидате Бессонове.

Вопрос 1

Негативная информация о Бессонове выражена в тексте прямым и косвенным образом. Прямое выражение негативной информации представлено в следующих текстовых фрагментах: «Кандидат Бессонов крестьян успевает накалывать»; «Откуда у него деньги? Из вашего крестьянского кармана»; «Да и чужое ему присваивать не привыкать – ««Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже сельчан в денежном тупике держат»; «Зарплату не выдают сколько лет». Последние два компонента текста содержат негативную информацию о деятельности Бессонова вследствие логических связей между пропозициями, которые выражены в названных компонентах текста.

Косвенным образом негативная информация о Бессонове выражена в следующих компонентах текста: «Крестьяне! Вас снова обманывают!»; «Нет ни одного достойного кандидата». В этом случае тот факт, что данная информация характеризует именно Бессонова основан на принципе включения: кандидат Бессонов включается во множество недостойных кандидатов и во множество тех, кто обманывает крестьян.

Вопрос 2

Информация о Бессонове выражена в форме утверждения, на это указывает отсутствие маркеров, формирующих значение предположения «вероятно», «возможно» и т.п.

Вопрос 3

Выделение более крупным шрифтом, а также цветное выделение определенных компонентов текста функционально предназначено для выражения особо важных в содержательном отношении текстовых фрагментов. Причем выделенные части образуют вполне независимый текст (своего рода «текст в тексте»). В листовке представлены два таких «текста»:

1. «Бессонов – крестьян успевае^т накалыва^{ть}» – (деньги) «Из вашего крестьянского кармана» – «Нет ни одного достойного среди кандидатов».
2. «Крестьяне! Вас снова обманывают» - «Алтай в обиду не дадим» - «ЛДПР – Помним о русских! Заботимся о бедных!».

Противопоставление этих двух «текстов» осуществляется на основе оценки: личность и деятельность кандидата Бессонова оценивается негативно, напротив возможности ЛДПР в решении социальных проблем представлены в листовке в позитивном ключе. Такая смысловая организация соответствует исходной цели листовки, сформулированной нами выше.

Вопрос 4

Слово «накалывать» не принадлежит сфере русского литературного языка. Это элемент системы современного жаргона, который был им заимствован из арго деклассированных элементов. Исходя из контекста фразы, значение данного слова может быть сформулировано следующим образом «легко обманывать кого-то». Употребление жаргонизма вносит в текст добавочные значения: снижает образ кандидата Бессонова, а также усиливает негативную оценку его деятельности, характеризуя ее как деятельность преступную, свойственную преступным социальным слоям современного общества.

Вопрос 5

Данная фраза является ответом на вопрос, поставленный в самой листовке: «Откуда у него деньги?». В контексте отрывка «вот кандидат Бессонов – живет в Барнауле Из вашего крестьянского кармана» настоящая фраза включается в основной тезис данного отрывка «Бессонов обманывает крестьян», расширяя его в содержательном плане: «Деньги на выборы у Бессонова – это деньги, добытые нечестным путем (путем обмана крестьян)». Данный тезис аргументируется в следующем отрывке листовки: «Мое мнение: вот кандидат Бессонов- живет в Барнауле... Да и чужое присваивать ему не привыкать – «Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже

сельчан в денежном тупике держат.... Зарплату не выдают сколько лет – как такое возможно?».

Таким образом, буквальный смысл данной фразы – утверждение о том, что деньги на выборы Бессонов получил нечестным путем, ворую их у крестьян. Способ, при помощи которого, по утверждению автора листовки, Бессонов присваивает деньги, описан в последующем отрывке анализируемого текста.

Вопрос 6

Слово «мнение» по данным толковых словарей русского языка имеет следующие значения:

1. Суждение, выражающее оценку кого-, чего-л., отношение к кому-, чему-л., взгляд на кого-, что-л.
2. Официальное заключение решение (Словарь русского языка в 4-х томах. Том 2. – М, 1986, с. 279-280.) (см. также Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М, 1987, с. 305)

В тексте листовки слово «мнение» не выполняет своей исходной функции (значение № 1). В связи с наличием в тексте высказываний, оформленных в модальной рамке «достоверность» (т.е. указывающих на факты не подлежащие сомнению) (Бессонов живет в г. Барнауле; «Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже сельчан в денежном тупике держат; Зарплату не выдают сколько лет), оборот «мое мнение» выполняет функцию усиления утверждаемого, а его значение может быть сформулировано следующим образом: «нет никаких сомнений в том, что имеет место такой-то факт, и я (говорящий – в данном случае автор листовки) привлекаю внимание к наличию этого факта тех, кто в силу каких-то причин не знает о нем или сомневается в его истинности». Этот факт подтверждается также основной целевой установкой текста листовки (см. предварительные замечания).

Таким образом, слово «мнение» не участвует в передаче субъективного мнения автора листовки в силу того, что далее в тексте передается информация о фактах, которые не подлежат сомнению, и вследствие этого негативная информация о Бессонове выражается в форме сведений.

Вопрос 7

Данный отрывок состоит из 5 пропозиций: 1. Да и чужое ему присваивать не привыкать 2. «Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже сельчан в денежном тупике держат 3. Что вы – рабы? 4. Зарплату не выдают сколько лет 5. Как такое возможно?

Значение первой пропозиции может быть сведено к следующей формулировке-утверждению: «Бессонов не в первый раз ворует» (ср. значение слова «воровать»: «похищать, принадлежащее другим, красть» (Словарь русского языка в 4-х томах. Том 1. – М, 1986, с. 212), «преступно присваивать, похищать чужое» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М, 1987, с. 84). Общими компонентами являются «незаконным образом

присваивать чужое», остальные компоненты в представленных толкованиях являются синонимами слова «воровать»).

Значения второй и четвертой пропозиции эквивалентны: в них содержится утверждение о том, что фирмы «Агроснаб» и «Агропрод» в течение нескольких лет не выдают крестьянам зарплату.

Значение третьей и пятой пропозиции «Что вы – рабы?» и «Как такое возможно?» эквивалентны в функциональном плане: они предназначены не для передачи информации, утверждений, фактов и т.п., но выполняют прежде всего суггестивную функцию: функцию воздействия на воспринимающего, вторая функция данных пропозиций – выражение своего рода призыва «Вы не должны считать себя рабами!» она ярко выражена в третьей пропозиции, в пятой пропозиции призыв совмещается с оценкой «Такое невозможно терпеть!».

Первая пропозиция связана со второй и четвертой логической пропозицией «пояснение»: логические связи этих пропозиций с лингвистической точки зрения могут быть интерпретированы двояко:

Утверждается, что факт воровства Бессонова может быть проиллюстрирован примером деятельности фирм «Агроснаб» и «Агропрод», которые не выдают крестьянам зарплату в течение нескольких лет, причем из контекста также следует, что Бессонов владеет этими фирмами и с помощью этих фирм присваивает чужие материальные ценности.

Утверждается что Бессонов присвоил себе фирмы «Агроснаб» и «Агропрод» (в этом заключается пример иллюстрирующий воровство Бессонова), и будучи владельцем этих фирм, присваивает себе чужие деньги.

Таким образом, буквальный смысл данного отрывка следующий: а) утверждается, что Бессонов в течение нескольких лет присваивает чужое при помощи фирм «Агроснаб» и «Агропрод», владельцем которых он является (интерпретация №1), либо Бессонов присвоил себе фирмы и, будучи их владельцем, ворует деньги у крестьян (интерпретация №2); б) в нем содержится призыв и оценка «Такое терпеть невозможно».

Итак, первая часть (часть под буквой «а») данного отрывка содержит негативную (в любом варианте возможных интерпретаций) информацию о деятельности Бессонова в форме утверждений, которые могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Вопрос 8

Следующие пропозиции, выделенные в предыдущем анализе и несущие негативную информацию о Бессонове, представляют собой утверждения о фактах: 1. Бессонов обманывает крестьян; 2. Деньги на выборы Бессонова добыты нечестным путем (путем обмана крестьян); 3. Да и чужое ему присваивать не привыкать; 2. «Агроснаб», «Агропрод» сколько лет уже сельчан в денежном тупике держат; 4. Зарплату не выдают сколько лет, а также логическая пропозиция, связывающая между собой фрагменты текста «Да и чужое ему присваивать не привыкать», «Агроснаб», «Агропрод»

сколько лет уже сельчан в денежном тупике держат» в любой из двух возможных интерпретаций (см. ответ на вопрос 7)

Резюмируя результаты анализа по вопросу 8, отметим, что эти утверждения могут быть истинными или ложными, поэтому могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Анализ же самой истинности или ложности данных утверждений не входит в компетенцию лингвиста.

Вопрос 9

Слово «кормушка» употреблено в тексте листовки в переносном значении «место, где можно, пользуясь бесконтрольностью, пожить, приобрести что-н. для себя неблагоприятным, незаконным способом» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М, 1987, с. 255). Очевидно, что в самом значении данного слова содержится негативная оценка, выраженная в компонентах толкования «незаконно», «пожить» и др.

Выводы

Согласно Постановления Пленума ВС РФ от 18.02.92г. «порочащими сведениями признаются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждение о нарушении гражданином действующего законодательства или моральных принципов, которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». В результате анализа мы пришли к выводу о том, что в тексте листовки содержится негативная информация о кандидате Бессонове в форме утверждений о нарушении гражданином действующего законодательства и моральных принципов. Установление же истинности либо ложности этих утверждений не входит в компетенцию лингвиста.

ТЕКСТ 2.

- Внешнеситуационный: статья в СМИ
- Участники ситуации: адресант /журналист/ - адресат / массовый – читатель, индивидуальный – герой публикации/
- Иллокутивный: цель – дискредитация
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения
- Модальный: модальность достоверности
- Перлокутивный: унижение чести, достоинства и деловой репутации
- Индикаторы конфликта: стратегия дискредитации, приемы языковой демагогии (аннулирующие преобразования, аллюзии, тактика речевого контраста), негативно- оценочная лексика, вопросительные конструкции во вторичной функции.
- Текст: злоупотребление

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по тексту статьи «Кто вы, Сергей Левченко? Человек без принципов»
(Ташлыкова М.Б., г. Иркутск)

Эксперт Ташлыкова Марина Борисовна, имеющая высшее филологическое образование (специальность «Филолог») и стаж работы в области языкознания 20 лет, на основании постановления, вынесенного 8.10. 2001 г. дознавателем ООД МОБ УВД Иркутской области капитаном милиции Спиридоновой О.В. по материалам уголовного дела № ХХХ произвела экспертизу.

Обстоятельства дела известны в объеме изложенного из постановления о назначении экспертизы: • Предоставленные материалы – статья «Кто вы, Сергей Левченко? Человек без принципов», опубликованная в газете «Русский восток» № 33 от августа 2001г.

Фабула дела: в отношении содержания статьи поступило заявление С.Г. Левченко о том, что в ней распространены заведомо ложные сведения, порочащие его честь и личное достоинство.

• На разрешение экспертизы поставлен вопрос: является ли текст статьи «Кто вы, Сергей Левченко? Человек без принципов» порочащим честь и достоинство С.Г. Левченко и подрывающим его деловую репутацию.

Исследовательская часть

Решение поставленного вопроса эксперт считает провести следующим образом:

• определить общую речевую стратегию текста, представленного на экспертизу;

- выявить конкретные языковые приемы и тактические речевые ходы, использованные автором рассматриваемого текста;
- дать характеристику этих приемов и ходов с точки зрения возможности / невозможности быть средством дискредитации. Основное исследование Первичный анализ материала позволяет сформулировать предварительную гипотезу: общая речевая стратегия рассматриваемого текста – стратегия дискредитации. Цель достигается в результате применения комплекса приемов когнитивного и семантического плана. Отметим основные тактические ходы.

1. Эксплицитная негативная характеристика личности. Эта тактика предполагает «умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств оппонента»

1.1.1. Высокая концентрация лексических и синтаксических единиц, ядро значения которых составляет прямая негативная характеристика лица. Лексика, выражающая прямую оценку, группируется вокруг нескольких центральных идей. *Отсутствие принципов: «человек без принципов» (фрагмент заглавия, абзац 3)*, «беспринципный деятель» (4). Беспринципный – не имеющий или не содержащий определенных принципов, убеждений, пренебрегающий моральными нормами**. *Лицемерие: «образец лицемерия» (4), «Какое лицемерие!» (7), «Вы бесконечно лицемерите» (16). Лицемерие – несоответствие слов, поступков человека истинным убеждениям, намерениям, притворство. *Предательство идеи и соратников: «Ренегат, каких свет не видывал» (5), «Большого ренегата, чем вы, отыскать сложно» (5), «Подобных ренегатов ... Ленин не щадил» (6), «Вы предаете своих товарищей по партии, обнимаясь с олигархами» (16). Ренегат – тот, кто изменил своим убеждениям и перешел на сторону своих противников; отступник. *Корыстолюбие: «своекорыстный деятель» (4), «Ради достижения власти готов поступиться всем» (3) Своекорыстный - заботящийся только о своей личной выгоде, корыстолюбивый.

1.2. Использование экспрессивной лексики с отрицательным коннотативным компонентом. Такая лексика не только называет предметы, качества, действия и события, но одновременно характеризует, оценивает их. Последнее отражается в структуре дефиниции или в характере словарных помет. В сознании носителей языка семантические признаки существуют в основном неосознанно, но в процедуре выбора слова они учитываются, а в акте речи эти признаки актуализируются.

1.2.1. В первую очередь следует отметить снижающие средства именованья: «господин-товарищ Левченко» (25), «олигарх Левченко» (26) «коммунистический босс» (23) [Босс. – 1. Хозяин, руководитель предприятия в капиталист. странах. 2. Название лиц, возглавляющих аппарат буржуазной политической партии США в городах и штатах, а также реакционных руководителей профсоюзов]. Употребление существительных господин, олигарх, босс по отношению к секретарю обкома КПРФ и члену ЦК усиливает образ «ренегата» и «человека без принципов».

1.2.2. Экспрессивные негативные характеристики лица и предметов, имеющих к нему отношение. «Бездельник, шарлатан и политическая проститутка» (18). Шарлатан – невежда, выдающий себя за знатока, специалиста; обманщик, плут. Проститутка // о продажном, крайне беспринципном человеке. «Пассаж из вашей брошюрки» (14), «Сидеть бы вам в тихом ЗАО-ООО и спокойно, в тайне от товарищей, наживать капиталец!» (18). Существительные с суффиксами ЕЦ, К (брошюрка, капиталец) в данных контекстах выражают «уменьшительно-уничижительное значение с экспрессией издевки»². «Сумбур какой-то утопический, а не программа получается у коммунистического лидера» (25). Сумбур – отсутствие ясности, последовательности, порядка где-л., в чел-л.; путаница, неразбериха.

1.2.3. Экспрессивные негативные характеристики действий и поступков. «Левченко спелся с Потаниным» (2). Спеться - разг. неодобр. Достичь согласованности в действиях, поступках, единства в убеждениях. «Желающий подсобить Потанину в его грязной кампании» (1). Подсобить – прост. помочь. Грязный - 3. Перен. Вызывающий моральное отвращение, гнусный. «И с такими качествами вы хотите пробиться в губернаторы» (7). Пробиться - разг. в течение какого-л. времени биться, тратить много усилий, стремясь достичь, добиться чего-л. «Плетете все новые и новые интриги» (7). Интриги - скрытые действия неблагоприятного характера. Плести - перен. Разг. создавать, сочинять что-л. сложное, запутанное с целью повредить кому-л. «Вы заключаете тайную сделку» (5). Сделка – тайное соглашение о каких-л. действиях, обычно неблагоприятных. «Кто дал вам право разглагольствовать» (10). Разглагольствовать – разг. заниматься разглагольствованиями, многословными рассуждениями, часто бессодержательными или высокопарными. «Косили от армии» (10). Глагол косить находится за пределами литературного языка. «И тут хотите пролезть на дешевом популизме?» (14). Пролезть – перен. попасть куда-л., употребив ловкость, умение и т.п. // Добиться почетного, выгодного положения, выдвинуться, приспособляясь и хитря. Дешевый 2. перен. Не имеющий ценности, пустой, ничтожный. «Вы сначала прихватизировали, а потом развалили» (17). «Палец о палец не ударили» (18). «Вы и ваши друзья-энергетики устроили неприличный политический торг».

1.3. Особый ход в тактике эксплицитной негативной характеристики личности – так называемое аннулирующее преобразование. Оно состоит в исключении из описания некоторой части положения дел. Наиболее частые случаи этого преобразования – умолчание и полуправда. В седьмом фрагменте текста вводится информация о том, что против С.Левченко было возбуждено уголовное дело 5642 по факту незаконного предпринимательства. Указание на номер дела подчеркивает установку автора на достоверность. Далее сообщается, что С.Левченко «прятал от следствия документы и не являлся по повестке на допросы следователя». На основании этого делается вывод: «... основными вашими нравственными категориями являются безответственность и трусость». При этом в тексте

отсутствует главная информация, которая могла бы позволить объективно оценить описанное поведение, - информация о результатах расследования. Признан С.Левченко виновным по суду? Читателю об этом не сообщается. 2. Навязывание скрытого дедуктивного вывода осуществляется благодаря особому тактическому ходу, который можно условно обозначить «Он имеет дело с N». Этот ход последовательно и частотно представлен в анализируемом материале. Активно педалируется связь с «капиталистами», которые обозначены автором текста только с помощью слов с отрицательной экспрессией. «Воротила Потанин» (1). Воротила - разг. Тот, кто ворочает большими делами, делец. «Они уже обо всем договорились с Межевичем и кучкой приближенных к нему управленцев» (2), «Вы вступаете в альянс с новоявленными капиталистами», «закключаете тайную сделку с «энергетической оппозицией» (5), «ваши поделщики из Законодательного собрания» (8), «В Иркутской области вы стали союзником тех людей, которые сказочно обогатились за счет наших энергетических ресурсов» (17).

3. Установление желательных причинно-следственных связей. Этот тактический ход представлен в следующих фрагментах. «Транспорт по всей России разваливается, самолеты падают одни за другим, в стране действует около 300 авиакомпаний, которые не в состоянии обеспечивать безопасность полетов, а вы палец о палец не ударили, чтобы выправить ситуацию! А чего вы добились как первый секретарь обкома КПРФ? Численность парторганизации сокращается, партийные ряды стареют, у коммунистов нет ни одного представителя в Законодательном собрании области. Выходит, что вы, господин Левченко, провалили работу на всех своих участках». «После того как у наших заводов и фабрик появились собственники типа Левченко, мы все в одночасье превратились в малообеспеченных» (23). В образе С.Левченко проблемы государства и трагические происшествия последних лет персонифицируются; причем утверждения, сформулированные в тексте, претендуют на объективную истинность. Об этом свидетельствует отсутствие в данных фрагментах слов, указывающих на субъективность, использование глаголов в форме изъявительного (реального) наклонения, апелляция к количественным характеристикам (300 авиакомпаний, численность парторганизации). Композиционное строение фрагмента 15 обеспечивает установление причинно-следственных отношений между фактом принадлежности кандидата на государственную должность к какой-либо конфессии и его способностью эффективно выполнять обязанности, этой должностью возлагаемые. Идея вводится абсолютно значимой для русского человека темой Великой Отечественной войны, перелом в которой автор связывает с обращением советского правительства лицом к Церкви в 1941 г. Далее Иркутск характеризуется как центр православной культуры за Уралом и город, в котором «живут в мире и согласии католики, мусульмане, иудеи». На фоне этой высокой ноты автор материала риторически вопрошает: «Может ли человек, кичащийся своей антирелигиозностью, претендовать на высшую власть в российском регионе? Что ждет всех верующих, если человек нерелигиозный займет высший пост в области?».

Вопрос в данном случае, бесспорно, равен отрицанию, что доказывается также заглавием данного фрагмента - «Креста на вас нет». Автор удачно обыгрывает многозначность этого выражения. С одной стороны, неверующий человек на самом деле не носит креста. С другой, выражение креста нет употребляется в адрес того, кто «бесчестен, бессовестен в своих действиях и поступках»

3. 4. В анализируемом материале представлен особый прием текстообразования – аллюзия, то есть соотнесение содержания текста с прецедентным фактом. Автор статьи использует аллюзии к историческим деятелям и историческим фактам. (А) «В свое время Ленин называл Каутского ренегатом, каких свет не видывал. Первенство Каутскому досталось лишь потому, что Владимиру Ильичу не удалось узнать про вас, господин Левченко» (5); (Б) «Или нам будут выдавать какие-то специальные деньги, как у батьки Махно – с личной подписью правителя (в нашем случае – Левченко)? И сколько будут стоять эти «левки?» (23); (В) «А может, снова, как в 17-ом году силой, с оружием в руках он отберет всю собственность у коллег-буржуев и отправит их отдыхать в лагеря?» (21); (Г) «В начале прошлого века мы подобное уже слышали: мир – народам, земля – крестьянам, фабрики – рабочим. На деле все обернулось гражданской войной, раскулачиванием, ГУЛАГОМ» (25). Перлокутивный эффект данных фрагментов текста – дискредитация. (А) Каутский вводится как своего рода «эталон» предательства, на фоне которого утверждается крайняя степень «ренегатства» С.Левченко. (Б) Упоминание «специальных денег» батьки Махно, которое завершает фрагмент текста под заголовком «Всеобщее благоденствие?», обеспечивает проведение мысли о несостоятельности экономической части программы С.Левченко. (Образ батьки Махно вводит также идею анархии). Эта мысль подчеркивается также вопросом, вынесенным в заглавие, и иронией в резюмирующем абзаце: «Но если у нас чудесным образом появится ужасно много денег...» (24). Высказывания (В), (Г) навязывают читателю мысль об опасности политической программы С.Левченко, которая представлена в тексте как скрытый призыв к экспроприации и следующей за ней гражданской войне, раскулачиванию, репрессиям.

5. Использование тактики речевого контраста. Автор постоянно подчеркивает, что слова С.Левченко расходятся с его делами (см. заглавие фрагмента текста «Слов много, а дел?», фрагменты 8, 9-13, 14 и многие другие). В композиционно существенных фрагментах текста встречаются особые синтаксические построения. «Писатель Валентин Распутин ... призывает отказаться от финансирования информационной войны в нашей области. А в Иркутске находится еще один желающий подсобить Потанину...» (1). «Вам партийные товарищи доверили защищать в Государственной Думе интересы человека труда. А чем занимаетесь вы?» (5). «Сегодня уже никого не удивишь, что Геннадий Зюганов стоит в храме со свечкой, а коммунисты ведут разговоры о возрождении духовности. А о чем ведет разговоры господин Левченко?» (15). «Поверили. А Левченко тут же

нас сам и переубедил» (21). По данным академического Словаря русского языка, союз А в такого рода конструкциях соединяет два предложения, второе из которых выражает несоответствие тому, что выражено в первом, и противоречит ожидаемому, должному с точки зрения говорящего. Данный способ изложения и выбранные синтаксические конструкции активизируют восприятие читателя и тем самым усиливают воздействующий эффект текста как целого.

6. Использование вопросительных конструкций в их вторичных функциях – с ориентацией не на получение ответа, а на передачу отрицательной информации, всегда экспрессивно окрашенной. В тексте в изобилии представлены риторические вопросы. Особенно значимые позиции они занимают в подзаголовках: «Нарушитель закона?», «Слов много, а дел?», «Коммунист или капиталист?», «Что нам стоит дом построить?», «Всеобщее благоденствие?», «Подлинное народовластие?», встречаются и в основном тексте (фрагменты 6, 7, 10-13 и т.д.). По мнению академических источников, в таких вопросах заключено «уверенное экспрессивно окрашенное отрицание, при котором может акцентироваться категоричность отрицания ... и безусловность отрицаемой ситуации»

Завершая анализ, следует отметить, что выявленные в рассматриваемом материале тактические ходы описаны в научной литературе как приемы языковой демагогии. Язык располагает приемами не только прямого, но и непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами». Именно эта стратегия в высшей степени характерна для текста статьи «Кто вы, Сергей Левченко? Человек без принципов». В результате осуществляется «такое воздействие на адресата, при котором важен не самый факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания. Определенное утверждение, или требование, или вопрос, или угроза и т.д. могут изменить запас знаний адресата (если он поверит в истинность сообщаемого и примет к сведению полученное сообщение), могут раздражить или позабавить его, заставить совершить какой-то поступок или воздержаться от ранее намеченных действий и т.д.». Основываясь на вышеизложенном, можно утверждать, что материал, представленный для лингвистического анализа, построен как непосредственная негативная характеристика. Она создается как эксплицитно (выражается в прямых номинациях, оценочных высказываниях), так и имплицитно. Имплицитная семантика дискредитации формируется за счет специальных приемов.

В результате конструируется следующий образ: • С.Г.Левченко - человек недостойный, который занимается сомнительными сделками и не способен на решение задач государственной важности; • в его экономической программе имеет место лозунг, провоцирующий если не гражданскую войну, то резкий рост напряженности в обществе; • его стремление стать

губернатором объясняется не стремлением отстаивать интересы избирателей, а намерением уклониться от уголовной ответственности. Языковые средства, использованные автором, соответствуют задачам лингвистической демагогии, так как ориентированы на манипуляцию сознанием адресата, формирование у него оценочного отношения к фактам, событиям и другим субъектам. Выявленные когнитивные и семантические приемы наглядно демонстрируют речевую стратегию автора материала, представленного на анализ, - стратегию дискредитации политического противника.

Вывод

Текст статьи «Кто вы Сергей Левченко? Человек без принципов» является порочащим честь и достоинство С.Г.Левченко и подрывающим его деловую репутацию.

ТЕКСТ 3

- Внешнеситуационный: статья в СМИ
- Участники ситуации: адресант /журналист/ - адресат /массовый - читатель, индивидуальный – герой публикации/
- Иллокутивный: в экспертном исследовании не установлен
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения
- Модальный: модальность достоверности
- Перлокутивный: оскорбление
- Индикаторы конфликта: негативнооценочная лексика, разговорно-просторечная лексика
- Текст: не является злоупотреблением

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по тексту статьи «Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника»
(Чернышова Т.В. , г. Барнаул)

В распоряжение эксперта были предоставлены следующие материалы:

- Постановление Октябрьского районного суда г. Барнаула от 9.06.04 о назначении по делу А.П. Стручкова судебной этико-лингвистической экспертизы;
- Уголовное дело по обвинению Стручкова А.П. по ст. 130 ч. 2 УК РФ;
- Ксерокопия статьи А.П. Стручкова «Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника», опубликованной в газете «Деловой курьер Алтая» 24.10.02.

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

1. Являются ли бранными и неприличными следующие фразы из названия и текста статьи А.П. Стручкова «Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника», опубликованной в № 41 от 24.10.02 в краевой газете для предпринимателей «Деловой курьер Алтая» под рубрикой «Партийный бизнес»:

- 1) *«Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника³⁵»;*
- 2) *«впрочем, для этого есть множество способов, и один из них – подлог. В нашем случае суть мошенничества заключалась в следующем: через*

³⁵ Здесь и далее слова в высказываниях выделены в постановлении Октябрьского суда.

год и четыре месяца после заключения договора № 113, а именно 26 марта 1997 года, Кирилловский, являвшийся в то время еще и учредителем и генеральным директором АОЗТ «АлтайУАЗ», заключает договор с неким исполнительным директором «Саха-Алтай», что располагается в г. Горно-Алтайске, господином Абраменко, после чего квартиры улетучиваются. Для меня. Но не для Кирилловского. Вообще, этот Петр Петрович Абраменко – человек архистранный. В своей объяснительной записке, данной по поводу этой мошеннической сделки сотруднику УБЭП МВД Якутии А. Попову, он в пункте 3, касающемся соглашения о расторжении договора № 311, сообщает»;

- 3) «Но недаром Кирилловский дослужился до первого секретаря райкома КПСС – и здесь он меня надул, как мальчишку: взял и подвел «Осень» под банкротство. При оформлении кредита в АК «Алтайкапиталбанк» Кирилловский не только подделал мою подпись, но и опять пошел на обман (подлог), указав в кредитном договоре, что ЗАО «Осень» не имеет задолженности перед другими физическими и юридическими лицами, хотя держал на руках решение арбитражного суда и исполнительный лист на удержание из средств ЗАО «Осень» в пользу ЗАО «Саха-Алмаз-Алтай» около 3 млн. рублей»;
- 4) «После этого Кирилловский так разохотился, что в 1999 году плюнул на остатки – даже коммунистической – морали, подделав мою подпись в протоколе, получил в АК «Алтайкапиталбанк» кредит в 1,2 млн. новых рублей»;
- 5) «Жулики также просили якутские правоохранительные органы установить мое местонахождение»;
- 6) «Да, не ждали мошенники приезда сотрудника УБЭП МВД Якутии А. Попова. Абраменко при его появлении тотчас во всем сознался, однако Кирилловский по-прежнему находился вне досягаемости якутских правоохранительных органов – вот что значит иметь настоящего гаранта! Но не за красивые же глаза стоит за Кирилловского этот самый гарант»;
- 7) «А тут миллион новыми хапнули у нищих преподавателей – и тишина...»;

«Читатель уже, наверное, понял, что жизнь моя в последние годы была окрашена в лучшем случае грустью, но и я, человек битый, не могу без смеха читать иск Кирилловского – этот шедевр, созданный наглым, горластым и беспардонным коммунистом-мошенником».

2. Какую смысловую нагрузку несут данные фразы?

Исследовательская часть

Вопрос 1.

Для ответа на вопрос 1 необходимо определить понятия, являющиеся ключевыми для данного вопроса: бранный и неприличный, а также смежные понятия, входящие в понятийное поле определяемых терминов (оскорбительные слова, обценная лексика).

Согласно научным источникам, бранные слова, брань – это грубые, оскорбительные слова, ругань; оскорбление, ругательство; обценная лексика (мат); в словарях бранные слова могут иметь помету *бранное*³⁶.

Оскорбление (оскорбительные слова) – выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности, унижающая честь и достоинство этой личности. «Оскорбление как уголовно наказуемое деяние должно быть выражено в неприличной, то есть циничной форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе»³⁷.

Неприличные (непристойная, обценная лексика - мат) слова – слова, которые в момент их опубликования считаются неприличными, недостойными того, чтобы быть напечатанными...грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий реагирует на ситуацию; такая лексика, как правило, табуирована, т.е. запрещена для публичного употребления в силу сложившейся традиции³⁸.

Приступая к анализу высказываний А.П. Стручкова, необходимо выделить среди них высказывания, 1) содержащие сведения (отрицательную информацию) о неблагоприятной деятельности Кирилловского, и 2) высказывания, содержащие эмоционально-экспрессивную оценку этой деятельности.

1. Согласно научным источникам, информация отрицательная (негативная) «содержит отрицательные характеристики лица – юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали... или с правовой точки зрения...»³⁹. Такая негативная информация о деятельности Кирилловского содержится, например, в следующих высказываниях А.П. Стручкова:

- ...впрочем, для этого есть множество способов, и один из них – подлог. В нашем случае суть мошенничества заключалась в следующем: через год и четыре месяца после заключения договора № 113, а именно 26 марта 1997 года, Кирилловский, являвшийся в то время еще и учредителем и генеральным директором АОЗТ «АлтайУАЗ», заключает договор с неким исполнительным директором «Саха-Алтай», что располагается в г. Горно-Алтайске, господином Абраменко, после чего квартиры улетучиваются. Для меня. Но не для Кирилловского...;

- взял и подвел «Осень» под банкротство. При оформлении кредита в АК «Алтайкапиталбанк» Кирилловский не только подделал мою подпись, но и опять пошел на обман (подлог), указав в кредитном договоре, что ЗАО

³⁶ Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей и др. /Под ред. Проф. М.В. Горбаневского. М., 2004. С.23.

³⁷ Памятка ...С. 30.

³⁸ Памятка ...С.29.

³⁹Памятка... С.28.

«Осень» не имеет задолженности перед другими физическими и юридическими лицами, хотя держал на руках решение арбитражного суда и исполнительный лист на удержание из средств ЗАО «Осень» в пользу ЗАО «Саха-Алмаз-Алтай» около 3 млн. рублей»;

- После этого Кирилловский так разохотился, что в 1999..., подделав мою подпись в протоколе, получил в АК «Алтайкапиталбанк» кредит в 1,2 млн. новых рублей.

Представленные выше высказывания А.П. Стручкова содержат негативную информацию о деятельности В.В. Кириловского, однако распространение подобной информации может быть признано в качестве порочащей В.В. Кириловского только в том случае, если распространенная негативная информация не соответствует действительности. Решение вопроса о том, соответствует ли данная информация действительности, выходит за рамки компетенции лингвиста-эксперта и решается судом.

Стилистический анализ приведенных высказываний позволяет утверждать, что они не содержат бранной и неприличной лексики и с позиций языкового оформления не могут расцениваться как оскорбительные.

1. К высказываниям, содержащим эмоционально-экспрессивную оценку деятельности В.В. Кириловского, относятся следующие:

- Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника;

- В своей объяснительной записке, данной по поводу этой мошеннической сделки сотруднику УБЭП МВД Якутии А. Попову, он в пункте 3, касающемся соглашения о расторжении договора № 311, сообщает;

- Но недаром Кирилловский дослужился до первого секретаря райкома КПСС – и здесь он меня надул, как мальчишку;

- После этого Кирилловский так разохотился, что в 1999 году плюнул на остатки – даже коммунистической – морали...;

- Жулики также просили якутские правоохранительные органы установить мое местонахождение»;

- Да, не ждали мошенники приезда сотрудника УБЭП МВД Якутии А. Попова. Абраменко при его появлении тотчас во всем сознался, однако Кирилловский по-прежнему находился вне досягаемости якутских правоохранительных органов – вот что значит иметь настоящего гаранта! Но не за красивые же глаза стоит за Кирилловского этот самый гарант;

- А тут миллион новыми хапнули у нищих преподавателей – и тишина...;

- Читатель уже, наверное, понял, что жизнь моя в последние годы была окрашена в лучшем случае грустью, но и я, человек битый, не могу без смеха читать иск Кирилловского – этот шедевр, созданный наглым, горластым и беспардонным коммунистом-мошенником.

В состав этих высказываний входят лексические и фразеологические единицы двух типов: а) эмоционально-экспрессивные сочетания, характеризующие отрицательное отношение автора публикации А.

Стручкова к описываемой ситуации и ее участникам в целом (*миллион новыми ханнули; жулики; мошенники; этой мошеннической сделки*);

б) сочетания, содержащие негативную эмоционально-экспрессивную оценку деятельности В. Кирилловского (*он меня надул, как мальчишку; плюнул на остатки – даже коммунистической – морали; страданиях мошенника; шедевр, созданный наглым, горластым и беспардонным коммунистом-мошенником*).

Стилистический анализ представленных высказываний первого и второго типа позволяет сделать вывод о том, что хотя они и содержат эмоционально-экспрессивную лексику и дают отрицательную оценку деятельности В. Кирилловского, однако среди них нет высказываний бранных и неприличных, т.е. выраженных в неприличной форме.

Ни одна из представленных лексических единиц не квалифицируется современными словарями русского языка как ненормативная и относится либо к литературной сфере (то есть не имеет специальных помет в словарях), например, *мошенник*: «тот, кто занимается мошенничеством, плут, жулик»⁴⁰; *мошенничество*: «Обман, неблагоприятные жульнические действия с корыстными целями»; *жулики* (жулик - «вор, мелкий мошенник»); *наглый* – «крайне нахальный, дерзко-бесстыдный»;

либо к сфере разговорно-просторечной, например: *надул как мальчишку*: *надуть* - «обмануть, провести (разговорное)»; *плюнул на остатки – даже коммунистической – морали*: *плюнул* – просторечное «совершенно не считаясь с кем-н., выказывать презрительное безразличие»; *миллион новыми ханнули* (*ханнуть* – просторечное «брать, красть, присваивать неблагоприятным образом»); *наглым, горластым и беспардонным* (ср.: *наглый* – «крайне нахальный, дерзко-бесстыдный»; *горластый* – просторечное «крикливый, с громким голосом»; *беспардонный* – разговорное «крайне бесцеремонный, беззастенчивый»).

Безусловно, перечисленные лексические единицы обладают сильным экспрессивным потенциалом, а именно отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, обусловленной длительным контактом А. Стручкова с В. Кирилловским и переполняющими А. Стручкова отрицательными эмоциями осуждения, неодобрения, возмущения и негодования по поводу якобы неблагоприятной деятельности В. Кирилловского (должно быть доказано судом) и бездеятельности правоохранительных органов. То есть мы имеем дело с тем случаем, когда эмоции захлестывают автора публикации.

Использованные автором лексические единицы *мошенник; коммунист-мошенник* принадлежат литературному языку и являются констатирующими номинациями лица, обозначая «негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, поступки, поведение кого-либо, например, бандит, вор, мошенник и др.»⁴¹. Особенность

⁴⁰ Все толкования даются по словарю русского языка С.И. Ожегова (М., 1986).

⁴¹ Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2002. С. 150.

их состоит в том, что уже в своем основном значении они содержат негативную оценку, т.е. характеризуют описываемый предмет экспрессивно. Очевидно, что А.П. Стручков, используя данные слова, убежден в справедливости содержащейся в них отрицательной оценки по отношению к деятельности В.В. Кирилловского, с которым его связывают многолетние деловые отношения. Кроме того, эти эмоционально-оценочные слова входят в группу эмоционально-экспрессивной лексики, призванные выразить чувства, эмоции говорящего по отношению к объекту речи.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства:

1. Вопрос о том, соответствует ли отрицательная информация относительно деятельности и деловых качеств В.В. Кирилловского, содержащаяся в тексте статьи А.П. Стручкова, действительности или нет, является прерогативой судебных органов.

2. Статья А.П. Стручкова опубликована в газете «Деловой курьер Алтай», т.е. относится к газетно-публицистическому стилю. Пишущий в СМИ имеет право выразить свое отношение к описываемому в явной форме. Наличие эмоционально-окрашенной лексики является стилеобразующей приметой газетно-публицистического жанра, к которому, без сомнения, относится и анализируемая статья.

По замечанию исследователей, требование выразительности является обязательным для публицистической (газетной) речи. «Если оно не выполняется, то даже при соблюдении всех прочих требований, речевое произведение оказывается для данной функциональной разновидности дефектным»⁴², так как этот вид речи призван воздействовать не только на ум и волю, но и на эмоции адресата. Основная черта газетно-публицистического стиля, к которому относится публикация А.П. Стручкова, – единство экспрессии и стандарта. Информационно-содержательная функция газетно-публицистических текстов сочетается с функцией эмоционального воздействия. Публицист убеждает путем эмоционального воздействия на читателя (слушателя) и поэтому в явной форме выражает свое отношение к сообщаемому⁴³. «Специфика газетной речи заключается прежде всего именно в особой и намеренной ее выразительности, экспрессивности высказывания»⁴⁴. Иными словами, пишущий в СМИ имеет право дать эмоциональную оценку описываемой ситуации, имеет право высказать свое мнение и назвать вещи своими именами, тем более, если употребляемые слова не выходят за пределы общепринятых языковых норм, т.е. не оцениваются обществом как бранные и неприличные.

Таким образом, в анализируемом отрывке текста есть эмоционально-экспрессивные языковые единицы, при помощи которых А.П. Стручков выражает свое отношение к деятельности В.В. Кирилловского и свои негативные эмоции по поводу этой деятельности, однако нет бранных и

⁴² Майданова Л.М. Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987. С.57.

⁴³ Кожин А.Н. Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982. С. 110.

⁴⁴ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993. С.184.

неприличных языковых единиц, которые могут рассматриваться как оскорбительные по отношению к истцу. Эмоциональная оценка деятельности В.В. Кирилловского дается с помощью нормативной лексики - как литературной, так и просторечно-разговорной, что вполне соответствует стилеобразующим особенностям газетно-публицистического стиля.

Вопрос 2.

Для определения содержательно-смысловой направленности текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо ответить на следующие вопросы: 1) Содержит ли текст информацию о лице? 2) Содержит ли текст негативную информацию о лице? 3) В какой форме дана эта информация?⁴⁵.

Для ответа на данный вопрос был проведен смысловой анализ текста статьи А.П. Стручкова «Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника», опубликованной в газете «Деловой курьер Алтая» 24.10.02.

В результате анализа было выяснено, что представленные в постановлении суда фразы, как и текст в целом, 1) содержат информацию о В. Кирилловском; 2) данная информация представляет собой отрицательную оценку деятельности и деловых качеств В.В. Кирилловского; 3) данная негативная информация выражена литературным языком с привлечением разговорных и просторечных языковых единиц, что вполне соответствует требованиям газетно-публицистического стиля; 4) данная информация не содержит бранных и неприличных с точки зрения русского языка слов и выражений.

Выводы

1. Стилистический и смысловой анализ позволяет утверждать, что в анализируемых высказываниях, как и в тексте публикации А.П. Стручкова «Господин Кирилловский и его гарант, или о моральном вреде, который выразился в нравственных страданиях мошенника», опубликованной в газете «Деловой курьер Алтая», нет бранных и неприличных выражений.
2. Анализируемые выражения содержат отрицательную оценку деятельности В.В. Кирилловского, однако данная негативная информация выражена литературным языком с привлечением разговорных и просторечных языковых единиц, что вполне соответствует требованиям газетно-публицистического стиля.

⁴⁵ Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2002. С. 199.

ТЕКСТ 4

- Внешнеситуационный: статья СМИ
- Участники ситуации: адресант /журналист/ - адресат / массовый – читатель, индивидуальный - герои публикации/
- Иллокутивный: цель – дискредитация
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения
- Модальный: модальность достоверности/недостоверности
- Перлокутивный: оскорбление (унижение чести, достоинства и деловой репутации, выраженное в неприличной форме)
- Индикаторы конфликта: стратегия дискредитации, негативно-оценочная лексика, дисфемизм
- Текст: злоупотребление

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ по тексту статьи "Куда девались тополя?" (Дорони娜 Н.И, г. Бийск)

Лингвистическое исследование проводилось по следующим вопросам:
Содержит ли заметка "Куда девались тополя?" ("Листок", № 20 (196) от 15.05. 2003) предложения, которые с точки зрения лингвистики можно было бы отнести к понятию "сведения" о событиях, фактах, людях?

Сопровождаются ли они бранными словами и выражениями, словесными конструкциями с оскорбительным значением и/или оскорбительной эмоциональной окраской, если да, то какими именно?

Для лингвистического исследования были предоставлены материалы газеты "Листок" (Горно-Алтайск), а именно статья "Куда девались тополя?" (№ 20 (196) от 15.05. 2003).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Под понятием сведения понимаются "любые тексты, содержащие описание (и, возможно, оценку) тех или иных событий или отдельных компонентов этих событий" (Понятие чести и достоинства,.. 1997)

В соответствии с определением, в тексте статьи, представленной для лингвистического исследования, содержатся следующие сведения:

(1) *Недавно ездил в Бийск и обратил внимание: почему-то исчезли тополя, росшие по обочине Чуйского тракта на выезде из Маймы.*

В предложении (1) утверждается, что отсутствуют, т.е. вырублены, тополя, которые раньше росли по обочине Чуйского тракта на выезде из Маймы.

(2) *На их месте - безобразные буераки, заполненные водой, и небольшие болотца, подтопившие края этих самых полей.*

В предложении (2) утверждается:

1. На месте тополей находятся буераки (буерак - небольшой овраг, а также провал между сугробами. (Ожегов, Шведова, 2001)) и болотца (слово болотце образовано от болото - 1. Избыточно увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями (Ожегов, Шведова, 2001)).

2. Буераки заполнены водой.

3. Болотца подтопили края полей.

(3) *По слухам, причиной послужил один республиканский политик, некто Л. Доширак.*

В предложении (3) высказывается мнение, что вырубка тополей была обусловлена действиями М.И. Лапшина (Л. Доширак - в тексте статьи, подразумевается М.И. Лапшин). Заметим, что в предложении нарушены нормы лексической сочетаемости: нельзя говорить *причиной послужил политик*, т.к. причиной ("основанием, предлогом для каких-н. действий" (Ожегов, Шведова, 2001) может быть только обстоятельство, т.е. не лицо, но действия лица. Кроме того, достоверность события уже изначально вызывает сомнение, поскольку автором употреблен вводный оборот по слухам (слух - "молва, известие о ком-чём-н. (обычно ещё ничем не подтверждённое)" (Ожегов, Шведова, 2001)).

(4) *Проезжая как-то в составе свиты (в нее входил и некий и.о., полномочия которого позволяли издать соответствующее распоряжение), сей славный муж обмолвился: я, мол, крестьянин, люблю простор, люблю, когда поля далеко виднеются.*

В предложении 4 утверждается:

1. М.И. Лапшин проезжал по территории Майминского района Республики Алтай.

2. М.И. Лапшина сопровождали некоторые лица, в числе которых находилось некое должностное лицо, исполняющее обязанности (и.о. - графическая общепринятая в русском языке аббревиатура), т.е. ещё не утверждённое в должности или работающее временно, но обладающее полномочиями отдавать служебные распоряжения.

3. М.И. Лапшин сообщил информацию о себе.

Поскольку предложение (4) логически связано с предложением (3), то на него и, следовательно, на события, описанные в нем, также распространяется модальность неуверенности автора в достоверности излагаемых фактов.

(5) *После чего, судя по всему, одним инициативным придурком и была произведена процедура вылизывания высокопоставленной задницы до самых гланд.*

В предложении (5) утверждается, что некое лицо с целью угодить М.И. Лапшину приняло решение о вырубке тополей. Выражение *произведена процедура вылизывания высокопоставленной задницы до самых гланд* не может быть воспринято буквально, в прямом смысле. Оно является дисфемизмом, т.е. выражением, заменяющим другое, вполне нейтральное, на грубое, непристойное. В данном случае употребленное в статье выражение является дисфемизмом к фразеологическому обороту лизать пятки, который толкуется как "будучи в полном повиновении, демонстрировать рабскую покорность, подобострастно угождать (говорится с презрением). Подразумевается добровольное унижение в знак преданности и полной покорности" (Словарь образных выражений,..1995. с.256). Эвфемизмом к нему является "лизать жопу" - грубое, просторечное (Колесников Н.П., Корнилов Е.А., 1996. С. 142 - 143). Именно последнее выражение и подверглось трансформации в тексте публикации.

В структуре контекста подобные фразеологизмы реализуют следующие синтаксические валентности: *кто, кому / у кого* (Словарь образных выражений,.. 1995. с.256). В предложении 5: *кто - один инициативный придурок*: судя по предложению 4, где предваряется появление нового, значимого для сообщения лица (*некий и.о., полномочия которого позволяли издать соответствующее распоряжение*), и предложению 5, имеется в виду вполне реальное лицо, которое в предложении 8 конкретизируется (*нынешний глава <...> Майминского района*), но не называется, т.е. используется перифраз - выражение, описательно передающее смысл другого выражения или слова. Перифраз из 5 предложения (*один инициативный придурок*), как и все выражение в целом, является оскорбительным, унижающим в грубой форме честь и достоинство человека. Употребленная гипербола (*до самых гланд*) лишь усиливает эффект. Кроме того, в высказывании 9, представляющем собой парцеллированные предложения (*А майминцев можно, судя по всему, поздравить. С новыми болотцами и, возможно, с новым руководителем. С большим, розовым, ласковым языком.*) выражение из 5 предложения развивается (жирный курсив), усиливая изощренность наносимого оскорбления.

Валентность *кому / у кого* выражена через атрибут *высокопоставленный*. Так как в тексте статьи упоминается лишь одно высокопоставленное лицо (*республиканский политик, некто Л. Доширак*), а также из предложения 5 следует, что именно после его реплики последовал приказ о вырубке тополей, то не вызывает сомнения, что подобострастие и выражение угодничества (в оценке автора статьи) производилось именно по отношению к М.И. Лапшину, в статье названному Л. Доширак. Таким образом, оскорбление нанесено и М.И. Лапшину. Атрибутивный перифраз с использованием грубой просторечной лексики (предложение 5) лишь подчеркивает изощренность оскорбления.

Отметим, что предложение 5 в представленном виде нарушает не только нормы публичной коммуникации, но и нормы социальной этики.

Оскорбительность выражения не снимается модальностью предположения (судя по всему).

(6) Для справки: тополя вдоль дороги выполняли две функции. Первая из них - это снегозадержание. А вторая - еще более важная - тополь является мощным естественным насосом, он поглощает из грунта и испаряет через листья большое количество влаги. (7) Старожилы Горно-Алтайска еще помнят те непролазные топи, которые находились на месте городского парка, и ряда других, нынче волне сухих мест. Осушили их как раз тополя.

Во второй части текста (с 6 предложения) автор статьи выражает мнение о том, что отсутствие тополей неизбежно будет вызывать подтапливание полей. Мнение выражается в форме утверждения, абсолютного знания, с апелляцией к знаниям читателей - старожилов Горно-Алтайска (7 предложение). Предложение 6 оформлено как справка (предложение начинается с графически и пунктуационно выделенного для справки), т.е. "сведение о чём-н., полученное кем-н. после поисков, в ответ на запрос" (Ожегов, Шведова, 2001), хотя в статье нет ссылок на источники.

Таким образом, в статье прослеживается следующая логика утверждений:

1. Тополя, росшие по обочине Чуйского тракта на выезде из Маймы, были уничтожены.

2. Возможной причиной их уничтожения стало чрезмерное желание чиновника угодить главе Республики Алтай М.И. Лапшину, заявившему о своей любви к простору.

3. Наличие тополей чиновником было воспринято как преграда, ограничивающая простор.

4. Уничтожение тополей является ошибочным и недальновидным поступком, не учитывающим пользу тополей.

5. Вред от уничтожения тополей уже проявился.

Из всех утверждений только первое может быть расценено как факт, достоверность остальных утверждений сомнительна и основывается либо на слухах, либо на непроверенных данных, либо на эмоциональных выводах автора статьи, которые, будучи подвергнуты анализу, оказываются малоубедительными.

Так, из фоновой (затекстовой) и контекстуальной информации известно, что подтапливание полей происходило весной, в период таяния снега, о чем свидетельствует указанная в дата выхода газеты (15 мая 2003) и авторское указание на то, что наблюдаемые события имели место некоторое время назад - недавно (в недалеком прошлом. (Ожегов, Шведова, 2001)). Неопределенность времени не позволяет уточнить закономерность или аномальность события (подтопления полей). Так, поскольку событие происходило весной, то вполне естественно, что поля были подтоплены: в период активного снеготаяния тополя просто не успевают сразу осушить землю. Кроме того, появление листьев у тополя происходит вполне в

конкретный период времени, поэтому совсем необязательно, что во время поездки автора статьи уже были листья у тополей, через которые испарялась влага. Употребление слова "недавно" не позволяет отнести события, например, ко вчерашнему дню или другому ближайшему сроку, поскольку для этого существуют другие лексические средства - *вчера, накануне, на прошлой неделе и т.п.* Таким образом, автор манипулирует фактами, добиваясь оценки деятельности чиновника по вырубке тополей как недальновидной и ошибочной, хотя на описываемый в тексте момент времени еще невозможно судить о последствиях принятых решений.

Прагматическую направленность статьи можно определить как дискредитацию и оскорбление упомянутых в статье лиц (неназванного и.о. главы Майминского района и М.И. Лапшина). Дискредитация заключается в изображении названных лиц не только как не обладающих высокими моральными качествами, но и некомпетентных и не владеющих элементарными знаниями, известными всем.

ТЕКСТ 5

- Внешнеситуационный: статья в СМИ
- Участники ситуации: адресант / журналист / - адресат / массовый - читатель, индивидуальный - герои публикации/
- Иллокутивный: цель – дискредитация
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения / негативная оценка
- Модальный: модальность достоверности/ предположения
- Перлокутивный: унижение чести, достоинства и деловой репутации
- Индикаторы конфликта: стратегия дискредитации, негативнооценочная, оскорбительная лексика, ирония
- Текст: злоупотребление

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

ПО СТАТЬЕ «ЭЛТОН ДЖОН НАШЕЛ В РЯЗАНИ ТРОЙНЮ?», ОПУБЛИКОВАННОЙ В
 ГАЗЕТЕ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» 18 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА
 (Лебедева Н.Б., г. Барнаул)

На разрешение специалиста поставлены следующие вопросы.

1. Содержит ли статья «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» газеты «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г. информацию о Гаркавом С.Ю.?
 2. Содержит ли указанная статья негативную информацию о Гаркавом С.Ю.?
 3. В какой форме - утверждения или предположения - дана негативная информация о Гаркавом С.? От чьего лица они сделаны?
 4. Если указанная статья содержит негативную информацию о Гаркавом С.Ю., то сообщения о каких конкретно фактах создают такую негативную оценку? Могут ли такие сообщения квалифицироваться как порочащие сведения?
 5. Присутствуют ли в статье оскорбительные слова и фразы, относящиеся прямо или косвенно к Гаркавому С.Ю.?
 6. Имеются ли в статье указания на предвзятость, заведомую необъективность автора, на то, что он симпатизирует Ольховской?
 - 7: Создается ли впечатление, что Сергей Гаркавый попал в квартиру без согласия Ольховской и один, без сопровождения ответственных лиц, а так же что именно Сергей отнимал ребенка?
- Объект экспертизы – текст статьи Д. Корсакова «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?», опубликованной в газете «Комсомольская правда» от 18 сентября 2001 г.

- Средства и методы экспертизы: семантический и функционально-стилистический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы, литературы по теории журналистики, сборники Фонда защиты гласности и Гильдии лингвистов – экспертов по документационным и информационным спорам «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» (М., 2002); «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (М., 1997); А.Л. Анисимов. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации (М., 2001).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

В нашем экспертном анализе мы исходим из следующих положений, разъясняющих содержательно-смысловую юрислингвистическую направленность публицистического текста, подлежащего экспертизе:

1. «Для анализа текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо как минимум ответить на три вопроса: 1) Содержит ли текст информацию о лице? 2) Содержит ли текст негативную информацию о лице? 3) В какой форме – утверждение, предположение – дана эта информация?» («Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации», М., 2002, с.215).
2. «Журналист описывает не событие как таковое и не сценарий как таковой, а их *психический образ*...Событие выступает в сознании журналиста в виде образа события. Образ события описывается при помощи текста, причем конечная задача этого текста – создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или слушателя)» («Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации». М., 1997, с.52).

Общие особенности статьи, определяющие содержание экспертного заключения по отдельным вопросам.

Исходя из текста статьи, можно заключить, что ее публикация оправдана наличием элемента эпатажа (необычность для российского читателя ситуации рождения детей в результате искусственного оплодотворения, нестандартность юридических и моральных отношений родителей, порожденных данной ситуацией, необычность социального положения главного персонажа, который является российским гражданином, известным стилистом, имеющим американское подданство и проживающим в настоящее время в США, заголовок с именем знаменитого певца) и громкого скандала, возникшего в результате тяжбы основных персонажей статьи: С. Гаркавого и женщины, названной в статье Т. Ольховской. Тем самым достигается цель привлечения внимания читателя к статье и газете в

целом. Никакая социальная значимость изображаемых событий в самом тексте статьи не выделяется. Этическая значимость статьи в ее тексте также специально не актуализируется, хотя опосредованно читатель может предположить, что таковая заключается в осуждении безнравственного (по оценке автора) поведения героя публикации – С. Гаркавого. В этой связи отдельно следует отметить редакторскую вставку, предваряющую основной текст, в котором говорятся общие фразы о неизбежном страдательном положении детей при выяснении отношений родителями, но органически со всем текстом они не связаны, также, кстати, как и фотографии, сопровождающие текст.

Все жанровые, сюжетно-композиционные и стилистические особенности статьи, начиная с ее заголовка, фотографии, внутренней рубрики, и кончая заключительной фразой, определяются этими обстоятельствами.

Статья построена таким образом, что ее смысл понимается как изобличение человека, который внешне благополучен во всех отношениях, часто произносит правильные слова, но внутреннее неблаговиден и этим обстоятельством определяются все его поступки. Поэтому при представлении С. Гаркавого читателю в публикации доминирует модус иронии в широком диапазоне: от легкой иронии до сарказма. Эту линию изобличения последовательно поддерживает другая линия – контраст внутренних моральных побуждений и внешнего поведения двух главных героев анализируемой публикации – С. Гаркавого и Т. Ольховской. Описание внешности, внутренних установок и интерпретация поступков Т. Ольховской дается в позитивном (или оправдательном) модусе, что усиливает негативное впечатление читателя о С. Гаркавом.

Эти антитезы, последовательно проведенные через всю статью, составляют содержание морально-психологического образа, передаваемого журналистом. Приводимые факты совмещаются с косвенной речью, передающей интерпретацию побуждений и поступков персонажей. Несобственно прямая речь и пересказательная модальность чередуются с авторской речью, причем непоследовательная маркировка авторства речи позволяют Д. Корсакову избежать прямых оскорблений, субъектность (кто говорит) которых уходит в неопределенную область, тогда как объектность (о ком идет речь) вполне конкретна. Весьма неопределенна и конкретно-логическая, и фактологическая направленность публикации. Характерно, например, что, вынеся в заголовок одной из рубрик ключевой для читателя вопрос «Зачем ему (С. Гаркавому) все это?», автор не счел нужным даже попытаться ответить на него. Дав мимоходом собственный ответ в форме вопроса – «из любви к детям?», тут же передает ответ другому персонажу статьи, из которого следует, что ни о какой любви С. Гаркавого к детям не может быть и речи... Столь же неясным, без фактологического обоснования в самом тексте является заголовок статьи. Его смысловая связь с одной из вставок, в которой говорится о браке Элтона Джона с женщиной, отсутствует. Заголовок завершается вопросительным знаком, при этом

смысловые функции вопроса в статье никак не проясняются (кто, кому, зачем его задает). Поэтому можно сделать вывод, что он (заголовок) имеет лишь функцию вызвать определенные ассоциации у читателя. В тексте немало и других явных смысловых противоречий, обходимых автором, например, противоречий между рядом поступком Т. Ольховской и их мотивацией.

Исходя из очерченных исследовательских установок и общих оценок статьи, даем экспертное заключение по сформулированным стороной истца вопросам.

Вопрос 1: Содержит ли статья «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» газеты «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г. информацию о Гаркавом С.Ю.?

Текст статьи «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» газеты «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г. содержит информацию о конкретном лице - Гаркавом Сергее, называемом в данной статье определенно и однозначно. Его имя и фамилию полностью, без изменения и сокращения автор неоднократно называет на протяжении всей статьи, часто употребляя только имя – «Сергей», иногда – по специальности – «стилист». Оно подтверждается указанием на множество фактов, позволяющих идентифицировать главного персонажа статьи как конкретное лицо: указанием на его местожитительство, передвижения (Москва, США, Рязань), отсылкой на некоторые факты биографии и общение с ответчицей (переписка и встречи с ответчицей, общение с матерью ответчицы, участие в юридических действиях – подписании документов, суде), и другие факты, в которых определенно обозначены даты и действующие субъекты.

Вопрос 2: Содержит ли указанная статья негативную информацию о Гаркавом С.Ю.?

В тексте содержится негативная информация о конкретном лице – Гаркавом Сергее.

Вопрос 3: В какой форме - утверждения или предположения - дана негативная информация о Гаркавом С.? От чьего лица они сделаны?

Значительную часть негативной информации автор подает в форме утверждений, выступая как рассказчик о событиях (Например: *Женщина родила парочку детей за деньги потом «нарушила контракт» ... «Сергей отступился. Но ненадолго. Вскоре по рязанскому телевидению в прайм-тайм пошли сюжеты: знаменитый американский стилист Гаркавый против дикой русской женщины и органов опеки, не желающих прислушиваться к отцовскому горю. «Вечерняя Рязань» опубликовала серию статей на ту же тему (в одной из них как бы ненароком указан домашний адрес Тамары). В ее подъезде появились листовки примерно такого содержания: «Может ли такая демоническая женщина воспитывать ребенка?..» Газеты наперебой*

судачили о том, что Гаркавий не просто стилист: он мэтр парикмахерского искусства, работавший с суперзвездами вроде Элтона Джона.

К скандалу подключились управления образования, здравоохранения, прокуратура и прочие заинтересованные учреждения. Сергей заверял всех, что ребенку угрожает опасность.»)

Начиная с фрагмента «С женщинами у меня не получается» события освещаются со слов ответчицы (во всяком случае, автор не приводит другие свидетельства), при этом, как правило, отсутствуют прямые ссылки на ее речь (вроде «со слов Тамары», «как уверяет Тамара» и т.д.) («Когда мать Тамары спросила: «А ты не хочешь с ней расписаться?» – он честно ответил, что женат и хотя давным-давно не живет с супругой, на развод не подает, так как процедура оформления развода в Америке – дело хлопотное... Впрочем, однажды Сергей в экзальтическом порыве предложил Тамаре обвенчаться: «Представь, как эффектно мы будем смотреться у алтаря!» Тамара отказалась: как-то странно превращать серьезное дело в шутовское шоу.»

«Тамара, доверившая ему во всем, вдруг увидела перед собой настоящее чудовище. То ли его подменили, то ли она просто была слепа... На следующий день он ворвался к ней в квартиру, попытался вырвать Георгия из рук. Она отбивалась и кричала, подбежав к окну:

Если не уйдешь, я разобью окно и позову на помощь прохожих!» ...«Сергей подал в суд, требуя лишить Татьяну родительских прав. На состоявшемся в начале августа заседании Сергей заявил, что Тамара согласилась родить ребенка за пять тысяч долларов. Суд не поверил стилисту. Ребенок остался с Тамарой» и т.д.).

В тексте имеется и значительное число предположений, многие из которых касаются мотивации поступков персонажей и непроверяемой информации («Как любая женщина, она мечтала, чтобы отцом чада стал человек достойный (то есть культурный, образованный, интеллигентный). И, как любая женщина, она хотела, чтобы этот человек был обеспеченным».

Вопрос 4: Если указанная статья содержит негативную информацию о Гаркавом С.Ю., то сообщения о каких конкретно фактах создают такую негативную оценку? Могут ли такие сообщения квалифицироваться как порочащие сведения?

Подобранные факты, приведенные в статье, могут быть квалифицированы как негативные, поскольку рисуют образ истца (его различных качеств и всего поведения), не соответствующий моральным нормам, действующим в обществе: лжет на суде («На заседании Сергей заявил, что Тамара согласилась родить ребенка за пять тысяч долларов. Суд не поверил стилисту»); действует по принципу «цель оправдывает средства» (решает «отобрать ребенка любой ценой»); плохой отец, т.к.

несерьезно относится к здоровью детей: одного ребенка заражает болезнью («она уверена: ребенка заразил Сергей, накануне приехавший в Россию»), другого, причем только «самого здоровенького», легкомысленно увозит в Америку («Уже на следующий день, как ни просила Тамара повременить, папа решил увезти в Америку самого здоровенького из тройни – Сашу»), готов приняться и за третьего («Из трех его общих с Тамарой детей живым и здоровым остался только один – Гоша. Сергей решил забрать и его»), проявляет бездушность: его любовь к детям носит формальный характер («Да он, даже когда приезжал в Рязань, проводил с Георгием от силы несколько часов!»), относится к детям как к «собственник», не уважает чужую собственность: «врывается» в чужую квартиру, пытается вырвать ребенка из рук матери, устраивает «истерики» («Из-за пустяка (Тамара обещала Сергею купить к его очередному приезду в Рязань компьютер и не успела) он устроил истерику»), в статье косвенно указывается на организацию им скандала и травли ответчицы («Сергей отступился. Но ненадолго. Вскоре по рязанскому телевидению в прайм-тайм пошли сюжеты: знаменитый американский стилист Гаркавий против дикой русской женщины и органов опеки, не желающих прислушиваться к отцовскому горю. «Вечерняя Рязань» опубликовала серию статей на ту же тему (в одной из них как бы ненароком указан домашний адрес Тамары). В ее подъезде появились листовки примерно такого содержания: «Может ли такая демоническая женщина воспитывать ребенка?..» «К скандалу подключились управления образования, здравоохранения, прокуратура и прочие заинтересованные учреждения. Сергей заверял всех, что ребенку угрожает опасность»). В тексте имеются прозрачные намеки на нетрадиционную сексуальную ориентацию истца, что в обществе оценивается негативно, как несоответствие с нормами нравственности (Тамара долго недоумевала, чего это представители официальных органов так иронизировали над истеричностью и манерностью Сергея. Потом в «Вечерней Рязани» процитировали письмо от американского друга Гаркавого. Тот писал: «Я являюсь наперсником Сергея уже в течение семи лет...» И рязанские читатели ломали голову, что за «наперсник» такой? Педик, что ли, только по-научному? Но Тамара отбрасывает все догадки. И все-таки слово «наперсник» теперь произносит с какой-то нехорошей улыбкой) Этому же впечатлению соответствует упоминание интимной подробности: намек на сексуальные проблемы истца – импотенцию (детей он имеет «не может, потому как интимные отношения с женщинами не складываются»); этот намек выделен в заголовок рубрики, что задает читателю особо актуализированное его восприятие.

«По поводу порочащих сведений (выделено нами – Н.Л.) есть разъяснение, данное в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 18.02.1992: «порочащими являются ... не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов ... которые умаляют честь и достоинство гражданина

либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». Таким образом, в определение порочащих сведений входят три признака: а) направленность на унижение чести и достоинства либо деловой репутации, б) характер сведений (нарушение законодательства или нарушение общепринятых в обществе моральных принципов (выделено нами – Н.Л.), в) ложность этих сведений» («Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» (М., 2002, с. 333).

Их оценка с точки зрения соответствия приведенных фактов действительности (пункт «в») не входит в компетенцию лингвистической экспертизы. Но лингвистическая экспертиза позволяет сделать заключение, что в статье имеют место сообщения о нарушении общепринятых в обществе моральных принципов (пункт «б») и путем приведения указанных фактов у читателя формируется отрицательное отношение к Гарковому С. Ю.: он способен солгать, опасный отец для детей, своим легкомыслием вольно или невольно способствующий их болезням, которые приводят к инвалидности и даже к смерти, отличается «немужским поведением»: истеричный, скандальный, манерный, предположительно - импотент и гомосексуалист.

Вопрос 5: Присутствуют ли в статье оскорбительные слова и фразы, относящиеся прямо или косвенно к Гарковому С.Ю.?

В тексте статьи имеются косвенные оскорбительные слова и фразы, относящиеся к Гарковому С.Ю.: «*настоящее чудовище*», «*педик*», «*собственник*» (по отношению к детям).

Вопрос 6: Имеются ли в статье указания на предвзятость, заведомую необъективность автора, на то, что он симпатизирует Т. Ольховской?

В тексте статьи имеются указания на предвзятость автора, на его заведомую необъективность в освещении всего, что касается обеих персонажей статьи: облагораживающие образ ответчицы и снижающие образ истца. Во-первых, имя и фамилия ответчицы изменены («*имя и фамилия по ее просьбе изменены – Ред.*»), а имя, фамилия и биографические данные истца даны без изменений, и в тексте нет указаний, что С. Гаркавый соглашался на это. Во-вторых, с первых же строк рисуется обаятельный образ ответчицы в сочувственных и несколько романтизированных тонах («*Женщина, открывшая дверь, была красива, с печальными умными глазами и осиной талией*», «*она вздохнула: «А вы уверены, что об этом стоит писать?»*», «*Иногда у нее появлялись слезы на глазах*» и пр.). По отношению же к С. Гарковому постоянно прослеживается ирония автора статьи («*Американский принц*» - заголовок дан в кавычках, «*мальчик мечтает иметь детей*» - о взрослом мужчине; «*в экзальтическом порыве предложил Тамаре обвенчаться: «Представляешь, как эффектно мы будем смотреться у алтаря!»*»), в тексте есть указание на ироническое отношение к нему представителей официальных органов («*представители официальных*

органов так иронизировали над истеричностью и манерностью Сергея»), рязанских читателей газеты («рязанские читатели ломали голову, что за «наперсник» такой? Педик, что ли, только по-научному?»), самой ответчицы (все-таки слово «наперсник» теперь произносит с какой-то нехорошей улыбкой). Намеки на сексуальное несоответствие общепринятой норме С. Гаркавого выделены в два специальных фрагмента с подзаголовками («С женщинами у меня не получается», «Семейная тайна»), настолько это штрих к портрету главного персонажа значим для автора публикации ввиду его большой «снижающей» образ силы. Отметим, что никакой уравнивающей позитивной информации нет. Напротив, на фоне очень положительной Т. Ольховской главный персонаж выглядит весьма непривлекательно.

В-третьих, мотивы не объясненных в статье решений с обеих сторон подаются автором статьи неодинаково: иронично, с намеками на неприглядные мотивы и качества по отношению к С. Гаркавому, но туманно-снисходительно по отношению к ответчице – представляемой в статье наивной, доверчивой («Тамара, доверявшая ему во всем, вдруг увидела перед собой настоящее чудовище»), мечтательной, романтической, чадолюбивой («как любая женщина, она мечтала, чтобы отцом чада стал человек достойный»), надеющейся на счастливый случай («И ей повезло!»), мечтающей о «принце», «солнечном мальчике» («Тамара встретила своего принца», «Тамаре показалось, что Сергей – тот самый «солнечный мальчик», которого она искала»), о счастливом ребенке (ср. ее реакцию на предложение искусственного оплодотворения: «Она не стала вдаваться в подробности (?): какая разница (?), зато у ребенка будет интеллигентный, материально обеспеченный отец...»). При этом умалчивается вопрос о сущности договора, возможно, имеющего коммерческий характер и характеризующего ее с неблагоприятной стороны, но представленного журналистом сочувственно, как естественную и простительную слабость – стремление женщины к счастью: «Да и она, конечно, хороша (якобы осуждающее начало фразы, которое сразу сменяется риторической фигурой, снимающей осуждение): ну можно ли было так наивно соглашаться на все, что предлагал ей странный приятель!? Но судить всегда легко, а вот понять, что ей, как всякой, хотелось простого бабьего счастья...» и пр.).

Вопрос 7: Создается ли впечатление, что Сергей попал в квартиру без согласия Ольховской и один, без сопровождения ответственных лиц, а так же что именно Сергей отнимал ребенка?

Да, из текста статьи следует, что Сергей попал в квартиру без согласия Т. Ольховской и один, без сопровождения ответственных лиц, а также что именно Сергей отнимал ребенка («На следующий день он ворвался к ней в квартиру, попытался вырвать Георгия из рук. Она отбивалась и кричала, подбежав к окну: Если не уйдешь, я разобью окно и позову на помощь прохожих!»).

Общий вывод

Исходя из лингвистического анализа статьи «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» («Комсомольская правда» от 18 сентября 2001 года) можно сделать заключение о том, что она содержит негативную информацию о Сергее Гаркавом, создает его образ как человека, нарушающего общепринятые моральные нормы, и тем самым наносит ущерб его достоинству, доброму имени и деловой репутации.

ТЕКСТ 6

- Внешнеситуационный: публикация в электронном СМИ
- Участники ситуации: адресант / журналист / - адресат / массовый - пользователи веб-сайтов, индивидуальный - герои публикации/
- Иллокутивный: цель – критика
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения и ее интерпретация /оценка, мнение/
- Модальный: модальность достоверности/ субъективная модальность
- Перлокутивный: унижение чести, достоинства и деловой репутации
- Индикаторы конфликта: отсутствуют
- Текст: не является злоупотреблением

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по тексту статьи «"Хабаризация" всей страны. Часть 2»
(Горбаневский М.В., Шаклеин В.М., Бельчиков Ю.А., Кара-Мурза Е.С.,
Мамонтов А.С., г.Москва, ГЛЭДИС)

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

1. Ксерокопия распечатки публикации «"Хабаризация" всей страны. Часть 2», подписанной Светланой Дылевской и размещенной на веб-сайте представительства "Интерньюс Нетуорк" в Казахстане в электронном бюллетене № 23 (117) за 2001 год на 6-и стр. (сс.2-7).
2. Ксерокопия искового заявления Алиева Рахата Мухтаровича (по доверенности – ТОО "Юридический центр") о защите чести, достоинства и деловой репутации от 05.12.2001 на 2-х стр.
3. Ксерокопия заключения экспертов № 2561 Центральной (Алматинской) научно-производственной лаборатории судебной экспертизы от 21 марта 2002 г. на 20-и стр.

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексике?
2. Содержатся ли в публикации "Хабаризация" всей страны. Часть 2" слова или словосочетания, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?
3. Содержатся ли в публикации "Хабаризация" всей страны. Часть 2" клеветнические высказывания или измышления в адрес Р.М.Алиева?

4. Содержится ли в оспариваемом фрагменте публикации “Хабаризация” всей страны. Часть 2” оценка личности и деятельности Р.М.Алиева?
5. Содержатся ли в публикации “Хабаризация” всей страны. Часть 2” высказывания, дающие негативную оценку личности Р.М.Алиева?
6. Каков смысловой контекст оспариваемого Р.М.Алиевым фрагмента публикации:
“Д. Назарбаева и ее супруг - первый заместитель председателя КНБ РК Рахат Алиев, владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг (телеканалы Хабар, КГК, НТК, “ОРТ-Казахстан”, радиостанция “Европа плюс Казахстан”, “Хит ФМ-Хабар”, “Русское радио”, “Радио Ретро-Караван”, газеты “Новое поколение”, “Караван”, типография “Каравана”, информационное агентство “Kazakhstan Today”, рекламное агентство TV-Media и др.) В этом же ряду стоят телекоммуникационная компания КАТЕЛКО, “Казахстанская вещательная корпорация” (зимой 2000 года постановлением правительства две организации, в ведении которых находились телерадиопередающие средства (передатчики, телевышки, телецентры и т.п.) были реорганизованы и права владения и пользования государственным пакетом акций новоиспеченной организации были переданы “КВК-Казахстанской Вещательной Корпорации”, учредителем которой является группа юридических и физических лиц. Эксперты задаются вопросом, кому была выгодна приватизация госсобственности?)”
7. Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста публикации “Хабаризация” всей страны. Часть 2” ?
8. Какими, исходя из анализа стилистики, композиции публикации “Хабаризация” всей страны. Часть 2” и семантики ее лексических компонентов, являются целеполагающие установки данной публикации - как текста, обращенного через электронное СМИ к множеству читателей?

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

1. Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексике?

В лингвистических экспертизах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, ключевым звеном является детальное изучение значения и стилистической окраски слов и словосочетаний современного русского языка, содержащихся в представленных на экспертизу текстах, учитывая их возможное использование для унижения чести и достоинства другого человека, выраженное в неприличной форме (оскорбления).

При оскорблении в отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость и ложность распространяемых сведений значения не имеет. В практике принято выделять определенные разряды слов литературного и разговорного языков, использование которых в отношении определенного лица (прежде всего, физического), как правило, является оскорбительным. Это следующие разряды:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*.
2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*.
3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.
4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.
5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, хапнуть*.
6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.
7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.
8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование в качестве характеристик лица нецензурных слов.

2. Содержатся ли в публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” слова или словосочетания, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

В анализируемой публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” не содержится оскорбительной лексики.

3. Содержатся ли в публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” клеветнические высказывания или измышления в адрес Р.М.Алиева?

Вопрос находится вне компетенции экспертов-лингвистов: клевета содержит умысел, а эксперт-лингвист не может определить наличие/отсутствие умысла.

4. Содержится ли в оспариваемом фрагменте публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” оценка личности и деятельности Р.М.Алиева?

Собственно оценки оспариваемый фрагмент не содержит. Фрагмент содержит информацию о том, что Рахат Алиев (и его супруга Д. Назарбаева) ...“владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг”.

Эта информация (сведения) не может быть признана положительной или отрицательной, так как само по себе владение чем-нибудь или контролирование чего-нибудь не может характеризовать человека с хорошей или плохой стороны. При этом информация о владении чем-либо или о прямом контроле может быть проверена (верифицирована); сведения о косвенном контроле документально подтвердить трудно, таким образом, информацию в тексте о косвенном контроле верифицировать затруднительно.

Что такое оценка личности с лингвистической точки зрения? Это приписывание (приписывание) человеку *свойств и качеств* в аспекте Добра или Зла, Пользы или Вреда, Красоты или Безобразия, Благородства или Подлости и тому подобных аксиологических (оценочных) категорий или представление его *действий и поступков* как подлежащих аксиологической характеристике. С точки зрения языковой формы это выражается в употреблении стилистически окрашенной, экспрессивно-оценочной лексики (а не стилистически нейтральных синонимических вариантов). Приведем пример нейтрального и оценочного названия человека, его свойств и действий. Можно сказать, что он *некрасив*, а можно – что он *урод*. В последнем случае высока степень проявленности качества, т.е. экспрессивность слова. Можно сказать, что человек что-то *взял без разрешения и без основания*, а можно – что он это *украл* или *спер*. Если в первом случае в формулировке содержится неэмоциональная и неоценочная констатация события, то во втором случае в значении слова заложена ярко выраженная оценка действия как противоправного, не соответствующего ни закону, ни нравственным критериям. А в третьем случае негативная оценка настолько сильна, что сама находится за гранью допустимого речевого поведения. Такие слова называются ненормативными (в данном случае это экспрессивно-просторечное слово), а их употребление не рекомендуется в официальных ситуациях, да и вообще не приветствуется, потому что их употребление само может оцениваться как неправомерное речевое поведение – унижение чести и достоинства личности как объекта оценки.

Во фрагменте текста публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2”, который лег в основание иска, полностью отсутствуют оценочные номинации действий и состояний истца. Все глаголы, которыми обозначены эти действия и состояния, относятся к стилистически нейтральной неоценочной лексике русского языка: “Д. Назарбаева и ее супруг – (..) Рахат Алиев владеют или контролируют (..) несколько теле- и радиосетей (..)”. Другое дело, что в этой фразе допущена грамматическая стилистическая ошибка при употреблении однородных сказуемых, выраженных глаголами с разными управляемыми падежами (надо было бы написать “владеют несколькими теле- и радиосетями и контролируют их”). Но для данной исковой ситуации эта стилистическая ошибка не имеет никакого значения, так как не влияет на значение фразы.

5. Содержатся ли в публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” высказывания, дающие негативную оценку личности Р.М.Алиева?

Высказываний (в форме утверждения, предположения), содержащих негативную информацию лично о Р.М. Алиеве или негативную оценку Р.М. Алиева, в публикации не содержится.

Публикация ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” посвящена “подробностям о ЗАО “Агентство “Хабар”. Цель статьи определена автором в начале публикации. Подробности предполагают рассказ (информацию) об объекте (“Агентство “Хабар”). Статья – последовательная “история вопроса” “Агентства “Хабар”. Автор сопровождает эти подробности (факты) большим количеством цитируемого материала, который позволяет читателю ответить на вопросы, которые интересуют журналиста. Так, излагая “вопрос государственной поддержки канала”, автор цитирует интервью Д. Назарбаевой; см. также “На вопрос журналистов, кто является учредителем канала и как он получил частоту” - ответ (в изложении) министра культуры А. Сарсенбаева.

Все приводимые факты журналист, конечно, анализирует, однако основной элемент анализа - риторические вопросы, задаваемые автором, так как основная задача автора – сопоставить и осмыслить факты (источники всегда указываются) и интерпретацию этих фактов. Заметим также, что весь анализ дан в форме предположений: “Думается, что сказанное...” - вводное слово *думается*; “Видимо, решив подстраховаться...” - вводное слово *видимо*; “эксперты по СМИ говорят” – предложение, указывающее на источник мнений.

Автор данной публикации активно пользуется сведениями и мнениями, сформулированными другими журналистами или другими субъектами информационной и политической деятельности, включая свое агентство как целое. Ср. авторизованное высказывание с двумя субъектами: один – это коллективный субъект речедеятельностного предиката (“СМИ, близкие к правительственным кругам”), а другой субъект - реальный автор высказывания (журналистка С. Дылевская), выражающий свою недвусмысленно негативную оценку способа действий этих СМИ: “преподносят” – это ироничный синоним стилистически нейтрального глагола “пишут” – доминанты синонимического ряда, входящего в большое лексико-семантическое поле с общим значением “передача информации” (говорить, писать, рассказывать). Кроме того, источниками информации и мнений, упомянутыми в статье, являются также Д. Назарбаева (“Кстати, сама Д. Назарбаева неоднократно заявляла об идеях создания ряда “хабаров” и о ретрансляции “клонированных” каналов на всю республику: (интервью газете “Новое поколение”: “...сегодня ясно, что...”), правительство (“А еще раньше, весной (22 апреля) 1998 года правительство издало постановление № 380...”), вышеупомянутая “Казахстанская Правда” и нек. др. (Полисубъектность текста как лингвистическая проблема исследована в ряде трудов проф. Г.А. Золотовой). Большой разоблачительный пассаж относительно роли Д. Назарбаевой принадлежит обозревателю казахстанской прессы Андрею Свиридову. Прочитируем (в сокращении, сохраняя авторское правописание) его мнение, поскольку оно также сформулировано с

применением ряда риторических приемов косвенной негативной оценки, которые автор вынужден использовать, поскольку Д. Назарбаева – дочь президента Казахстана Н. Назарбаева: “Если человек хочет и может руководить электронным СМИ и это у него получается, то пусть и руководит, чьим бы отпрыском его не угораздило родиться. Тем более, что первоначальные информационные программы “Хабара”, еще в качестве одной из редакций КазТВ, являли собой заметный прогресс по сравнению с прежней продукцией государственной телерадиокомпании, застывшей в безнадежном “совке”. Если бы новая телекомпания действительно развивалась в эту сторону, это можно было бы только приветствовать. Если бы возглавляемая “дочерью Казахстана” медиа-империя могла бы – и желала бы – играть по общим правилам, а не устанавливать их сама под себя!... И уж тем более не стремилась бы то и дело менять эти правила по ходу игры...”.

6. Каков смысловой контекст оспариваемого Р.М.Алиевым фрагмента публикации: *“Д. Назарбаева и ее супруг - первый заместитель председателя КНБ РК Рахат Алиев, владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг (телеканалы Хабар, КГК, НТК, “ОРТ-Казахстан”, радиостанция “Европа плюс Казахстан”, “Хит ФМ-Хабар”, “Русское радио”, “Радио Ретро-Караван”, газеты “Новое поколение”, “Караван”, типография “Каравана”, информационное агентство “Kazakhstan Today”, рекламное агентство TV-Media и др.) В этом же ряду стоят телекоммуникационная компания КАТЕЛКО, “Казахстанская вещательная корпорация” (зимой 2000 года постановлением правительства две организации, в ведении которых находились телерадиопередающие средства (передатчики, телевышки, телецентры и т.п.) были реорганизованы и права владения и пользования государственным пакетом акций новоиспеченной организации были переданы “КВК-Казахстанской Вещательной Корпорации”, учредителем которой является группа юридических и физических лиц. Эксперты задаются вопросом, кому была выгодна приватизация госсобственности?)”* Фрагмент, приведенный в исковом заявлении, процитирован частично, вырван из контекста. В самой публикации этот фрагмент – часть абзаца, начинающегося фразой: “Эксперты по СМИ говорят, что сегодня все крупные казахстанские СМИ фактически перешли в собственность членов семьи президента страны, либо частных лиц, близких к президентским кругам”. Важно обратить внимание на то, что это мнение не автора статьи, а экспертов по СМИ, на что указывает вводное предложение “Эксперты по СМИ говорят”. Фрагмент искового заявления и следующего за процитированным выше первым предложением абзаца публикации, таким образом, может быть отнесен к подтверждению мнения экспертов. Содержание заключительной фразы (вопроса) абзаца “Эксперты задают вопрос: кому была выгодна приватизация госсобственности?” также указывает на то, что фрагмент, приведенный в иске, - аргумент в пользу верности мнения экспертов по СМИ.

В указанном фрагменте отсутствуют оценочные номинации, касающиеся личности истца. Словарь сочетаемости слов русского языка (под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, изд. 2, испр., М., 1983) дает такие определения к слову “личность”, как “человеческая, отдельная, историческая” и нек. др. неоценочные дефиниции, а также “выдающаяся, героическая, светлая, темная, подозрительная” и под., дающие оценочную квалификацию. Из приведенного списка видно, что в состав лексического значения оценочных прилагательных входит категориальный аксиологический компонент “хороший” или “плохой”, содержащий явную этическую составляющую. Отметим, что, по мнению выдающегося современного русиста, члена-корреспондента Н.Д. Арутюновой, оценка как феномен человеческого познания и отношения к миру всегда содержит в более или менее отчетливой форме этический, нравственный аспект. По словарю П.Н. Денисова и В.В. Морковкина ЛИЧНОСТЬ – это “человек как член общества и как носитель личного, индивидуального начала; совокупность свойств, присущих данному человеку”, а по “Толковому словарю русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это “1. Человек как носитель каких-н. свойств, лицо (в 3 знач.). 2. *мн.* Обидные замечания, намеки”. Ни одного определения личности в цитируемом отрывке нет, потому что автор статьи С. Дылевская и не ставила своей задачей оценку личности Р.М. Алиева – ни в цитированном фрагменте, ни в статье в целом.

Отметим специально такие текстовые субъекты, как “наблюдатели и ТВ-эксперты” и “эксперты по СМИ”. Доверяя им высказывать экспертное мнение, автор публикации С. Дылевская прибегает к испытанному риторическому приему обращения к авторитетам для придания своей позиции большей убедительности в глазах читательской аудитории интернет-издаия. Кроме того, таким способом автор уменьшает возможность преследования за критику, поскольку использует мысли из авторитетных интеллектуальных источников и создает фундамент обоснованности своей журналистской позиции. Именно “эксперты по СМИ” и являются субъектами мнения во фрагменте, послужившем основанием данного иска. Он представляет собой один из последних абзацев публикации ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” и непосредственно следует за абзацем, где сформулирована ключевая проблема статьи. Прочитав фрагмент, но не так, как это сделал истец. Разобьем его на логико-композиционные элементы и прокомментируем логическую структуру этого фрагмента с 1 по 9 пункт. Прочитав целиком оба абзаца, постараемся понять, уже познакомившись в ходе экспертного анализа со всей статьёй, какой персонаж статьи является главным объектом критики в данном произведении:

1. К сожалению, вопрос о реальных владельцах крупнейших казахстанских СМИ остается тайной за семью печатями. 2. Складывается парадоксальная ситуация, когда 3. с одной стороны, СМИ являются формально независимыми (то есть негосударственными, частными), а с другой - прослеживается явная близость государственных структур к крупнейшим теле- и радиосетям. 4. В таких условиях невозможен какой-либо контроль

общества за законностью использования государственных доходов, за законностью получения и распределения доходов, начисления налогов и т.п. 5. Эксперты по СМИ говорят, что б.сегодня все крупные казахстанские СМИ фактически перешли в собственность членов семьи президента страны, либо частных лиц, близких к президентским кругам. 7. Д. Назарбаева и ее супруг – первый заместитель председателя КНБ РК Рахат Алиев, владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг (...). В этом же ряду стоят телекоммуникационная компания КАТЕЛКО (...). 8. Эксперты задаются вопросом, 9. кому была выгодна приватизация госсобственности?

Данный текстовый фрагмент состоит из двух абзацев и располагается в заключительной части статьи. В нем содержатся основные наблюдения и выводы автора статьи по поводу ситуации в казахстанских СМИ. В п.1 сформулирована основная проблема статьи относительно генерального объекта текста. В п. 2 оценена ситуация, то есть сформулирован основной тезис данного заключительного фрагмента статьи, а в 3 приведены аргументы к этому тезису. Пункт 4 представляет собой вывод-следствие из этого рассуждения. Пп. 5 и 8 представляют собой авторизационные конструкции, в которых появляется особый субъект речи – “эксперты”, причем этот субъект призван и усилить своим авторитетом производимое на аудиторию впечатление, и распределить ответственность за критические мнения, высказываемые относительно генерального объекта текста – “крупнейших казахстанских СМИ”. Это - один из приемов “эзопова языка” в условиях ограниченной свободы слова. Пункт 6 – основа для критического пафоса статьи, фактивный тезис. Здесь информация подана в специфической синтаксической позиции (в придаточном изъяснительном, где сведения воспринимаются с наименьшей критичностью, как само собой разумеющиеся; это так называемая семантическая пресуппозиция). Однако суггестивность (некритичность восприятия) этой информации смягчена глаголом в модусной рамке (перформативный, т.е. речевой глагол “говорить” обладает меньшей верифицирующей, истинностной силой, нежели, например, глагол “сообщать”). Пункт 7 является аргументом-примером к тезису в п. 6 и собственно и представляет собой предмет для искового заявления. Он содержит сведения, которые истец считает не соответствующими действительности. И, наконец, п. 9 являет собой косвенное утверждение, сделанное в виде риторического вопроса. Формулировка “Кому была выгодна приватизация госсобственности?” в предлагаемых обстоятельствах означает только одно: “Приватизация госсобственности была выгодна тем, кто ее получил”, а из предыдущих высказываний читателю это стало совершенно понятно: это члены семьи президента Назарбаева, в первую очередь его дочь Д. Назарбаева. Она, а вовсе не Р. Алиев является основным объектом критики анализируемой статьи в информационном интернет-бюллетене “Интерньюс Нетуорк” в Казахстане, мнение которого представлено автором статьи – журналистом С. Дылевской.

На основе проведенного анализа можно выявить то, что в этом пассаже (т.е. в п.7) причинило истцу, по его мнению, “непоправимый моральный вред, выразившийся в дискомфортном, нервном состоянии”. В этом высказывании распространяются как нечто уже известное, как аргумент к тезису, сведения, которые он считает не соответствующими действительности. А сам истец, по его словам, предстает в этой фразе как субъект действия, не соответствующего действительности. Причина такого восприятия данной фразы и истцом, и потенциальной аудиторией чисто лингвистическая, но она лежит не в употреблении негативно оценочной лексики, которая призвана оскорблять личность субъекта действия и унижать его честь и достоинство, дискредитировать его в глазах потенциальной аудитории. Этого здесь нет. Причина лежит в специфической синтаксической организации фразы, которая является характерной для русского языка в целом и часто встречается в журналистских текстах как новостного, так и аналитического характера, обладающего как позитивным, так и негативным пафосом. Анализируемая фраза устроена так, что сведения, содержащиеся в ней, воспринимаются как достоверные, хотя это может быть и не так. Здесь лингвистическая экспертиза оказывается у границ своей применимости, так как доказывать истинность или неистинность содержащихся в тексте сведений не входит в ее компетенцию.

Однако необходимо добавить, что лингвистика различает событие и оценку события, мнение о событии. И если фраза, содержащая событийную информацию, не подлежит лингвистическому суду, то это нельзя сказать о фразе, содержащей оценочное суждение. С точки зрения лингвистики это мнение, т.е. высказывание, не подлежащее как таковое процедуре верификации, проверке на истинность. А с точки зрения теории и практики журналистики мнение – неотъемлемая принадлежность текстов СМИ, право формулировать и распространять которые и для журналистов, и для других категорий граждан защищено Конституцией и национальными и международными законодательствами о СМИ.

7. Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста публикации “Хабаризация” всей страны. Часть 2” ?

Текст написан в жанре критической статьи, в сущностные характеристики которой входит наличие мнений по тем или иным важным вопросам современности. Высказываться по этим вопросам, поднимать их, вызывать к ним интерес широкой общественности – это профессиональная задача журналистики. Никто, никакие должностные лица не могут ей в этом воспрепятствовать. Мнения неподсудны, а свобода выражения и распространения мнений зафиксирована в Конституциях большинства демократических стран как одна из основополагающих гражданских свобод и одно из базовых прав личности. Однако информация в любом журналистском тексте должна быть достоверной, а мнения доказательными. Это тоже профессиональный долг журналистики, и в случае его невыполнения она должна исправлять допущенные промахи в соответствии с

правилами, установленными законами и профессиональными кодексами. Неверная информация опровергается, а некорректные мнения оспариваются. С уверенностью можно сказать, что в тексте публикации не содержатся оскорбительные оценки личности истца, и вообще никого из действующих лиц публикации. С уверенностью можно сказать, что об истце и о других действующих лицах распространены сведения, согласно которым они совершили деяния, которые могут и должны стать объектом критики и дальнейшего расследования (для истца это участие высокопоставленного государственного служащего в приватизации и использование служебного и семейного положения). Степень достоверности именно этих сведений лингвистическим путем не определяется. Для этого нужны фактические доказательства, которые в статье не приведены. Информация сформулирована с опорой на высказывания различных субъектов казахстанского медиапроцесса и недостаточно конкретно. Сведения, распространяемые журналистом, должны быть достоверными, а мнения – обоснованы убедительными фактами. В случае с анализируемой публикацией у лингвистов-экспертов возникают некоторые сомнения, связанные с языковой формой подачи информации. Что означает “контролируют *прямо или косвенно*” – каковы “формы” этой косвенности, какова ее степень? Что означает определение “объединенные *неформально* в медиахолдинг” – нет и не было документов об их объединении? Или журналисты не сумели их вовремя достать? В любом случае обоснованность действительно серьезных претензий к адрес Д. Назарбаевой, Р. Алиеву и другим персонажам публикации (кстати, безымянным) должна стать во главу угла дальнейшего журналистского расследования и быть явно представленной в тексте публикации. Эксплицирование доказательной базы журналистского текста позволяет авторам подобных критических статей избегать предъявления к ним судебных исков.

В целом статья ““Хабаризация” всей страны. Часть 2” ставит своей целью на основании большого фактологического материала и в рамках лингвистической корректности привлечь общественное внимание к ряду насущных проблем медиабизнеса и к деятельности медиакомпаний Казахстана. Исследованный комиссией экспертов текст написан очень взвешенно, эмоционально сдержанно, изложение имеет объективно-констатирующий характер. Автор стремится свои утверждения, а также оценочные суждения (которым тоже присуща сдержанная, преимущественно рационалистически-рассудочная экспрессия) обосновать логически или с опорой на цитаты из интервью должностных лиц, газетные материалы, официальные документы. Подтверждением данного тезиса экспертов служит то обстоятельство, что в шестистраничном тексте публикации 37% составляют прямые цитаты и ссылки на документы, или их изложение. С.Дылевская проявляет осторожность в изложении своих утверждений, высказывая некоторые из них в предположительной форме: “Видимо.....”, “Думается.....”, “...Наблюдатели ... полагают, что, скорее всего...” и др.

В тексте публикации нет необоснованно резких по тональности, по экспрессивной оценке негативных оценок должностных лиц, учреждений, органов СМИ. Несомненно выразительным, заставляющим обратить внимание на журналистский материал представляется заголовок данной публикации, четко соотносящийся с ее содержанием и заостряющий внимание читателя на процессах, происходящих в системе казахстанских СМИ (тем более – местного читателя, владеющего актуальным фондом фоновых знаний). Вместе с тем заголовок публикации эксперты считают единственным острым, публицистически заряженным компонентом публикации, не выходящим, впрочем, за границы лингвистической корректности. Экспрессивные речевые средства в анализируемой публикации представлены весьма скромно и в своем большинстве относятся к сфере рационально-рассудочных оценок; их выразительность характеризуется сдержанностью, свойственной уравновешенной книжной речи, стилю изложения объективно-аналитического характера. Даже сдержанно-скептическое отношение (самое большее, что позволяет себе автор) выражается при помощи экспрессивных речевых средств умеренной, “спокойной” тональности: “не стоило *обольщаться* по поводу “скромных” аппетитов РГП...”, “о ретранслировании “клонированных” каналов...”, “Радио “Хабар” же, что называется, “застолбило” участок...”, “...исподволь приучая слушателей к “*пришествию*” ...медиа-холдинга”. Многие из такого рода “экспрессы” представляют собой переносно-метафорическое употребление или нейтральных слов, или устоявшихся в литературной речи словосочетаний более узкого значения (типа “звездный час” или “застолбить участок”).

8. Какими, исходя из анализа стилистики, композиции публикации “Хабаризация” всей страны. Часть 2” и семантики ее лексических компонентов, являются целеполагающие установки данной публикации – как текста, обращенного через электронное СМИ к неопределенному множеству читателей?

Влиятельная современная теория речевых актов, утверждает, что одной из конституирующих особенностей высказывания как единицы речевого общения является показатель иллокутивной силы, то есть того *задания*, которое осуществляет говорящий по отношению к слушающему, чтобы донести до того *нужную информацию в определенном ключе*. Говорящий, например, может ставить своей целью *сообщить информацию о каком-то событии*, а может – и показать свое отношение к этому событию, оценив его как “хорошее” или “плохое”, то есть *раскритиковать* или *расхвалить* его, а может и обнаружить особый смысл события – и тогда *интерпретировать* его, а если это некий тайный, утаиваемый во вред обществу смысл – то и *разоблачить* его. Иллокутивной силой обладает как *единичное высказывание* (минимальное речевое произведение), так и полномасштабное – *текст*. Комплексная иллокутивная сила есть и у журналистского текста. Она, как правило, формулируется как его жанровое название или его типологическая позиция в системе журналистских жанров. В случае публикации

““Хабаризация” всей страны. Часть 2”, перед нами - текст, принадлежащий к жанру *статьи* в пределах группы *аналитических жанров*. Его специфическую (субжанровую) отнесенность мы определяем как критическую статью. Задание (целеустановка, иллокутивная сила) этого текста формулируется автором на двух уровнях, в соответствии с двумя объектами публицистического исследования (единичного – ЗАО “Агентство “Хабар” и обобщенного в масштабах республики, генерального – всего информационного рынка Казахстана). Целеустановка первого уровня (конкретная) формулируется на первой же странице в явном виде, с помощью глагола, обозначающего специфический аспект профессиональной деятельности журналиста: “В этом номере мы публикуем подробности о ЗАО “Агентство “Хабар””. Целеустановка второго уровня (обобщенная) нигде не сформулирована в тексте эксплицитно (явно), однако читатель может сформулировать ее сам. Для этого у него есть, во-первых, формулировка основной проблемы, которая поднимается в статье на последней странице и звучит как дедуктивный вывод относительно медиаситуации в стране на основании ряда вышеприведенных примеров: “К сожалению, вопрос в реальных владельцах крупнейших казахстанских СМИ остается тайной за семью печатями. Складывается парадоксальная ситуация, когда с одной стороны, СМИ являются формально независимыми (то есть негосударственными, частными), а с другой – прослеживается явная близость государственных структур к крупнейшим теле- и радиосетям. В таких условиях невозможен какой-либо контроль общества за законностью использования государственных средств, за законностью получения и распределения доходов, начисления налогов и т.п.” (сохранено правописание подлинника). Соответственно целеустановку статьи мы определяем как конструктивную критику с позиций интересов общества и в защиту конституционных положений. Во-вторых, критический, разоблачительный пафос статьи явствует из активного употребления оценочных номинаций применительно к ситуации и к действиям ряда игроков казахстанского медиаполя, которые участвуют, судя по тому, какие события описаны в статье, в специфической приватизации государственных СМИ и незаконном финансировании частных СМИ через бюджет республики. Здесь уже действительно есть словесные оценки, но, во-первых, оценки не истца Р.М. Алиева, а других (хотя и близких ему) людей и, во-вторых, оценки, сформулированные вполне корректно, в пределах норм литературного языка, т.е. безусловно не оскорбительные.

Пример негативной оценки ситуации – это употребление вводной конструкции “К сожалению”. В современных синтаксических терминах такая конструкция определяется как модальная рамка высказывания и как способ авторизации, то есть специальный грамматический способ выявления говорящего субъекта - создателя данного высказывания. Этот субъект в принципе способен не только описать положение дел в мире (предложить слушающему, вообще - аудитории так называемую диктумную информацию), но и выявить свое отношение к ней (предложить аудитории

модусную информацию). Журналист как автор всегда выражает не столько личное отношение, не столько личные интересы, сколько отношение и интересы некоторой группы людей. В приведенной нами ключевой фразе всей статьи эта группа четко обозначена – это “общество”, т.е. гражданское общество, контроль которого за деятельностью казахстанских СМИ невозможен, по мнению редакции как коллективного автора (коллективного ратора, в соответствии с термином известного филолога, теоретика риторики и проблем СМИ Ю.В. Рождественского).

Пользователи веб-сайтов (к которым относится аудитория интернет-бюллетеня представительства “Интерньюс Нетуорк” в Казахстане) на постсоветском пространстве заведомо не принадлежат к массовому читателю. Это интеллектуальная элита, которая прочитывает почти все сказанное в журналистских текстах (во всяком случае почти все вложенное туда журналистами) даже в имплицитной, подтекстовой форме. Так что сведения о том, как идет приватизация казахстанских СМИ и кто их нынешние хозяева, аудитория, конечно, из этой публикации получила. Однако то, какие она из них сделала выводы (те, которые предлагает редакция и которых опасается истец, или какие-то самостоятельные), нуждается в отдельном исследовании, поскольку у этой аудитории достаточно высоки барьеры критичности восприятия.

Вся публикация С. Дылевской представляет собой журналистское расследование на основании сведений, которыми располагает ее издание, а также другие представители медиапространства Казахстана. Тема этого расследования - животрепещущая, проблема представляет собой важный общественный интерес, поэтому обращение к ней более чем закономерно. Журналист вправе поднимать болезненные темы современности, это его специфическая задача, неотъемлемая часть профессиональной деятельности.

ТЕКСТ 7

- Внешнеситуационный: статья СМИ
- Участники ситуации: адресант / журналист/ - адресат / массовый-читатели, индивидуальный –герои публикации/
- Иллокутивный: цель – критика
- Внутриситуационный: не исследован
- Модальный: не исследован
- Перлокутивный: клевета
- Индикаторы конфликта: не обнаружены
- Текст: не является злоупотреблением

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по тексту статьи “Черногоров подбирается к Ставрополю”
(Горбаневский М.В., Сафонова Ю.А., Шаклеин В.М., г. Москва, ГЛЭДИС)

Основание проведения лингвистического исследования: запрос депутата Государственной Думы РФ Б.М.Титенко в связи с расследованием уголовного дела, возбужденного против В.А.Красули прокуратурой Ставропольского края по ч.2 ст.129 УК РФ по заявлению губернатора Ставропольского края А.Л.Черногорова.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

1. Ксерокопия заметки “Черногоров подбирается к Ставрополю” (газета “Новый гражданский мир”, №1 за 2002 г., редактор В.А.Красуля).

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексике?
2. Содержатся ли в заметке “Черногоров подбирается к Ставрополю” слова или словосочетания, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?
3. Содержатся ли в заметке “Черногоров подбирается к Ставрополю” клеветнические высказывания или измышления в адрес А.Л.Черногорова?
4. В каком значении в следующем фрагменте заметки “Черногоров подбирается к Ставрополю” использовано прилагательное *недееспособный*:

“Печально признавать, но пока черногоровская команда имеет все основания ликовать. Чудом избежав поражения на губернаторских выборах только потому, что краевые элиты не смогли договориться и выставить проходного кандидата, избежав по этой же причине создания мощной оппозиции внутри краевой Думы, наш шумный и амбициозный, но абсолютно недееспособный губернатор вот-вот приберет к рукам и краевой центр”?

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

1. Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексике?

В лингвистических экспертизах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, ключевым звеном является детальное изучение значения и стилистической окраски слов и словосочетаний современного русского языка, содержащихся в представленных на экспертизу текстах, учитывая их возможное использование для унижения чести и достоинства другого человека, выраженное в неприличной форме (оскорбления).

При оскорблении в отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость и ложность распространяемых сведений значения не имеет. В практике принято выделять определенные разряды слов литературного и разговорного языков, использование которых в отношении определенного лица (прежде всего, физического), как правило, является оскорбительным.

Это:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*.
2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*.
3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.
4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.
5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, ханнуть*.
6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.
7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.
8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование в качестве характеристик лица нецензурных слов.

2. Содержатся ли в заметке “Черногоров подбирается к Ставрополю” слова или словосочетания, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

В анализируемой заметке “Черногоров подбирается к Ставрополю” не содержится оскорбительной лексики.

3. Содержатся ли в заметке “Черногоров подбирается к Ставрополю” клеветнические высказывания или измышления в адрес А.Л.Черногорова?

Вопрос находится вне компетенции экспертов-лингвистов: клевета содержит умысел, а эксперт-лингвист не может определить наличие/отсутствие умысла.

4. В каком значении в следующем фрагменте заметки “Черногоров подбирается к Ставрополю” использовано прилагательное *недееспособный*:

“Печально признавать, но пока черногоровская команда имеет все основания ликовать. Чудом избежав поражения на губернаторских выборах только потому, что краевые элиты не смогли договориться и выставить проходного кандидата, избежав по этой же причине создания мощной оппозиции внутри краевой Думы, наш шумный и амбициозный, но абсолютно недееспособный губернатор вот-вот приберет к рукам и краевой центр”?

Слово *недееспособный* в современном русском языке имеет следующие значения: 1. Неспособный к действию, к деятельности; 2. Не обладающий дееспособностью, не имеющий право на совершение действий юридического характера и не несущий ответственности за свои поступки (юрид.). Ср. также: *недееспособность* – отсутствие у какого-либо лица права на совершение юридических действий в силу неспособности нести ответственность за свои поступки.

Первое значение слова *недееспособный* – общеупотребительное, имеет книжный оттенок. Второе – ограничено сферой употребления - текстами юридического содержания, это значение терминологическое.

В анализируемом фрагменте заметки слово *недееспособный* употреблено в 1 значении, так как: 1) анализируемое высказывание – фрагмент газетной статьи, судя по фрагменту – статья критическая, стиль статьи (и фрагмента) – публицистический.

Кроме того (и это обстоятельство следует признать самым главным) в анализируемом фрагменте слово *недееспособный* распространено обстоятельством меры и степени, выраженным наречием *абсолютно* (абсолютно недееспособный). Терминологическая лексика, как правило, не может иметь таких распространителей: дееспособность в юридическом понимании или существует, или отсутствует (или есть, или ее нет), так же как и недееспособность. Иными словами: понятие недееспособности не предполагает меру и степень, ср.: терминологическое ограниченно *дееспособный*, но невозможное: *ограниченно недееспособный*. Нельзя в терминологическом употреблении сказать: *гражданин Н. отчасти недееспособен* (ср. невозможное в русском языке *отчасти слепой*,

абсолютно хромой). Если бы это было иначе, то применять критерий недееспособности было бы нельзя. Кроме того, известно, что существует ряд: *дееспособный – ограниченно дееспособный – недееспособный*.

Из контекста очевидно, что речь идет о недостаточной, с точки зрения автора статьи, активности политического деятеля. Кроме того, для второго значения слова недееспособный типичны употребления: *признан недееспособным, не может совершать таких-то действий как недееспособный, признание кого-либо недееспособным, недееспособный вследствие болезни, психического расстройства* и под. Ср. примеры из публицистических текстов: *демократия недееспособна, Вы как физик недееспособны*.

В целом заметка “Черногоров подбирается к Ставрополю” носит дискуссионный характер, ставящий своей целью на основании определенного фактологического материала и в рамках лингвостилистической корректности (не употребляя оскорбительной лексики), привлечь общественное внимание к ряду насущных и спорных проблем в Ставропольском крае, к решению которых, по мнению газеты “Новый гражданский мир”, может иметь отношение губернатор Ставропольская края А.Л.Черногоров.

ТЕКСТ 8

- Внешнеситуационный: объявление в СМИ на правах рекламы
- Участники ситуации: адресант / рекламодатель / - адресат / массовый - читатель, индивидуальный – герой объявления/
- Иллокутивный: цель – оскорбление
- Внутриситуационный: негативная оценка
- Модальный: субъективная модальность
- Перлокутивный: оскорбление
- Индикаторы конфликта: негативнооценочная лексика, бранная лексика
- Текст: злоупотребление

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу № XXX по обвинению Даровского Г.С. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 129, 130 УК РФ
(Морозов А.В., г.Барнаул)

Основание для исследования: постановление мирового судьи судебного участка № 10 г. Мегиона Ханты-Мансийского автономного округа Гарбузова Юрия Валентиновича от 5 апреля 2004 г. в связи с рассмотрением уголовного дела по обвинению Даровского Георгия Станиславовича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 129, 130 УК РФ.

На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:

Вопросы частного обвинителя:

- Содержатся ли в тексте сведения о фактах и событиях?
- Допускают ли языковые формы высказываний в тексте оценку с точки зрения их достоверности, соответствия действительности?
- Имеются ли в тексте бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской?
- Представляет ли текст идейно-тематическое и языковое единство?

Вопросы подсудимого:

- Содержатся ли в тексте сведения, ущемляющие конституционные права Лысенко А.В., его честь и достоинство?
- Имеются ли в тексте бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской?
- Что означает разделительный знак в данной статье, состоящий из трех символов?

Вопросы по инициативе мирового судьи:

- Содержится ли в тексте отрицательная оценка Лысенко А.В., выраженная в неприличной форме и противоречащая установленным в обществе правилам общения между людьми?

- Распространяет ли опубликованная статья сведения в отношении Лысенко А.В., намеренно искажающие истину?

- Что означает знак «...» в тексте статьи?

- Объект экспертизы – материалы уголовного дела № 1-45/1-/2004 по обвинению Даровского Георгия Станиславовича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 129, 130 УК РФ.
- Средства и методы экспертизы: семантический и функционально-стилистический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы, «Русского семантического словаря» Института русского языка РАН в 6 тт. (М., 1998), Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова (Спб., 1998), Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997), «Нового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой, Словаря русской ненормативной лексики под ред. Л. Суриса (Изд-во ЕТС, 2002), словаря-справочника «За пределами русских словарей» А. Флегона (ТОО «Рике», 1993), Словаря бранных слов и выражений «Поле русской брани» Н.П. Колесникова и Е.А. Корнилова (Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996), «Жаргон-энциклопедии современной тусовки» А. Щуплова (М.: «Колокол-Пресс», 1998), литературы по теории журналистики, сборники Фонда защиты гласности и Гильдии лингвистов–экспертов по документационным и информационным спорам «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» (М., 2001); «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации», 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 2002; «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (М., 1997); «Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы для судей следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов» (М.: Медя, 2004); Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации (М., 2001).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1 частного обвинителя. Представленный текст (публикация в газете на правах рекламного объявления) в целом характеризуется явным преобладанием оценочной информации над фактуальной. К последней (сведениям о событиях и фактах) с некоторой натяжкой можно отнести лишь информацию о том, что имеются люди, которые «кидают» других людей, пользуясь их неинформированностью, а также много обещают и не

выполняют своих обещаний, однако ни одного конкретного факта подобного поведения в публикации не приводится. Отсутствует и прямое указание на лицо, которое поступает таким образом. Остальная информация, содержащаяся в тексте, представляет собой оценочные суждения автора – позитивную оценку своей личности и негативную оценку другой личности. Кроме того в тексте содержится призыв к читателям совершить какие-то действия, направленные против последней, но суть этих действий также не раскрывается. Таким образом, можно предположить, что для читателя, не знакомого с затекстовой ситуацией, послужившей поводом для публикации, данная публикация не содержит никакой конкретной информации. Однако в тексте имеется прямое указание на то, кому он адресован, – это лица, пострадавшие в результате действий вышеупомянутой личности. Такой адресат, по-видимому, в соответствии с замыслом автора, должен правильно понять содержащиеся в тексте намеки. Можно предположить с высокой степенью вероятности, что в тексте содержится имплицитная (скрытая, зашифрованная) информация, актуальная только для посвященных.

Вопрос 2 частного обвинителя. Все высказывания в тексте имеют форму утверждения, а не предположения. Глаголы стоят в форме настоящего времени и выражают объективную реальную модальность: *обещают, разговаривает, вызывает, втираются, пользуются, накалывают* и т.д. Модальные слова со значением вероятности или предположительности в тексте отсутствуют. Таким образом, вся информация, содержащаяся в тексте, подается автором как безусловно достоверная и соответствующая действительности.

Вопрос 3 частного обвинителя. В тексте присутствует ряд слов, относящихся к обценной лексике и обладающих стилистической окраской, которая в условиях определенного контекста может быть квалифицирована как оскорбительная. Самым грубым из них является слово *пи@дабол* (орфография оригинала), в котором одна буква заменена в публикации на печатный знак @, однако легко восстанавливается любым читателем. Слово «пиздобол» отсутствует во всех словарях русского литературного языка, словарями же ненормативной лексики его значение определяется как ‘болтун, трепач; врун’. В условиях отчетливо выраженной инвективной направленности всего контекста публикации данное слово несомненно воспринимается как бранное и несет высокий потенциал оскорбления. К ненормативной лексике может быть также отнесено междометие *онпс*, глагол *накалывать* в переносном значении ‘обманывать’, *кидать* в таком же значении, выражение *знать метлой* и пр. В общем контексте они также должны быть квалифицированы как оскорбительные. Оскорбительным по отношению к упоминаемому в тексте лицу является и употребление глагола *обмануть*, который, хотя и является литературным, но по самой своей семантике (‘ввести в заблуждение, сказать неправду, поступить недобросовестно по отношению к кому-либо’) характеризует объект с негативной стороны.

Вопрос 4 частного обвинителя. Представленный текст является единым целым и в идейно-тематическом, и в языковом отношении, несмотря на то, что разделен на две части. Между частями очевидна прямая смысловая связь: в первой части автор обещает, что Лысенко Алексей Валерьевич получит правду, вторая часть, по мысли автора, эту самую правду раскрывает. Кроме того, слово *ни@дабол* во второй части непосредственно соотносится с заявленной в первой части логической пропозицией «люди, которые много обещают и оппс...», а призыв «вывести его на чистую воду» во второй части – с призывом «гнать метлой и не подпускать» в первой части. Две части текста идентичны и по стилю: обе написаны с использованием средств такой функциональной разновидности русского языка, которая квалифицируется специалистами в данной области как «блатная феня», имеют одинаковую языковую модальность и инвективную направленность, содержат однотипные пунктуационные ошибки, в частности, лишние запятые. Будучи заключенными в общую рамку на газетной полосе, две части текста тем более воспринимаются любым читателем только как единое целое.

Вопрос 1 подсудимого. Согласно Конституции РФ, каждому гражданину гарантируется неприкосновенность частной жизни, деловой репутации, достоинства личности. Текст публикации содержит следующие сведения, наносящие ущерб деловой репутации А.В. Лысенко: он хотел бесплатной рекламы, он много обещает, но не выполняет свои обещания, он пользуется умением убеждать людей, чтобы обманывать их, его необходимо сторониться и не подпускать к себе. Использование при этом языковых средств с негативной, бранной оценкой человека, его поведения, несомненно посягает на достоинство личности и может нанести моральный ущерб. Ущемление неотъемлемых конституционных прав А.В. Лысенко усугубляется тем обстоятельством, что в тексте публикации не характеризуется ни один конкретный поступок этой личности, а следовательно дается ее обобщенная оценка. Таким образом, в данном тексте употребление обценных слов и выражений прямо адресовано конкретному лицу, имеет место прямой умысел на оскорбление, что явствует из первого абзаца (*он получит ее...*), инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова потерпевшего, а в целом его как личность. Все вышеизложенное дает основания констатировать нарушение конституционных прав А.В. Лысенко.

Вопрос 2 подсудимого. В тексте имеются бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением и словесные конструкции с оскорбительной эмоциональной окраской. Подробнее см. ответ на вопрос 3 частного обвинителя.

Вопрос 3 подсудимого. Разделительный знак, состоящий из трех символов, означает в данной публикации, что автор, в силу каких-то причин, счел нужным разделить ее на две части. Подобный знак часто используется в композиционно-графическом оформлении различных жанров газетно-журнальной речи. Как правило, часть текста, отделенная подобным знаком, претендует на изложение отдельной темы или вопроса в рамках общего

идейно-тематического содержания произведения. В данном случае использование разделительного знака не выглядит логичным, так как текст выглядит абсолютно цельным во всех отношениях. После разделительного знака автор продолжает развивать ту же тему, которая была им заявлена в последнем предложении первой части.

Вопрос 1 мирового судьи. В тексте содержится отрицательная оценка А.В. Лысенко. Ряд использованных автором языковых средств относятся к внелитературной сфере русского языка, представляют собой обценную лексику (*ни@дабол*) и грубые жаргонизмы (*кидать, накалывать*). Подобные грубые, циничные лексические единицы безусловно противоречат установленным в обществе правилам общения между людьми.

Вопрос 2 мирового судьи. В своей публикации автор распространяет сведения о конкретном лице – А.В. Лысенко. При этом в тексте присутствуют фрагменты, позволяющие утверждать, что он делает это намеренно («Я, ни когда не был человеком, который, обещает и не делает» - орфография и пунктуация оригинала). При этом автор, по-видимому, не допускает мысли, что он искажает истину, – в тексте много вербальных средств, выражающих полную уверенность пишущего в своей правоте. Таким образом, в тексте нет признаков того, что автор намеренно искажает истину и пытается ввести в заблуждение читателя. Вопрос о том, соответствуют ли действительности сообщаемые им сведения, выходит за рамки юрислингвистической экспертизы и может быть решен только в суде.

Вопрос 3 мирового судьи. Знак «...» в тексте публикации означает разделение ее на две части. Подробнее см. ответ на вопрос 3 подсудимого.

В Ы В О Д Ы

Представленный на экспертизу текст написан лицом с очень низким уровнем языковой компетентности, о чем свидетельствуют многочисленные грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки. Однако есть основания утверждать, что автор отдавал себе отчет в ненормативности и оскорбительности используемых им лексико-фразеологических средств русского языка. Представляется, что главная цель, преследуемая в тексте, – именно публичное нанесение оскорбления определенному лицу, а не привлечение единомышленников – задача, решаемая попутно, а, возможно, просто внешний повод для публикации. Об этом свидетельствует количественное соотношение между инвективно-оскорбительной и агитационной частью публикации (примерно 8 к 1), кроме того, если есть лица, пострадавшие от действий А.В. Лысенко, не было бы никакой необходимости убеждать их в том, какой А.В. Лысенко плохой человек, используя все приемы доступного автору «красноречия». Можно утверждать, что автор публикации – Г.С. Даровский – намеренно нанес оскорбление А.В. Лысенко, желая причинить последнему моральный ущерб, принизить его личное достоинство и деловую репутацию.

ТЕКСТ 9

- Внешнеситуационный: предвыборная агитация
- Участники ситуации: адресант / журналист / - адресат / массовый- электорат, индивидуальный - герои публикации/
- Иллокутивный: цель – агитация
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения / негативная оценка
- Модальный: модальность достоверности/субъективная модальность
- Перлокутивный: унижение чести, достоинства и деловой репутации
- Индикаторы конфликта: негативнооценочная, инвективная лексика, ирония
- Текст: злоупотребление

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по гражданскому делу по иску Южакова А.Ю. к Мещерякову В.М. о защите чести, достоинства и деловой репутации
(Голев Н.Д., г. Барнаул)

Основание для проведения экспертизы: определение суда по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации по иску Южакова А.Ю. к Мещерякову В.М.

На решение эксперта поставлены следующие вопросы:

- 1.Содержится ли в тексте статьи Мещерякова "Да здравствует "президент"?", опубликованной в газете "Звезда Алтая" (от 11.12.2001г.) информация о конкретном лице?
- 2.Содержит ли вышеуказанная статья негативную информацию о Южакове А.Ю.?
- 3.В какой форме - утверждения или мнения- подана информация о Южакове А.Ю. ?
- 4.Является ли оскорбляющей честь и достоинство Южакова А.Ю. фраза "Вот в этом и кроется суть подлости этого человека"?
- 5.Является ли информация о Южакове А.Ю. умышленной?
- 6.Наносит ли ущерб деловой репутации Южакова А.Ю. употребление по отношению к нему слов: "конъюнктурщик, мошенничество, хамелеон"?
7. Какой смысл имеют кавычки, в которые заключено слово "президент"?

Объект экспертизы - текст статьи директора ВЭПО "АСОХРА" Мещерякова В. под названием "Да здравствует "президент"?" из газеты "Звезда Алтая" от 11 декабря 2001 г.

Средства и методы экспертизы: семантический и функционально-стилистический анализ текста, данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы, литературы по теории

журналистики, сборники Фонда защиты гласности и Гильдии лингвистов - экспертов по документационным и информационным спорам "Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации" (М., 2001); "Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации" (М., 1997); А.Л. Анисимов. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации (М., 2001).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

В нашем экспертном анализе мы исходим из следующих положений, разъясняющих содержательно-смысловую юрислингвистическую направленность публицистического текста, подлежащего экспертизе по определению суда: 1. "Для анализа текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо как минимум ответить на три вопроса: 1) Содержит ли текст информацию о лице? 2) Содержит ли текст негативную информацию о лице? 3) В какой форме - утверждение, предположение - дана эта информация?" ("Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации", М., 2001, с.125). 2. "Журналист описывает не событие как таковое и не сценарий как таковой, а их психический образ...Событие выступает в сознании журналиста в виде образа события. Образ события описывается при помощи текста, причем конечная задача этого текста - создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или слушателя)" ("Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации". М., 1997, с.52).

Вопрос 1. Текст статьи В. Мещерякова "Да здравствует "президент"?" содержит информацию о конкретном лице - Южакове А.Ю., называемом в данной статье определенно и однозначно. Об этом говорит высказывание в начале статьи: "ныне действующий председатель СПК "Кайтанак" Южаков А.Ю.". Оно подтверждается множеством других фактов, позволяющих идентифицировать главного персонажа статьи как конкретное лицо: отсылкой на предыдущие публикации, указанием на выступления на собраниях и различные юридические действия, в которых определенно обозначены даты и действующие субъекты.

Вопрос 2. В тексте содержится негативная информация о конкретном лице - Южакове А.Ю. Отрицательное отношение к Южакову А.Ю. формируется путем подбора фактов, которые могут быть квалифицированы как нарушения истцом действующего законодательства и моральных норм, действующих в обществе. Такова, например, информация о факте мошенничества на почтовом отделении с. Огневка и других фактах, связанных с коммерческой деятельностью Южакова А.Ю. Их оценка с точки зрения соответствия приведенных фактов действительности не входит в компетенцию лингвистической экспертизы. Другой путь выражения отрицательного отношения к истцу - прямые и косвенные оценки его личности и его действий. Для этого подбираются слова и выражения, содержащие в своем

значении отрицательную оценку. К прямым отрицательным оценкам, например, следует отнести оценки, содержащиеся в выражениях: "госпожа Г. Масеева плохо знает господина Южакова с его теневой стороны", "видимо, время, проведенное в период следствия, дало начало отрицательным помыслам", "господин Южаков поступил с ассоциацией еще интересней, циничней, этого даже не придумает враг", "и не думал я, что это говорит "хамелеон", который уже выстроил политику неисполнения договорных обязательств", "пошел на мошенничество, втянув с собой и работника почтового отделения с. Огневка", "он конъюнктурщик, преследующий свою выгоду". К косвенным отрицательным оценкам относятся: "эти знания он придерживал "за пазухой", чтобы в нужный момент пустить в дело", "пусть он себя попробует теперь на "высоком месте" защитника интересов трудящихся?" (ироническое сомнение в том, что Южаков А.Ю. действительно является защитником интересов трудящихся; вопросительный знак в конце высказывания является ошибочным).

Вопрос 3. В тексте статьи содержатся как сведения о Южакове, так и мнение о нем. Обе эти линии заявлены в начале статьи : * "Мне кажется, что госпожа Г. Масеева плохо знает господина Южакова А.Ю. с теневой стороны" - тезис, определяющий линию мнения. * Я знаю Южакова 14 лет - тезис определяющий линию сведений о фактах из жизни Южакова, утверждений о его поступках, качествах. К группе сведений относятся утверждения об оплате ему учебы в 1996 ассоциацией, о факте мошенничества на почтовом отделении с. Огневка, утверждение о служебном расследовании и определении в связи с этим; утверждения о фактах, связанных с хозяйственной и коммерческой деятельностью Южакова А.Ю. (например, о реализации пантов через ООО "Энвирахолжинг", зарегистрированной в Майминском районе 14 июня 2001 года), о делегировании Южакову звания президента компании и т.п. Отметим, что с юридической точки зрения некоторая часть таких утверждений может быть квалифицирована как утверждения Ответчика о нарушении Истцом действующего законодательства РФ: о невыполнении обязательств, использовании служебного положения в личных целях, мошенничестве и т.п.; другая часть - о нарушении Истцом моральных принципов и неправильном поведении в трудовом коллективе: о наличии отрицательных помыслов, цинизме, непорядочности, конъюнктурному поведению, отсутствию уважения к коллективу, недобросовестности в партнерских отношениях и т.п. Правовая квалификация этих высказываний как порочащих (или нет) хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию Истца, не является компетенцией лингвистической экспертизы. К группе мнений относятся утверждения: "видимо, время, проведенное в период следствия, дало начало отрицательным помыслам", "Мне, прожившему уже 60 лет, можно судить о Южакове по-другому", "а мой вывод таков, что тезис "забота о личном" на случай ухода от руководящей роли, господином Южаковым выполняется", "И не думал я, что это говорит "хамелеон" и т.п. Для оценки судом высказываний как унижающих честь, достоинство и деловую репутацию

Истца необходимо оценить не только то, что говорится в утверждении Ответчика, но и то, как (с нормативно-лингвистической точки зрения) говорится об Истце. Проанализируем с этой точки зрения лексику, содержащуюся в тексте статьи. В книге "Цена слова" (с. 155-156) указываются разряды инвективной (оскорбительной) лексики и фразеологии, среди них: 1) Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: бандит, жулик, мошенник. 2) Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющие основной смысл его употребления: двурушник, расист, враг народа. 3) Глаголы с "осуждающей" семантикой или даже прямой негативной оценкой: украсть, хапнуть. 4) Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: кобель, кобыла, свинья. 5) Эвфемизмы для слов первого разряда: женщина легкого поведения, интердевочка. В тексте статьи имеются слова, относимые к этим группам: 1) мошенничество, конъюнктурщик, 2) циничный, теневая сторона, подлость, отрицательные помыслы, 3) преследующий свою выгоду, 4) хамелеон, 5) не упустить своего, придерживал за пазухой. Следовательно, можно рассматривать данные слова и выражения как унижающие честь, достоинство и деловую репутацию Истца. Они по большей части употребляются не для донесения до читателя информации, а специально предназначены для унижения достоинства того, о ком говорится в высказывании.

Вопрос 4. В дополнение к информации в пункте 3 о слове "подлость" приводим его значение, данное в Толковом словаре современного русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова): "ПОДЛЫЙ" - низкий в нравственном отношении, бесчестный: подлый человек, подлый поступок. Также в Современном толковом словаре русского языка (СПб, 2001) и в других словарях. Таким образом, в высказывании Ответчика оценивается нравственная сущность Истца, как человека способного нарушить моральные принципы, сообщается о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в обществе.

Вопрос 5. Информация об А.Ю. Южакове является умышленной. В начале статьи сообщается, что ее автор - В. Мещеряков - вполне осознанно опровергает высказанное ранее в газете "Звезда Алтая" (от 27 ноября 2001 г.) Г. Масеевой о Южакове А.Ю. "как человеке деятельном, умном руководителе, чьи знания могут пригодиться в законодательном собрании Эл Курултай нашей республики". Автор ставит своей целью показать избирателям теневые стороны Южакова Ю.А. и тем самым не допустить его избрание в депутаты Законодательного собрания Эл Курултай. Наличие этой цели подтверждает и завершающая фраза статьи, в которой ее автор высказывает сомнение в том, что А.Ю. Южаков достоин высокого места защитника интересов трудящихся в Законодательном собрании республики.

Вопрос 6. Есть все лингвистические основания для отнесения слов "конъюнктурщик", "мошенничество", "хамелеон" к числу слов, способных нанести ущерб деловой репутации Южакова А.Ю., так как читатели газеты воспринимают смысл этих слов в том значении, которое им принадлежит.

Подробное обоснование этого содержится в ответе на вопрос 3. В дополнение к нему приведем данные словарей о значении указанных слов. **КОНЬЮНКТУРЩИК** (разг., пренебреж.) - "беспринципный человек, действующий в зависимости от сложившейся в данный момент обстановки, от стечения обстоятельств" ("Толковый словарь русского языка" С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова (М., 2000) **МОШЕННИЧЕСТВО** - "Обман, жульнические действия с корыстной целью"; (там же). **ХАМЕЛЕОН** - перен. "Человек, который, приспособляясь к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды, симпатии" (неодобительно); (там же). Данные других словарей не противоречат приведенным толкованиям смысла указанных слов.

Таким образом, данные слова способствуют созданию у читателей образа человека, не придерживающегося нравственных принципов, в том числе в деловых отношениях с людьми, что может нанести ущерб его деловой репутации.

Вопрос 7. Смысл кавычек, в которые заключено слово "президент" в заголовке статьи, раскрывает высказывание из текста статьи: "То, что образована еще одна организация, занимающаяся экспортом пантов, - нет ничего нового, а вот то, что господину Южакову делегируется звание президента компании, хотя в уставе не предусмотрено, - действительно свежо". Таким образом, кавычки подчеркивают смысл - "псевдопрезидент", "недействительный президент", "человек, лишь называющий себя президентом, но не являющийся таковым", "незаконный президент".

ВЫВОДЫ

В тексте статьи В. Мещерякова "Да здравствует "президент"?" содержится отрицательная информация о конкретном лице - председателе СПК "Кайтанак" А.Ю. Южакове. Эта информация помещена автором в газете умышленно, ее цель воспрепятствовать избранию А.Ю. Южакова в Законодательное собрание республики путем создания в сознании читателей его негативного образа. Одна часть информации является сведениями о фактах, отрицательно характеризующих А.Ю. Южакова, другая часть - мнением В. Мещерякова о действиях и качествах А.Ю. Южакова, оцениваемых В. Мещеряковым как отрицательные. Многие из них содержат утверждения о нарушении А.Ю. Южаковым действующего законодательства и/или моральных принципов, и могут быть квалифицированы как порочащие честь, достоинство и деловую репутацию Истца, если будет доказано их несоответствие действительности. Форма распространения информации в статье далеко не всегда корректна, в тексте статьи имеются слова и выражения, которые относятся к числу инвективных (оскорбительных), способных задеть честь и достоинство человека, по отношению к которому они применены - в данном случае А.Ю. Южакова.

ТЕКСТ 10

- Внешнеситуационный: статья СМИ
- Участники ситуации: адресант /журналист / - адресат / массовый - читатель, индивидуальный – герои публикации/
- Иллокутивный: цель – дискредитация
- Внутриситуационный: негативная информация в форме утверждения/ негативная оценка
- Модальный: модальность достоверности/ субъективная модальность
- Перлокутивный: унижение чести и достоинства
- Индикаторы конфликта: негативнооценочная лексика, прецедентное имя, подтекстовая форма подачи негативной информации, жаргонная лексика
- Текст: злоупотребление

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по специальному лингвистическому исследованию публикации «*Элтон Джон нашел в Рязани тройню?*» в газете «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г.

(эксперт Губаева Т.В., г. Казань)

Для дачи заключения поставлены следующие вопросы:

1. Каковы особенности композиционно-стилевого построения спорной публикации *Элтон Джон нашел в Рязани тройню?* в газете «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г.?

2. Каковы синтаксическое строение, смысловое содержание и функции заголовка *Элтон Джон нашел в Рязани тройню?*

3. Использованы ли в спорном тексте какие-либо средства речевого воздействия, направленные на формирование негативного мнения читателей о С.Ю.Гаркавом (средства риторической аргументации)?

4. Какое суждение – фактическое или оценочное – передает фраза *По словам Тамары, этот вирус в России не встречается, она уверена: ребенка заразил Сергей, накануне приехавший в Россию?*

5. Каковы содержание информации и форма ее выражения в следующем фрагменте спорного текста:

«С женщинами у меня не получается»

Тамаре показалось, что Сергей – тот самый «солнечный мальчик», которого она искала. А когда узнала, что мальчик мечтает иметь детей, однако не может, потому как интимные отношения с женщинами не складываются, даже пожалела его. Впрочем, Сергей оказался находчивым: предложил Тамаре стать матерью его ребенка, использовав методику искусственного оплодотворения. Она не стала вдаваться в подробности:

какая разница, зато у ребенка будет интеллигентный, материально обеспеченный отец...»

6. Какая предметная (денотативная) ситуация обозначена языковыми единицами, входящими в состав следующего текста, и допускает ли он многозначное толкование:

Но Сергей решил отобрать ребенка любой ценой. Тамара, доверявшая ему во всем, вдруг увидела перед собой настоящее чудовище. То ли его подменили, то ли она просто была слепа... На следующий день он ворвался к ней в квартиру, попытался вырвать Георгия из рук. Она отбивалась и кричала, подбежав к окну:

- Если не уйдешь, я разобью окно и позову на помощь прохожих!

... Сергей отступился. Но ненадолго. Вскоре по рязанскому телевидению в прайм-тайм пошли сюжеты: знаменитый американский стилист Гаркавый против дикой русской женщины и органов опеки, не желающих прислушиваться к отцовскому горю. «Вечерняя Рязань» опубликовала серию статей на ту же тему (в одной из них как бы ненароком указан домашний адрес Тамары). В ее подъезде появились листовки примерно такого содержания: «Может ли такая демоническая женщина воспитывать ребенка?..» Газеты наперебой судачили о том, что Гаркавый не просто стилист: он мэтр парикмахерского искусства, работавший с суперзвездами вроде Элтона Джона.

К скандалу подключились управления образования, здравоохранения, прокуратура и прочие заинтересованные учреждения. Сергей заверял всех, что ребенку угрожает опасность.

7. Какова форма подачи сведений в следующем фрагменте:

Семейная тайна

...К слову, есть в этой истории еще одно деликатное обстоятельство. Тамара долго недоумевала, чего это представители официальных органов так иронизировали над истеричностью и манерностью Сергея. Потом в «Вечерней Рязани» процитировали письмо от американского друга Гаркавого. Тот писал: «Я являюсь наперсником Сергея уже в течение семи лет...» В рязанские читатели ломали голову, что за «наперсник» такой? Педик, что ли, только по-научному? Но Тамара отмахивается все догадки. И все-таки слово «наперсник» теперь произносит с какой-то нехорошей улыбкой.

8. Содержатся ли в спорной статье «Элтон Джон нашел в Рязани тройню?» газеты "Комсомольская правда" от 18 сентября 2001 г. негативные сведения о Гаркавом Сергее Юрьевиче, его деятельности, личных моральных качествах? Если да, то в каких конкретно высказываниях содержится негативная информация и в какой форме она выражена (утверждения, предположения, вопроса)?

9. Имеются ли в названной спорной статье высказывания в форме утверждения, приписывающие С.Гаркавому незаконные или аморальные действия, вызывающие явное или неявное осуждение со стороны окружающих? Если да, то какие это высказывания, утверждения о

нарушении каких именно норм закона, морали и моральных принципов они содержат и от чьего лица они сделаны?

10. Каково значение слова *педик* в современном русском языке и в отношении кого оно использовано в спорной статье?

11. В каком значении употреблено слово *чудовище* в следующем фрагменте статьи:

«Но Сергей решил отобрать ребенка любой ценой. Тамара, доверявшая ему во всем, вдруг увидела перед собой настоящее чудовище. То ли его подменили, то ли она просто была слепа... На следующий день он ворвался к ней в квартиру, попытался вырвать Георгия из рук. Она отбивалась и кричала, подбежав к окну:

- Если не уйдешь, я разобью окно и позову на помощь прохожих!

... Сергей отступился. Но ненадолго....» ?

В мое распоряжение поступили заверенные в установленном порядке документы:

- ксерокопия спорной публикации «*Элтон Джон нашел в Рязани тройню?*» в газете «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г.;

- запрос от Паленова Э.А., действующего по доверенности в интересах Гаркавого С.Ю.

Экспертное исследование осуществлено с использованием толковых и грамматических словарей русского литературного языка, фиксирующих современную языковую норму. Учтены отдельные положения из области общего языкознания, риторики и теории аргументации, закономерности смыслового восприятия речевых сообщений в условиях массовой коммуникации. Применены методы лексико-грамматического и семантико-стилистического анализа русскоязычного текста.

1. Под композиционно-стилевым построением текста понимается мотивированное расположение компонентов речевого произведения и выбор соответствующих языковых средств, которые необходимы для воплощения авторского замысла. Спорный текст строится по принципу диалогичности, как реакция на событие, о котором уже сообщали рязанские газеты. Ставится задача до конца выяснить все подробности *непонятной истории* и рассказать читателям, *что же все-таки там случилось* (здесь и далее курсивом отмечены цитируемые фрагменты спорного текста). Изначальная установка на авторитетный анализ и достоверность сообщаемого подтверждается, в частности, следующими текстовыми маркерами:

в рязанских газетах развернулась целая война против местной жительницы, родившей детей «из пробирки» - для стилиста британской рок-звезды. Жертвами в этой войне стали дети... (заявка на сенсацию, знак тире усиливает экспрессию, а многоточие указывает, что тема будет продолжена);

в Рязани случилась непонятная история (далее в тексте будет развита эта смысловая линия «малопонятная, интригующая история» – тут опять случилось нечто странное; к скандалу подключились управления образования,

здравоохранения, прокуратура; есть в этой истории еще одно деликатное обстоятельство);

Так, по крайней мере, это описывали местные газеты; Что же все-таки там случилось? ... Я пришел к ней домой без предварительного телефонного звонка (автор публикации сомневается в истинности сведений, содержащихся в местных газетах, и подчеркивает свою решимость лично во всем разобраться; многоточие здесь имеет смысловую нагрузку – обозначает пропуск в повествовании, а далее по ходу изложения автор как бы открывает всем истину, вносит ясность в малопонятное. Тем самым изначально задана установка на смысловое восприятие сообщаемых в тексте сведений как достоверных).

Дальнейшее логико-смысловое развертывание текста формирует его организацию вокруг трех тематических блоков: 1) спор о детях, 2) недостойный отец этих детей, его скандальное поведение, 3) гомосексуальные контакты. Логическим развитием этих тем в их взаимосвязях и взаимодействии обеспечивается композиционное единство спорной публикации. В качестве средств выражения использованы характерные для публицистического стиля языковые средства и конструкции, которые легко доступны для восприятия и адекватного понимания.

При этом в композиции спорной статьи существенна роль обособленных текстовых фрагментов под рубриками *Кстати* и *А как у них?* Указанные фрагменты выделены графически (рамки, заливка, подзаголовки и их шрифт), в них логически развиваются темы спора о детях и гомосексуальных контактов.

В качестве самостоятельного композиционно-стилевого приема использован контраст. Так, рубрика *мужчина и женщина* представлена в отрицательном осмыслении: из врезки от имени ведущей рубрики следует, что в данном случае это не гармоничная пара, а родители-эгоисты, их *взрослые разборки* будут предметом повествования. При этом он, Сергей Гаркавый, оказывается отрицательным персонажем (вместо ожидаемого культурного, образованного, интеллигентного «солнечного мальчика», мэтра парикмахерского искусства, работавшего с суперзвездами вроде Элтона Джона оказался личным стилистом», о существовании которого, возможно, и не подозревает сам Элтон Джон; настоящим чудовищем, истеричным, манерным и т.п. прямые либо косвенные негативные характеристики); тогда как она – положительна (вместо некоей демонической женщины, дикой русской женщины, чей образ создали рязанские газеты, автор увидел женщину красивую, с печальными умными глазами и осиной талией, наивно соглашавшуюся на все, что предлагал ей странный приятель и т.п. – создан положительный образ любящей и страдающей матери);

Определенная композиционная нагрузка отмечается у невербальных средств – фотографий и врезок. Так, над заголовком статьи *Элтон Джон нашел в Рязани тройню?* размещена фотография С.Ю. Гаркавого с врезкой *Американец Сергей Гаркавый*, что позволяет однозначно идентифицировать

личность, о которой идет речь в публикации. Вместе с тем на фотографии с врезкой *Георгий – последний из тройни – с мамой в Рязани* лицо мамы Георгия не изображено.

2. Заголовок спорного текста по синтаксическому строению является вопросительным предложением. По общему правилу, такие предложения характеризуются целевой установкой на получение информации. Вопросительное предложение *Элтон Джон нашел в Рязани тройню?* по значению и структуре является неместоименным, оно выражает общий вопрос, требующий в ответе лишь подтверждения или опровержения сведений, содержащихся в данном предложении. В смысловом восприятии это сближает вопрос с эмоциональным утверждением, призванным привлечь и заинтересовать читателя, а также кратко передать основную мысль статьи.

Спорная публикация характеризуется тем, что формулировка вынесенного в заголовок вопроса содержит загадку: *Элтон Джон – и в Рязани, Элтон Джон – и тройня, которую он нашел*. Эффект загадки усилен за счет синтаксической формы вопросительного предложения. При этом заголовок обеспечивает смысловое единство всех материалов публикации, в которой смысл сопоставления Сергея Гаркавого с Элтоном Джоном развивается по двум направлениям (микротемам): Сергей как *стилист Элтона Джона* и Сергей как подобный Элтону Джону в гомосексуальных контактах.

Микротема *стилист Элтона Джона* развивается с помощью прямых номинаций *знаменитый американский стилист, стилист*, употребляемых по отношению к С.Гаркавому и имеющих иронический оттенок разной степени выраженности. Во фрагменте под рубрикой *кстати* сочетание «*личный стилист*» употребляется в кавычках и в таком контексте, что эта линия смыслового развития темы вообще прерывается. Логически акцентируется только вторая микротема, развиваемая за счет подтекста и косвенных номинаций, когда Элтон Джон и Сергей сопоставлены как гомосексуалисты: *Элтон Джон удумал выходить замуж за своего любовника, и это проблемы посерьезнее, чем у Сергея, у которого тоже есть деликатные обстоятельства, с женщинами не получается; интимные отношения с женщинами не складываются; его Тамара даже пожалела за это; он способен из-за пустяка устроить истерику, манерный; педик, что ли*.

3. В спорном тексте используются определенные средства речевого воздействия, направленные на формирование негативного мнения читателей о С.Ю.Гаркавом (средства риторической аргументации). Сюда относятся: выбор эмоционально окрашенного словесного обозначения одного и того же лица – С.Гаркавого – по принципу резкого контраста положительного и отрицательного образа (*американский принц, известный стилист, работающий и живущий в США; интеллигентный «солнечный мальчик», соответствующий мечте, чтобы отцом чада стал человек достойный* – и он же далее изображен как недостойный во всех отношениях: *пытался отобрать ребенка любой ценой, заразил вирусом, который в России не*

встречается; настоящее чудовище, у которого интимные отношения с женщинами не складываются и т.п.);

указание на общезначимые и уважаемые символы счастливых семейных отношений: *просил маму подарить ему братика или сестричку, встретила там своего принца, писал ей нежные письма; «не волнуйся, все будет хорошо», малыша любят* – по контрасту с символами безнравственного поведения в сексуальной сфере, вызывающего резко отрицательное отношение в российской культуре, где сравнительно недавно гомосексуальные контакты были уголовно наказуемыми;

приведение примеров в сочетании со ссылкой на авторитет – информация о всемирно известных «звездах», в подтексте сопоставляемых с Сергеем Гаркавым не с точки зрения признанного мастерства, а в недостойном поведении (затевают громкие споры о детях, вступают в гомосексуальные контакты).

4. Фраза *По словам Тамары, этот вирус в России не встречается, она уверена: ребенка заразил Сергей, накануне приехавший в Россию* является сложным предложением, состоящим из трех предикативных единиц, соединенных бессоюзной связью. Такое синтаксическое построение указывает на сочетание в пределах данного высказывания трех фактических суждений: 1) со ссылкой на источник информации – вирус в России не встречается; 2) Тамара уверена в причине заболевания; 3) ребенка заразил Сергей. Оценочные слова и конструкции, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой» или их конкретные разновидности, в данной фразе отсутствуют, она передает относительно самостоятельные фактические суждения.

5. Фрагмент спорного текста с подзаголовком *«С женщинами у меня не получается»* (первый абзац, в отношении которого поставлен вопрос) содержит сведения о частной жизни С.Гаркавого, в том числе указывающие на признаки расстройства функций его организма, что составляет охраняемую законом тайну. О семейной тайне говорится и в дальнейшем изложении. По форме выражения в исследуемом фрагменте представлены прямые номинации (*мечтает иметь детей, однако не может, потому как интимные отношения с женщинами не складываются; предложил ... стать матерью его ребенка, используя методику искусственного оплодотворения*). По смыслу они однозначно связываются с фрагментом под заголовком *Семейная тайна*, где в подтекстовой форме дано утверждение, что С.Гаркавый является гомосексуалистом.

6. В текстовом фрагменте, который начинается со слов *Но Сергей решил* и завершается словами *ребенку угрожает опасность*, с помощью языковых средств публицистического стиля обозначена денотативная ситуация, характеризующаяся ключевым словом *скандал*: не разбираясь в средствах, Сергей прибегает к насилию, чтобы увести ребенка в Америку. Он врывается в квартиру, в драке хочет отнять Георгия у Тамары (*она отбивалась и кричала*), потом организует телевизионные сюжеты, пытаясь привлечь на свою сторону влиятельных людей города. Данный фрагмент имеет

однозначное толкование, в нем содержится негативная информация о С.Гаркавом, изложенная в форме утверждения о фактах, имевших место в прошлом.

7. Текстовый фрагмент, озаглавленный *Семейная тайна*, начинается с многоточия и вводной конструкции *к слову*, что обеспечивает цельность смысловой организации текста, единство данного фрагмента с другими, воссоздающими и усиливающими отрицательный образ С. Гаркавого. В исследуемом фрагменте представлена подтекстовая форма подачи информации. Прямого утверждения, что С.Гаркавый – гомосексуалист, нет, однако эта информация легко выводима исходя из общего смысла данного фрагмента в его связи с другими элементами текста (сведения о расстройстве здоровья, параллели с Элтоном Джоном; взятые в кавычки, цитируемые слова Сергея «с женщинами у меня не получается» и т.д.). Мужской гомосексуализм, о котором идет речь, однозначно расценивается в российском обществе как безнравственное поведение в сексуальной сфере, резко осуждается как противоестественная, аморальная сексуальная практика, и это также содержится в подтексте исследуемого фрагмента (*отмечает все догадки, но слово «наперсник» теперь произносит с какой-то нехорошей улыбкой*).

8. Исследуемый текст содержит негативные сведения о С.Гаркавом, изложенные в форме фактических утверждений: *мечтает иметь детей, однако не может; заразил ребенка, решил отобрать ребенка любой ценой, ворвался в квартиру, попытался вырвать Георгия*.

9. Спорная статья содержит высказывания в форме утверждения, сделанные от третьего лица (автора публикации) и приписывающие С.Гаркавому действия, вызывающие явное или неявное осуждение со стороны окружающих: *решил отобрать ребенка любой ценой, ворвался в квартиру, попытался вырвать Георгия*.

10. Слово *педик* в современном русском языке литературным не является, фиксируется как арготическая номинация для обозначения *педераста* – мужчины, испытывающего половое влечение к лицам своего пола (более узко – к неполовозрелым мальчикам). Имеет оскорбительный смысл, так как не входит в систему литературного языка и обладает ярко выраженной негативной окраской, ассоциируется с осуждаемым обществом безнравственным поведением в сексуальной сфере. В спорной публикации в качестве прямой номинации слово *педик* использовано по отношению к некоему *американскому другу Гаркавого*, в качестве косвенной номинации относится также и к Гаркавому С.Ю.

11. Слово *чудовище* в спорном тексте употребляется по отношению к Гаркавому С.Ю. в переносном значении «жестокий и безнравственный человек».

На основании изложенного прихожу к следующему выводу:

Спорная публикация «*Элтон Джон нашел в Рязани тройню?*» в газете «Комсомольская правда» от 18.09.2001 г. построена как часть скрытой дискуссии со статьями в рязанских газетах и направлена на создание и

утверждение в сознании читателей отрицательного образа С.Ю.Гаркавого. Данный вывод подтверждается особенностями композиции текста, синтаксическим строением и функциями заголовка, использованием специальных средств речевого воздействия в сочетании с невербальными компонентами выражения мысли. В тексте есть оскорбление С.Ю.Гаркавого косвенными наименованиями. Текст содержит негативную информацию о Гаркавом С.Ю. – оскорбительные оценки и фактические суждения, наносящие ущерб его достоинству, деловой репутации, правам и законным интересам в сфере частной жизни.